

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.А. Демешкина, Н.А. Верхотурова, Л.Б. Крюкова,
Н.В. Курикова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ
ВОСПРИЯТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ
И ОБЩЕРОССИЙСКОМ
ДИСКУРСЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

УДК 81¹367/37
ББК 81
Д30

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *А.Н. Ростова*,
д-р филол. наук, проф. *З.И. Резанова*

Д30 **Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В.** Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 194 с.

ISBN 5-7511-2053-6

В монографии рассматриваются лингвистические модели процессов восприятия, отраженные в разных формах русского национального языка. Восприятие описывается как одна из основных систем человека, выявляются миромоделирующие возможности диалекта, поэтического текста, фразеологической системы русского и английского языков.

Для филологов – преподавателей, аспирантов, студентов.

УДК 81¹367/37
ББК 81

Издание осуществлено при финансовой поддержке программы Министерства образования и науки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект № 60313) и гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК – 2621. 2005.6)

ISBN 5-7511-2053-6

© Т.А. Демешкина, Н.А. Верхотурова,
Л.Б. Крюкова, Н.В. Курикова, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Глава 1. Ситуация восприятия и способы ее моделирования в диалекте	8
Часть А. Диалектное высказывание в аспекте моделирования (<i>Т.А. Демешкина</i>)	8
1.1. Моделирующие возможности диалектного высказывания	8
1.2. Модели высказываний со значением зрительного восприятия	9
1.3. Высказывания со значением слухового восприятия	21
1.4. Высказывания со значением восприятия запаха	25
1.5. Особенности реализации пропозиции восприятия в диалекте	29
Часть Б. Восприятие пространства и способы его моделирования в диалектной коммуникации (<i>Н.В. Курикова</i>)	32
1.6. Местоимения как языковые категоризаторы	32
1.7. Модель коммуникативного пространства в диалектной речи	35
1.8. Семантические параметры локализации объектов в пространстве	43
1.8.1. Дейктическая локализация объектов в физическом пространстве	43
1.8.2. Проблема точки отсчета в пространственном дейксисе	47
1.8.2.1. Точка отсчета в дейктическом пространстве диалектной речи	50
1.8.2.1.1. Эксплицированная позиция наблюдателя	52
1.8.2.1.2. Имплицированная позиция наблюдателя	54
1.8.3. Семантический параметр «поле зрения» наблюдателя в коммуника- тивной модели восприятия пространства	55
1.8.3.1. Актуальное пространство локализации объектов	57
1.8.3.2. Периферийное пространство локализации объектов	59
1.8.3.3. Промежуточная сфера локализации объектов	62
1.8.4. Модель пространственно-временного континуума в диалектной модели восприятия пространства	65
1.8.5. Экспликация категории «чуждости» в пространственной модели мира носителей диалекта (анализ семантики лексемы «там»)	75
Выводы	81
Глава 2. Когнитивное моделирование восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ух», «нос» (<i>Н.А. Верхотурова</i>))	88
2.1. Проблема языкового моделирования во фразеологии	88
2.2. Когнитивный и когнитивно-лингвокультурологический подходы к изу- чению семантики фразеологических единиц	96
2.3. Методика построения когнитивной модели восприятия	107
2.4. Моделирование визуального, аудиального и обонятельного восприятия	109
2.4.1. Моделирование визуального восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «глаз»)	110
2.4.2. Моделирование аудиального восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «ух»)	112

2.4.3. Моделирование обонятельного восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «нос»).....	117
2.5. Общие принципы построения интегральной модели восприятия	121
2.6. Национально-культурная специфичность / универсальность модели восприятия в русском языке	131
Выводы	135
Глава 3. Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте (Л.Б. Крюкова).....	141
3.1. Лингвистическое моделирование как метод анализа поэтического текста ..	141
3.2. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте...	145
3.3. Авторское моделирование мира в стихотворениях А. Ахматовой	156
3.4. Целостное восприятие мира в сборнике Н. Гумилева «К синей звезде»	166
3.5. Явления транспозиции в стихотворениях А. Блока, В. Брюсова, В. Ходасевича (ситуация восприятия – ситуация мыслительной деятельности)	168
3.6. Роль высказываний с семантикой восприятия в поэтических текстах С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой (особенности авторских моделей).....	175
Заключение.....	188

ОТ РЕДАКТОРА

Исследование проблемы восприятия относится к числу актуальных проблем современного языкознания, что обусловлено интенсивным развитием когнитивного направления с его вниманием к способам восприятия, хранения и обработки информации о мире. Анализ мировосприятия с помощью метода моделирования представляется весьма эффективным, поскольку восприятие мира различными органами чувств уже происходит по определенным моделям. Использование моделирования в качестве теоретико-методологического основания в различных областях знания на современном этапе связано, на наш взгляд, с попыткой целостного описания мира на единых основаниях, поскольку моделирование является неотъемлемой частью любой деятельности человека. Таким образом, обе категории (восприятие и моделирование), исследуемые в работе, имеют базовый междисциплинарный характер.

Восприятие как процесс и итог отражения мира в форме чувственного образа имеет несколько особенностей, получивших выражение в языке: 1) объект представлен в форме целостного образа во всей совокупности свойств и признаков, что обусловлено объективностью существования окружающего мира; 2) адекватность чувственного образа объекта обеспечивается за счет взаимного воздействия воспринимающего и воспринимаемого. Субъект совершает различные действия по отношению к объекту (движения глаз, осязательные движения рук, процесс вслушивания и т. д.). Этим объясняется тот факт, что ситуация восприятия может быть описана посредством предикатов движения или направленного действия (бросил взгляд, взор скользит и т. д.). Объект же, в свою очередь, адаптируется к особенностям воспринимающего субъекта, поскольку воспринимающий стремится сделать объект максимально удобным для восприятия. Поэтому на языковом уровне процесс восприятия представлен двунаправленно: от субъекта к объекту и наоборот. Это создает объективную основу для существования большого репертуара структурно-семантических моделей, позволяющих выразить степень активности / пассивности субъекта, интенсивность ощущения, силу воздействия, состояния или реакцию субъекта; 3) процесс восприятия осуществляется в несколько этапов: а) обнаружение объекта в воспринимаемом поле, б) различение признаков и свойств объекта, в) синтез этих признаков. Отсюда возможность противопоставить про-

цесс и результат восприятия (*слушать и слышать, смотреть и видеть*). Моделирование процессов восприятия осуществляется на семантическом уровне высказывания. Лингвистическое моделирование относится к знаковому моделированию и восходит к логике.

В предлагаемой монографии моделирование процессов восприятия осуществляется с учетом понятия пропозиции, представляющей собой одну из форм кодирования информации в памяти человека, чем обусловлено центральное место пропозициональных моделей в современной исследовательской парадигме. Пропозиция обладает изоморфизмом как свойством системы базисных принципов представлять основания членения мира. Как модель пропозиция выполняет описательную, объяснительную, предсказательную и аксиологическую функции.

Возможности способа представления пропозиции определяются принципом прямого и переносного описания ситуации, коммуникативными намерениями говорящего. Адресант может акцентировать внимание на наиболее значимых сторонах ситуации, описывать ее подробно или схематично. Этим обусловлены разное количество актантов, разная их конфигурация, разный набор предикатов для описания одной ситуации.

Модели высказываний с семантикой восприятия построены с учетом разных параметров: 1) по способу восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус); 2) по степени активности / пассивности субъекта восприятия; 3) по принципу описания ситуации (прямое / переносное); 4) по принадлежности к разным сферам жизни (физическая, психическая, интеллектуальная, социальная); 5) по противопоставленности процесса и результата.

Конкретные модели восприятия вычленяются в зависимости от способов восприятия. Восприятие понимается как в узком, так и в широком смысле. В широком смысле подразумевается восприятие мира как сущего в моделях бытия.

В данной работе речь идет преимущественно о восприятии в узком смысле. Анализу подвергаются высказывания, содержащие предикат, представляющий семантику конкретного чувственного (перцептивного) способа восприятия (может быть описан через глагол «воспринимать»).

Восприятие представляет одну из основных систем человека, позволяющую выявить способы концептуализации окружающего мира. Восприятие в данной работе рассматривается как физическая система, которая включает пять подсистем: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Названные системы иерархизированы с точки зрения их значимости для человека. На лингвистическом уровне это выражается в неодинаковом количестве лексем, обслуживающих ту или иную подсистему.

Процессы восприятия рассматриваются в разных формах национального языка, что позволяет выявить общность и специфику моделей восприятия, отражающих особенности языкового сознания носителей языка. Для выявления культурно обусловленных особенностей системы восприятия привлекаются данные английского языка. В качестве материала используется моделирующий потенциал лексем, фразеологизмов, отдельных высказываний, текста. Моделирование осуществляется поэтапно: от простого к сложному, что обусловило логику работы. В первой главе «Ситуация восприятия и способы ее моделирования в диалекте» представлен диалект как миромоделирующая система. Часть А первой главы «Диалектное высказывание в аспекте моделирования» и заключение к монографии написаны Т.А. Демешкиной, часть Б «Восприятие пространства и способы его моделирования в диалектной коммуникации» – Н.В. Куриковой. Вторая глава «Когнитивное моделирование восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ухо», «нос»)» написана Н.А. Верхотуровой, третья глава «Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте» – Л.Б. Крюковой.

Авторы выражают благодарность рецензентам – д-ру филол. наук, проф. А.Н. Ростовый, д-ру филол. наук, проф. З.И. Резановой.

Глава 1. СИТУАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДИАЛЕКТЕ

Часть А. ДИАЛЕКТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В АСПЕКТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

1.1. МОДЕЛИРУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Лингвистическое моделирование, как уже было отмечено, весьма востребовано на современном этапе развития лингвистики, что обусловлено его объясняющей силой, а также свойствами языка как объекта исследования, недоступного для непосредственного наблюдения. При использовании этого метода в лингвистике исследователи считают необходимым разграничить такие понятия, как модель и модельные представления, применяя последние для нежестких построений. В то же время вводится широкое понимание модели. Модель понимается и как форма отображения знаний, и как инструмент познания.

В нашем представлении модель – это и конструкт, искусственно созданный, повторяющий свойства оригинала, и схема, обладающая свойством воспроизводимости. Безусловно, для когнитивного моделирования большую значимость имеет первое понимание модели, поскольку отражает ее познавательную природу. Отображение оригинала через модель имеет свою специфику. Это отображение «целое (множественность моделей для одного оригинала; познавательные и прагматические модели); абстрактное (спектр языков; классификация как простейшая модель разнообразия реальности) или реальное (прямое, косвенное и условное подобие); упрощенное, приближенное; имеющее как истинное, так и ложное содержание; адекватное цели; ингерентное культуре пользователя» (Тарасенко, 2004:66). По целевому назначению лингвистические модели – это модели познавательные, поскольку их назначение – отображение устройства внешнего мира. Метод моделирования является интегративным, междисциплинарным по своей сути, он является адекватным объекту современного языкознания. Мы придерживаемся широкого понимания модели, основанного на признании принципиальной возможности использования модели для исследования «нежестких» систем.

Именно такое понимание модели лежит в основе многих отечественных исследований, использующих метод моделирования. Особенно эффективной оказалась методика когнитивного моделирования при изучении метафоры (см. работы А.П. Чудинова, З.И. Резановой и др.). Разработана процедура когнитивного моделирования авторского сознания на основании текста художественного произведения (Бутакова, 2001). Н.В. Орловой предложена оригинальная методика когнитивного и семантического моделирования наивной этики. Моделирование осуществляется автором по словарю, грамматике и дискурсу и понимается как «специфический тип отражения, который позволяет, проникнув в суть объекта, представить в виде конструкта неочевидные связи и отношения, объясняющие нечто в том объекте, формой которого является конструкт-модель» (Орлова, 2005:33).

Моделирующий потенциал диалекта как формы коммуникации имеет свою специфику. Предметом нашего исследования является семантическое моделирование на уровне высказывания и текста.

В работе рассматриваются высказывания со значением зрительного, слухового, обонятельного восприятия. Высказывания различаются сферами употребления. Так, высказывания со значением обоняния наиболее представлены в физической и эмоциональной сферах, что позволяет говорить о более субъективном, индивидуальном характере восприятия запахов по сравнению со зрительным и слуховым. Высказывания со значением зрительного и слухового восприятия реализуются не только в названных сферах, но и активно употребляются в социальной, интеллектуальной, психической сферах человеческой жизни.

1.2. МОДЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ¹

Высказывания зрительного восприятия являются наиболее частотными, что объясняется значимостью органов зрения для человека, поскольку большую часть информации о мире человек получает через глаза. Одним из способов систематизации диалектной лексики является способ ее идеографического описания, позволяющий дать «полное, а не мозаичное описание системных отношений в диалектной лексике» (Раков, 1988:70). Идеографическое описание лексики осуществлено Г.А. Раковым на материале говора с. Нарым Парабельского района Том-

---

¹ Параграф 1.2 с изменениями и сокращениями печатается по монографии Т.А. Демешкиной «Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики» (Томск, 2000).

ской области и представлено в форме «Идеографического словаря», в «котором слова располагаются в соответствии с некоторой схемой, отражающей понятийное членение внеязыковой действительности» (Раков, 1988:70). Как представляется, данные «Идеографического словаря» могут быть использованы при описании тех или иных ситуаций, поскольку они включают всю лексику, так или иначе связанную с центральной единицей членения. Так, слово «зрение» имеет одно из наиболее обширных семантических полей, что является еще одним дополнительным аргументом в пользу значимости системы зрительного восприятия в жизни человека. Семантическое поле слова «зрение» задается следующим списком слов: *взгляд, взглянуть, видать, видеть, выдывать, вылупить, глаз, глянуть, заглядывать, заглянуть, заметить, зрение, наблюдать, набучить, насмотреться, обернуться, оборачиваться, обыск, обыскивать, оглядываться, оглянуться, освидетельствовать, осматривать, отвернуться, очки, ошарить, перевидеть, повернуться, поглядеть, показать, показаться, показывать, посмотреть, присматриваться, пляться, разбирать, разобрать, рассмотреть, светлый, смотреть, увидеть, указать, указывать, усмотреть, внимание*. Подавляющее большинство представленного поля составляют глаголы, отражающие прямой способ обозначения ситуации (*видеть, глянуть*), а также глаголы, описывающие смежные ситуации или включающие ситуацию восприятия (*оглянуться, отвернуться*). Кроме того, отражение в рамках семантического поля получает орган зрения (*глаз*), цветовое обозначение (*светлый*), прибор для улучшения зрения или для защиты глаз (*очки*).

Восприятие связано с пониманием и освоением окружающего пространства. Как уже было отмечено, пространство это воспринимается русским человеком как горизонтальное, разнородное и только то, которое освоено, обжито, поэтому «абсолютные показатели всегда конкретно референтны, сфера их описания ограничена объектами с конкретной локализацией» (Яковлева, 1999:43). Показателями конкретной референции служат указательные частицы и местоимения (*Вон стару речку видать*).

Рассмотрим пропозицию восприятия, оформленную предикативной конструкцией. В состав предикативной лексики диалекта включаются лексемы разной системной принадлежности и стилистической приуроченности, способные выражать пропозицию восприятия, что также свидетельствует о значимости зрительного восприятия в жизни человека: *видеть, видать, видно, виднеться, взглянуть, взирать* (фолькл.), *смотреть, рассмотреть, глядеть, посматривать, втюниться* (диал.) «неотрывно смотреть» *истонуться* (диал.) «установиться, не сводя глаз, неподвижно смотреть на кого-, что-л.», *вылупить* (прост.) «вытащить

глаза, уставиться на кого-л., что-л.», *пдлиться* (прост.) «смотреть упорно, не отрываясь на кого-л., что-л.» и др. Базовые глаголы зрительного восприятия в диалекте совпадают с базовыми глаголами литературного языка (*видеть, смотреть, глядеть*). Критерии выделения базовых глаголов восприятия в русском языке предложены Н.В. Моисеевой на основе критериев, выявленных Б. Берлином и П. Кеем на примере цветообозначений, и сводятся к следующему: значение базового слова не должно выводиться из значения его составных частей и не должно являться подзначением другого термина восприятия; употребление лексемы не ограничивается узким классом объектов; слово признается всеми информантами (Моисеева, 1998:82). Приведенные глаголы образуют оппозицию с точки зрения активности / пассивности восприятия. Базовый глагол *видеть* в значении «иметь зрение, обладать способностью зрения» и «воспринимать зрением» обозначает пассивное, ненаправленное восприятие. К нему примыкают лексемы *видать, видно, виднеться*. Глагол *смотреть* «устремлять, направлять взгляд куда-л., иметь глаза направленными на кого-, что-л., глядеть» (МАС-2) обозначает направленное, активное восприятие субъекта. Еще в большей мере значение направленности выражается в просторечных и диалектных глаголах: *истодуриться, вылупиться, втюниться* и др.

Характеризуя событийные пропозиции, исследователи нередко уподобляют их фотографии, кадру, выхваченному из киноленты (Белошапкина, 1989:68). Сравнение ситуации зрительного восприятия с фотографией действительности как нельзя лучше, на наш взгляд, отражает суть изучаемого явления. Говорящий, «фотографируя» тот или иной фрагмент мира, выбирает соответствующий ракурс, что позволяет по-разному интерпретировать один и тот же объект.

Ю.М. Лотман, анализируя элементы киноязыка, выделяет такие способы представления объектов, как план крупный, общий, дальний, включая их в сферу модусных смыслов (Лотман, 1973). Эта идея использована в работе И.В. Башковой. Автор выделяет пять пропозитивных планов в зависимости от того, что фиксирует текущее сознание говорящего в данный момент. Каждый пропозитивный план, как считает автор, обслуживается собственными предикатами и структурными типами предложений. Отметим еще раз, что эта методика наиболее эффективна при описании ситуации именно зрительного восприятия, поскольку позволяет зафиксировать различные положения в пространстве субъекта и объекта относительно друг друга. Так, Е.С. Яковлева, характеризуя пространство как один из фрагментов русской языковой картины мира, выделяет три дистанционных пояса «окрестности говорящего» в соответствии со степенью удаленности предмета описания: ближний,

промежуточный и дальний, каждый из которых маркируется соответствующими наречиями (*вблизи, поблизости, недалеке, неподалеку, вдалеке, вдали*) (Яковлева, 1994:32).

Другим основанием для типологии пропозиций восприятия является степень активности субъекта по отношению к воспринимаемому объекту (Золотова, 1982). Кроме того, пропозиции могут быть охарактеризованы с точки зрения направленности восприятия. Представим варианты пропозитивных структур, выделенные с учетом оппозиций действие / состояние, процесс / результат, направленность / ненаправленность восприятия.

Пояснения к схемам: S – субъект восприятия, получивший эксплицитное выражение на поверхностном уровне; (s) – субъект имплицитно-ван, P (a) – предикат, обозначающий активное действие; P (p) – предикат, обозначающий пассивное восприятие (состояние субъекта); O – эксплицитованный объект, (o) – невыраженный объект; → – направленность восприятия.

S → P (a) → (o)

Берёшь кольцо обручальное, ложишь его, в зеркало смотришь, глядишь-глядишь, и что-нибудь окажется; (2) *Так он и зырит;* (3) *Чё зыркаешь;* (4) *Губки сжала, против ее ног села, смотрит, заплакала, исторуилась;* (5) *Втюнится все в одно место — это значит вытарашишит глаза;* (6) *Не пойду туда: там все вылупились.* (7) *В Новый год ворожили. В Новый год всяко ворожат. В зеркало ворожу. Тут зеркало поставить, в руки взять. Смотришь в зеркало и так ворожишь.* (8) *Кода его (трактор) сюда привезли, дак нам было диво, что трактор. Бежали без ума, смотрели. Работали, на дорогу выбегали, смотрели, что за трактор;* (9) *Смотришь слева (гриб), он справа остался;*

В приведенных высказываниях в зону внимания говорящего попадает активное действие или серия действий, характеризующих процесс восприятия. Предикат выражен базовыми глаголами *смотреть* в значении «устремлять, направлять взгляд куда-либо», *глядеть* в том же значении и глаголами, выражающими активное, целенаправленное восприятие.

Повышенная степень активности субъекта восприятия отражена в лексическом значении глаголов. Так, значение «долго и неотрывно смотреть» выявляется в словах *исторуться*, *вылупиться*, *втюниться*. Наличие лексического повтора (*глядишь-глядишь*), усилительных частиц (*все, так*), морфемная структура глаголов (присутствие приставок со значением интенсивности) также свидетельствуют об активности действий субъекта.

Субъект восприятия волен управлять своими действиями, поэтому по отношению к этим глаголам применимо понятие нормы. В данном случае неотрывное, пристальное разглядывание другого человека воспринимается как нарушающее этические нормы и оценивается отрицательно. На неживые объекты оценочность не распространяется. Позиция субъекта восприятия оказывается замещенной либо введением в формальную структуру высказывания синтаксического субъекта (подлежащего), либо информация о субъекте прочитывается в окончании личной формы глагола, в любом случае субъект восприятия представлен достаточно отчетливо. Объектная же перспектива оказывается как бы затушеванной, размытой, исчезающей из поля зрения говорящего. При этом в семантике предиката нет запрещающих факторов на распространение объектом. Все глаголы восприятия, как уже было отмечено, предполагают наличие объекта. Отсутствие синтаксического объекта в формальной структуре высказывания объясняется причинами коммуникативного характера. Целью говорящего является характеристика самого действия, воспринимаемого, как правило, на эмоциональном уровне, поэтому в рематический центр попадает предикат. Объект же, если и эксплицируется в структуре высказывания, то находится либо в предыдущем, либо в последующем речевом отрезке. Кроме того, объект никогда не бывает замещен именем, обозначающим событие или ситуацию. Замещение возможно только именем с предметным значением. Пристально и неотрывно можно смотреть только на предмет, поскольку здесь требуется, с одной стороны, повышенная концентрация внимания, а с другой – временная локализация, тогда как восприятие события требует протяженности во времени, вследствие чего невозможно сохранить постоянную высокую степень напряженности внимания. Информация об объекте может быть представлена через указание на возможную среду (*зеркало, место, слева, справа*) его обитания. Направленность восприятия подчеркивается употреблением наречий *туда, сюда*.

В структуру высказывания в редких случаях вводится указание на инструмент восприятия: *глазёнки, взгляд: Народ такими глазёнками смотрит; Он (отец) не дрался, нас не бил, а взглянет – мы боялись взгляда*. В отличие от слова *глазёнки* слово *взгляд* обозначает невещественный, нематериальный, в некоторых случаях весьма мощный инструмент воздействия на другого человека, служит средством установления контакта: *Так и познакомились взглядом. Она сама видит, что ты на её смотришь. Бывает, подойдёшь, она ешиц и так на тебя посмотрит*. В этих высказываниях отражены обе функции лексемы *взгляд*: она обозначает и ситуацию, и инструмент. Особенно ярко проявляется инструментальное значение слова *взгляд* во втором высказывании. Представ-

ление о взгляде как инструменте отражает древнейшие, реликтовые представления об устройстве человека, которые не соответствуют ни нашим обиходным понятиям, ни научной картине мира (Урысон, 1998). По наблюдению исследователя, такие представления лежат в основе всей русской модели восприятия, особенно восприятия зрительного (там же: 19).

В анализируемых высказываниях абсолютно исключается воздействие объекта на субъект, то есть этот процесс восприятия характеризуется однонаправленностью. Об этом свидетельствует невозможность образования от глаголов этого ряда предикативных наречий, отражающих пассивность восприятия, типа *видать / видно*. Активность зрительного восприятия субъекта подчеркивается включением зрительного действия или серии действий в ряды других физических действий, связанных или не связанных с восприятием: высказывания (4) – (6). В аспекте полипропозитивности отметим, что пропозиции рассматриваемого типа семантически осложнены, поскольку допускают оценку действий субъекта.

S → P (p) → O

Я эт где-то видала ромашку; (2) Я ещо таку картошку не видал. Большая; (3) У-ухоньки, этого быцну я ещо не видала; (4) Транвай, был в Ленинграде – видел; (5) Я бога не видала, его никто не видел; (6) Вижу людей, а назвать их не могу. Память така...; (7) Я, это, кода в Москве был, видал лестницу, вниз-наверх котора; (8) А я видала в Томским хлеб в урну кидают; (9) А я вижу, это нитка косматая, я ее остригла; (10) В телевизор смотрела, видала, как рыбу ловят.

Основу пропозиции в приведенных высказываниях составляют глаголы *видеть, видать, увидеть* со значением «воспринимать зрением», обозначающие ненаправленное, «пассивное восприятие», но, в отличие от первой группы высказываний, эти глаголы обозначают результативное восприятие, и, как следствие результативности, в поверхностной структуре высказывания эксплицируется объект, выраженный именем существительным в винительном падеже. Внимание говорящего фокусируется именно на объекте восприятия. Объект показывается крупным планом и помещается в рематический центр высказывания. Акцентировка значимости объекта проявляется и в том, что говорящий вводит в высказывание лексические, словообразовательные характеристики объекта. Так, во втором высказывании обращается внимание на размер предмета, уточняемый в присоединительной части. В третьем высказывании субъективное отношение говорящего к объекту восприятия подчеркивается суффиксом -ИН(а). Результатом восприятия может быть как предмет, так и ситуация, поэтому и высказывания соответственно

могут быть полипропозитивными и монопропозитивными. Объект восприятия может вводиться в структуру высказывания глаголом, обозначающим активное, целенаправленное восприятие, завершившееся результатом (*глядеть, глянуть, взглянуть*). Как представляется, в этом случае глагол *видеть* не употребляется, во-первых, по причине явной очевидности способа восприятия, во-вторых, для того чтобы подчеркнуть неожиданность появления объекта перед глазами субъекта восприятия: *Собачка-то тяв-тяв. А я огурцы высаживала. Гляжу: ба! Гости наехали; А я взглянула – Таня с рюкзаком; Возле болота еду так, взглянул: коняга; А гляну, у нас огонь в горнице*. В этих высказываниях восприятие образует модусную часть семантики, глаголы входят в рему, актуализация смысла осуществляется союзом *а*.

Особое место занимает группа высказываний, в структуре которых объект выражен именем с пропозитивной семантикой (синтаксический дериват). Эти высказывания зафиксированы в фольклоре: *Поднял голову и увидел волнение на его лице, удивился, но ничего не сказал; Бова подъехал к толпе, увидел негодование на лицах солдат* (из сказки). Особенность приведенных высказываний, во-первых, в асимметричности формы и содержания (структура монопредикативна, но полипропозитивна), во-вторых, необычна сочетаемость предиката зрительного восприятия, фиксирующего внешнее проявление чувств, и объекта, выражающего внутреннее состояние человека, если и получающее внешнее выражение, то только опосредованно. В данном случае мы имеем дело с совмещением принципов описания внутреннего и внешнего мира человека. Видимо, эти конструкции встречаются в текстах определенных жанров либо в них отражены индивидуальные стилевые черты рассказчика. Наиболее ярко сема результативности проявляется в глаголе *увидеть*, который представляется как итог движения, в результате которого стало возможно восприятие (*подошёл, подъехал* и т.д. и *увидел*). Субъект восприятия совпадает в большинстве случаев с говорящим. Это объясняется ситуацией и жанром общения (рассказ из жизни говорящего). Кроме того, таким образом проявляется правило речевого этикета: сообщать только правдивую и достоверную информацию; поскольку речь идет о восприятии, это правило приобретает особую значимость. В коммуникативную ситуацию может быть включен и адресат. В этом случае глагол восприятия употребляется в другом значении и с другой целью: *Вот, видишь, она (тюфайка) худенька, вот, видишь; А детки, видишь, здесь никого нету*. В приведенных высказываниях отражена диалогическая природа семантики лексемы *видеть* и реализована диалогичность функции: обратить внимание собеседника на что-либо важное либо удостовериться в адекватности

восприятия. Названные свойства лексемы переводят ее в разряд модусных средств оформления высказывания. Высказывания этого типа показывают, что граница между диктумными и модусными смыслами не является абсолютно жесткой и при определенных условиях происходит «перетекание» одних смыслов в другие.

(s) — P(p) — O

Одни елки зеленеют, а милёнка не видать; Дом на весёлом месте, весёлый дом: речку видать, на лугах всё видать, весёлый; Как в погоды невесело. Солнца не видать; Редко видать их. Ой, батюшка, змеи!; Со сны лепески-то не видать, а все прямо закуржавет зимой; Вон стару речку видать; Моя очередь подходит за нём, смотрю, его привозят на телеге, одни глаза токо виднеются; Сам лист состоит из мелких-меленьких волосочков, а есть крупные, листочек уже видно каждый отдельно.

Как и в предыдущих высказываниях, предикат выражен глаголами пассивного восприятия, но пассивность эта еще более усилена за счет безличной или пассивной формы предикатных лексем. Меняется направленность восприятия, оно осуществляется от объекта к субъекту. Позиция субъекта в этих высказываниях оказывается незанятой. Безличность конструкции в принципе предполагает такое положение дел. Отметим, что практически нет высказываний, хотя бы косвенно указывающих на субъект. Это обусловлено принципиальной обобщенностью представленности субъекта (всем, каждому доступно для зрения) либо единичностью, то есть невыраженность субъекта обуславливается факторами, имеющими противоположную направленность, но и в том и в другом случае субъект не вводится в формальную структуру в силу очевидности. Роль объекта подчеркивается не только на семантическом и синтаксическом уровнях, но и на коммуникативном. Говорящему важно в первую очередь обозначить объект, поэтому именно он попадает в коммуникативный фокус. В большинстве высказываний объект находится в препозиции по отношению к предикату, что также подчеркивает его коммуникативную значимость.

Реже актуализируется предикат, причем с семантикой отрицания: *А час, однако, поступил, не видать его. А теперь не видать (стрижей). Скучно без них. Ласточки ешо летают, а их нет; Конь там был, чё-то не видать его.* Констатируется отсутствие объекта, в противоположность его прежнему состоянию, то есть реализуется временная оппозиция («прежде» со знаком «плюс» – «сейчас» со знаком «минус»). Актуализация предиката «сдвигает» высказывания в сферу бытийных высказываний.

«Фоновые» высказывания

Особую группу составляют высказывания, в которых семантика восприятия входит в пресуппозицию. Строго говоря, они не являются собственно высказываниями восприятия. Семантика восприятия входит в модус и обозначает способ получения информации. Семантика восприятия «прочитывается» благодаря очевидности воспринимаемого. Если человек, описывая ситуацию, употребляет глаголы со значением цвета, то очевидно, что он «включает» зрительные анализаторы и т.д. Фоновые высказывания, таким образом, передают ту информацию, способ получения которой является однозначным, очевидным и поэтому не выражается на языковом уровне. Отношение к высказываниям этой группы у лингвистов разное. Одни считают возможным включить подобные структуры в перечень высказываний восприятия на основании действия принципа стандарта (Шмелева, 1988; Башкова, 1994), другие же предпочитают четкую очерченность границ, хотя отмечают, что «в конечном счете всякая констатация наличия предмета и его видимых зрению свойств, всякое описание возникают как результат зрительного восприятия» (Золотова, 1982:220). Приведем примеры из диалектных текстов: *Падера – это зимой снег дует, летит, его несёт ветром, а летом падера песок несёт, подымат прям; Красота, все изделано (в церкви), чистота, ажно блеск всё везде; Красивый такой мужик, чёренький; В_осенью заинела трава, бела.*

Из приведенных высказываний только в двух последних наблюдаются «осколки» семантической структуры восприятия, а именно представленность объекта восприятия, хотя преобладающим, безусловно, является значение качественной характеристики. В первых двух линиях связи «объект – субъект» разрушена полностью. Единственно, что связывает эти высказывания с классом высказываний восприятия, это то, что они «выполнены» в изобразительно-выразительном регистре. Ситуация описывается так, как будто она развивается на глазах у говорящего, и он вовлекает в нее собеседника, апеллируя к его возможностям зрительного восприятия.

Явление транспозиции. Типы переносов

Транспозиционные процессы осуществляются двунаправленно. Отправной точкой описания может стать модель восприятия либо другие модели, описывающие ситуацию зрительного восприятия. Рассмотрим возможности модели восприятия в передаче не своего содержания. Посредством моделей восприятия могут описываться достаточно разнообразные фрагменты действительности.

Переносы могут осуществляться на уровне маркирования сфер внутренней и внешней жизни человека (внутрипропозитивный межсферный перенос).

Чувственное восприятие – интеллектуальное восприятие. Я в численнике видала, что от 99 болезней зверобой; Видит, что выходу нету; А сейчас видите как, как-то не так. В первом высказывании – *видать* это *читать*. Процесс чтения предполагает не просто восприятие зрением, но и понимание прочитанного, знание алфавита и т. д. Во втором и третьем высказывании речь идет также не о непосредственном, чувственном восприятии, а о восприятии, сделанном на основе анализа, сопоставления каких-либо фактов действительности. Здесь реализованы две модели восприятия мира: непосредственное и опосредованное. Примыкают к проанализированной группе высказывания, в которых осуществляется перенос по принципу **живое – неживое**: *Когда солнце выглядывает, так говорят: «Смотри-ка, день выяснивает, разведриват»;* *На работу идёшь до свету, другой раз едешь на елани, а солнце еще только выглядывает.* В приведенных высказываниях реализована метафорическая модель освоения мира «человек – природа».

Транспозиция имеет межпропозитивный характер. Перенос осуществляется в рамках событийных моделей.

Зрительное восприятие – существование. *Робили, когда молоды были, никакого покою не видали; Жисть была проклята. Никакого отдыху не видала. Ни зиму, ни лето; Я большу семью, ну сладкого-то не видали; Мы хлеба-то совсем не видали его, не доставался нам ничё.* Глагол *видать* употреблен в бытийном значении. В приведенных высказываниях реализуются представления говорящих о нормальном течении жизни, включающем в себя не только работу, но и отдых, полноценное питание. Нереализованность идеала передается моделями восприятия, поскольку речь идет о прошлом, подлежащем как бы уже отстраненному восприятию. Глаголы употребляются только с отрицанием и только в форме прошедшего времени.

Зрительное восприятие – состояние. *В гроб глядит, ешио чё-то говорит; Пошла к доктору, а теперь уж молча на тот свет гляжу; Контуженный был, в двадцать девяту гвардейску попал дивизию, двое связистов, батарея, слёзы глядеть было; Не хочу я с ними жить в горде, своего нет, всё дорого, будешь сидеть, выглядывать.*

Состояние характеризуется через фразеологизмы, включающие глаголы зрительного восприятия, или посредством переносного употребления слов: *В гроб глядеть; На тот свет глядеть* «быть близким к смерти (о дряхлых или безнадежно больных людях)»; *Выглядывать* «быть стесненным в каком-л. отношении»; *Слезы глядеть* «о чем-л., находящемся в

плохом, плачевном состоянии». Как представляется, в приведенных высказываниях оказывается проявленной не только семантика состояния, но и частично актуализированы смыслы характеристики и оценки.

Межпропозиционный перенос может охватывать пропозиции разного уровня: событийные и логические.

Восприятие (событийная пропозиция) – восприятие (логическая пропозиция). *Ой, молодец, – говорят, а на людей не гляди. Глядеть употребляется в значении «считаться с мнением кого-л.».* Это значение выводит его из предикатов перцептивного восприятия и переводит в сферу социальных отношений с обозначением релятивной пропозиции.

При метафорическом описании зрительного восприятия из актантов пропозиции в зону осмысления попадают прежде всего глаза. «Природа так устроила человеческий облик, что он выявляет чувства, скрытые в сердце: что бы мы ни чувствовали, глаза наши всегда это отражают» (Цицерон. Цит. по: Чаадаев, 1991:80).

Согласно мифологическим представлениям, глаза – это источник, сосуд, который может быть пустым или полным. Ср.: *Плюнуть в глаза, налить глаза, глаза не вытекли.* Текучесть эмоций, экспрессивность состояния выражаются через характеристику глаз. Глаза же могут послужить основой для пропозиции сравнения: *Твои да твои глазоньки. Ровно солнышко горят* (из песни). Это сравнение родилось, по-видимому, в рамках мифологемы «глаз = божество», возникшей на основе представлений, запечатленных в мифах разных народов, что луна и солнце являются глазами могущественного божества. Так, Ю.С. Степанов приводит параллели из древнеродственных языков, свидетельствующие о связи между макрокосмом и микрокосмом в сознании человека: древнеирландское *suil* – глаз (микрокосм), готское *sauil*, литовское *saule* – солнце (макркосм) (Степанов, 1998:150). Наличие в структуре слов уменьшительно-ласкательных суффиксов призвано подчеркнуть принадлежность описываемых реалий к своему миру, оцениваемому в высшей степени положительно. На эту черту русского сознания неоднократно обращалось внимание в лингвистической и философской литературе. См., например, высказывание Н.О. Лосского: «У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в славянских языках в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен» (Лосский, 1991:293).

Наличие / отсутствие зрения послужило внеязыковой основой для создания мотивированных слов с ассоциативной внутренней формой: *слепой* «неграмотный», *слепушки* «жмурки», «коптелка»: *Так и осталась*

слепой, неучёной; Вязали много. Коптелочка была. С этими слепушками сидели; У нас играют в чёрну палку, в прятушки, в слепушки, в чижика.

Выражение пропозиции восприятия через другие пропозиции основано на способности человека к метафорическому осмыслению окружающей действительности. Весь спектр метафор так или иначе связан с глазами: *Шарёнки вылупить, отбросить глаза, жать глаза*. Восприятие представлено через пропозиции действия, отражающие манипуляции с глазами как инструментом, средством восприятия. Утрата способности видеть воспринимается как глубокое несчастье, и, по-видимому, поэтому реализуется мифологема «глаз – божество»: *Она институт кончила у меня и всю жизнь экономистом работала. То ли от натуги, то ли чё, перва один глаз повлияло чё-то, скрылся, а тут она содумала еще год с одним глазом поработать, и другой затемнцл*. Зрительное восприятие связано всегда с некоей внутренней жизнью в сознании человека и, следовательно, с идеей движения не только материального, но и духовного. Движение мысли возможно там, где нет рамок физического пространства. Неразделенность времени и пространства, движения материального и физического познаются через зрительное восприятие.

Идея неразделенности времени и пространства реализуется в высказываниях зрительного мысленного восприятия. Взор говорящего обращен в прошлое, которое встает как бы перед глазами. Свобода от связи с физическим пространством позволяет переключаться в системе временных координат. Прошлая жизнь подобна киноленте, которая хранится в памяти человека и может быть извлечена в нужный момент. Мы часто говорим или слышим высказывания типа «Я не спала, все прокручивала эту ситуацию» или «Я еще раз прокрутила эту ситуацию». События прошлого встают как бы перед глазами говорящего. Живость, наглядность изображаемого поддерживается наличием глаголов зрительного восприятия в форме настоящего времени, временных актуализаторов, типа *счас: Я, как счас, гляжу. Мы пилили этот сосняк на дрова*. «Глядеть» значит «вспоминать». В памяти хранится то, что можно увидеть мысленно, восстановить. Показательно, что описание ситуации вводится глаголами, не содержащими сему результативности, несмотря на заданность параметров для описания восприятия. Глаголы со значением процессуальности призваны подчеркнуть наглядность, живость восприятия, в чем проявляется особенность народного осознания окружающего мира. Наличие глаголов со значением восприятия в структуре высказывания является одним из жанрообразующих признаков такого речевого жанра, как воспоминание.

Таким образом, метафорическому переосмыслению может подвергаться ситуация восприятия в целом либо отдельные стороны этой ситуации.

1.3. ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

В качестве предикатов, формирующих данную пропозицию, выступают лексемы со значением активного и пассивного восприятия, наиболее частотные из которых *слушать, слышать, слыхать, слыхивать, по-слышаться, чудиться, раздаться, слышно, вослушать, отдавать, чують*. Для того чтобы представить круг лексем, способных обслуживать ситуацию слухового восприятия в диалекте, воспользуемся снова данными «Идеографического словаря», составленного Г.А. Раковым. Если говорить о семантическом поле, сформированном в нарымском говоре, вокруг слова *ухо*, то следует отметить, что оно не менее широко и разнообразно, нежели поле у слова *глаз*. Поскольку в этом поле отражены ядерные и периферийные зоны смысла звучания, приведем список слов, так или иначе обслуживающих ситуацию слухового восприятия: *блеть, бот, ботало, ботать, брякнуться, бубенец, буткнуться, бякать, взляять, внимание, выть, гам, глухо, глухой, гоготать, греметь, гром, громотня, гудеть, гудок, доноситься, жужжать, заблажцть, забякать, загреметь, зазвенеть, заиграть, залаять, зареветь, заслышать, затрещать, захлопнуть, захлопнуться, зашуметь, звенеть, звон, звонить, звонкий, звонок, зачухать, звук, кахыкать, кашель, кашлять, квоктать, колокольчик, лаять, магнитофон, музыка, мычать, набат, насторожиться, нащёлкаться, недослышать, орать, отбивать, отбить, отдаваться, ощёлкиваться, петь, пищать, побрякушка, побулькать, повыть, позвонить, попищать, послушать, постучать, потихоньку, похлопать, пошыркать, пошуметь, пощалкать, пощелкать, приёмник, прислушаться, пробрякать, прогреметь, прослышать, прочухать, пулькаться, радио, радиовола, рев, реветь, ржать, роститься, серьга, скрипун, слух, слушать, слыхать, слышать, стукоток, схлопнутый, схлопнуть, тишина, топнуть, услышать, ухо, учухать, ушко, фырчать, хлопать, храпеть, хрипеть, хрумкий, хрюкать, чутьё, чухать, чують, шаркунец, шипеть, шлёпать, шорох, шум, шуметь, шумно, щёлкать*. Большую часть поля составляют глаголы, формирующие состав предикатной лексики ситуации слухового восприятия. Ядро образуют глаголы, обслуживающие непосредственно ситуацию слухового восприятия, к ним примыкает многочисленный пласт глаголов, содержащих сему звучания. Если продолжить соотнесение элементов семан-

тического поля и компонентов семантической структуры высказывания, то следует отметить выраженность таких актантов, как средство восприятия звука (*ухо, ушко*), а также источник звука, средство, при помощи которого издается звук (*звонок, гудок, ботало, бот, магнитофон, колокольчик, скрипун, набат* и др.). Как представляется, за счет экспликации именно этого типа актантов увеличивается семантическое поле звучания. В семантическом поле есть лексемы, способные представлять пропозицию в свернутом виде: *звон, кашель, шум, шорох*. Практически отсутствуют определения, характеризующие качество звука или его интенсивность. Таких определений всего два (*глухой, звонкий*).

Рассмотрим варианты реализованных пропозиций.

$$S \rightarrow P(a) \rightarrow (o)$$

Разговаривают промеж собой. Я слушаю. Мы теперь радио, телевизор слушаем, газеты, что напишут; Отец сидит, слушат; И час всё по радиу страшно слушать; У меня брат, он любит до смерти, когда я пою, он всё слушат. Сам не умеет петь, а всё слушат.

Составляющие модели: субъект, активное действие, отражающее усилия субъекта, направленные на восприятие. Объект может быть представлен конкретным предметом либо ситуацией, и, соответственно, диктум выражается моно- и полипропозитивными структурами. Пропозиция слухового восприятия, так же как и пропозиция зрительного восприятия, оформляется в диалекте в подавляющем большинстве случаев предикатным способом. Эта тенденция нарушается в деловом стиле, отражающем черты диалектной речи. Происходит семантическая компрессия текста: *Слушали о разборах заявлений, говорил тов. Калинин, который сказал, что была назначена на работу птичницей Вершинина Евдокия Ивановна, которая категорически отказалась, что мол я больная* (из протокола заседания правления колхоза).

В ряде случаев позиция объекта оказывается незамещенной, что обусловлено концентрацией внимания говорящего не на объекте, а на характеристике действий субъекта, на его усилиях, направленных на то, чтобы что-л. услышать. Описание объекта восприятия может содержаться в предыдущем либо в последующем высказывании (через пропозицию действия). В отличие от ситуации зрительного восприятия, слуховое восприятие описывается без указания на орган восприятия, но зато в ситуацию оказывается включенной среда, место распространения звука: *В церкву много молодежи идут, стоят, слушают* (как поют в церкви); *А одна девка на рощань бегала. На рощань лягут ухом и слушают.*

$$S \leftarrow P(p) \leftarrow O$$

Он контуженный шибко, ничё не слыхал; Дожж идёт, а я не слышу; Оттуда с лестницы слышу, как паровоз гудит. Я думаю, чё это такое?; Я дак в Курлеке слыхала (об Иванове дне); Слышу, как она (мать) стонет; А я по радио слышала, вчара или позавчара; Они вот эти самые чуткие собаки. Эти спят, а она уже чуёт, кто идёт; Когда смех учуяла, на лошадёнку соскреблась. Предикаты выражены глаголами со значением результативности: *слышать, слыхать, слыхивать, учуять*. Объект является обязательным семантическим и синтаксическим актантом. Позиция субъекта обозначена либо через актант, либо эксплицируется из окончания глагола, из предыдущего высказывания. Конструкции преимущественно полипредикативные. В названных структурах отчетливо представлена внешняя среда, физическое пространство, в котором осуществляется слуховое восприятие. Это может быть обозначение места, где находился говорящий в то время, когда его застал звук или известие (*лестница, Курлек*). Это может быть указание на место локализации звука (*радио*).

(s) – P – O

Ботало за три версты слышно; Вечером, знашь, как слышно. Выйдем из столовой, как заорём; Будут там ругаться – дак, наверное, в Батурино слыхать; Кто там едет, свадьба, дак где слыхать.

Предикат выражен безличной формой глагола либо категорией состояния. В поверхностной структуре большинства высказываний оказывается замещенной позиция локального компонента. Для говорящего важно отметить силу звучания, способность звука распространяться на далекое расстояние, интенсивность звучания. Направленность восприятия осуществляется от объекта к субъекту. Коммуникативная значимость объекта выражается и в том, что он помещается в препозицию по отношению к предикату.

«Фоновые» высказывания

Воскричала красна девка своим громким голосом (из песни); Начнём открывать, ворота заскряпят; Что ты там заскыркал?; Собака брехат зря; Во сыром бору на кусточке... Не кокуй ты, моя кукушечка (из песни); Вон закричала корова; Кашилит. Ну, гыт, раскахыкался кашлюн.

Основу пропозиции в приведенных высказываниях составляют глаголы, семантика которых включает сему звучания, воспроизведения звука. Лексико-семантическая группа глаголов звучания в говоре представлена достаточно широко. Все эти высказывания могут вводиться в речь посредством глаголов восприятия, которые опускаются в силу очевидности, так как срабатывает закон стандарта и одновременно закон

речевой экономии. Способ восприятия не попадает в коммуникативный фокус, поэтому остается за кадром. Пропозиция слухового восприятия только в том случае оказывается реализованной, когда она коммуникативно значима (особенно это касается предиката), в противном случае эта пропозиция уходит в пресуппозицию.

Слуховое восприятие осуществляется не только в сфере реальной жизни. Оно может быть и ирреальным. Ирреальное восприятие представлено структурами безличных предложений, в которых субъект занимает пассивную позицию, поскольку в этих высказываниях речь идет о событиях, однозначная квалификация которых невозможна с точки зрения субъекта: *У нас в доме чудится. Они заскыркали за ней, как веретники; Ей брещилось, она тосковала. Это ей уж брещилось: за ей гнался он бы.* В последнем высказывании отражено комплексное восприятие: слуховое и зрительное. В отличие от зрительного слуховое восприятие не связано с идеей времени, оно ограничено идеей пространства, которое является внешним, физическим. П.Я. Чаадаев писал по этому поводу: «Обратимся к пространству: но ведь всем известно, что мысль не пребывает в нем; она логически приемлет условия осязаемого мира, но сама она в нем не обитает. Какую бы, следовательно, реальность ни придавали пространству, это факт вне мысли, и у него нет ничего общего с сущностью духа; это форма неизбежная, но всего лишь одна форма, в которой нам представляется внешний мир» (Чаадаев, 1991:60). Поскольку слуховое восприятие осуществляется в пространстве, а не во времени, нет языковых моделей, являющихся ключом к описанию прошлого.

Внутрипропозитивная транспозиция

Слуховое восприятие – восприятие запаха. *Чечас уж слышно запах, послезавтра хоронить. Спаси бог, вонщиша.* Описание ситуации восприятия запаха через «чужие» предикаты обусловлено «бедностью» предикатной лексики, обслуживающей этот вид восприятия.

Процесс восприятия – результат восприятия. *А потом она при-несла, а я слушаю: у всех талоны, а у меня нету, на мыло.*

Межпропозитивная транспозиция

Восприятие (событийная пропозиция) – восприятие (логическая пропозиция). *А я говорю: «Никого ты не слушай! Ешь ты все подряд»; Там чё говорят люди, не говорят – никого не буду слушать.* Глагол «слушать» употреблен в значении «подчиняться чьим-л. распоряжени-

ям, следовать чьим-л. советам, слушаться» и формирует релятивную пропозицию.

Как свидетельствуют приведенные модели, перенос осуществляется по линии предиката, формирующего пропозицию. Из остальных компонентов пропозиции метафорическому осмыслению подвергается орган слуха – уши. Эта лексема не встречается в высказываниях, описывающих собственно ситуацию восприятия, но служит основой для формирования других пропозиций, в частности пропозиций характеристики: *Кышмышу купишь на пять копеек – за уши не оттянешь; Красившие их нет, но вы с ним не поговорите, потому как с детства глухой.*

Кроме того, эта лексема формирует обширный пласт мотивированной лексики с ассоциативной внутренней формой: *уши, ушки* «петли», *ушок* «деталь стрелы в охотничьей ловушке на мелкого зверя – черкәне», *собачьи ушки, свинячьи ушки* «названия растений» и т.д.

1.4. ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАХА

Идеальная семантическая модель со значением восприятия запаха состоит из предиката, обозначающего процесс восприятия или движения запаха, выраженного глаголами разной системной принадлежности (общерусскими с их вариантами, собственно диалектными), разной эмоциональной и экспрессивной окраски, разной стилистической окрашенности: *пахнуть, вонять, отдавать, вспахнуть, нюхать, снюхать, занюхаться, чуют*. Обязательными актантами являются субъект – лицо или животное, воспринимающее запах, объект – предмет, источник запаха. Из сирконстантов наиболее часто реализуется локатив – место или среда распространения запаха. Семантика восприятия описывается в нескольких структурах, различающихся по степени активности / пассивности восприятия.

$$S \rightarrow P(a) \rightarrow O$$

Снюхала кошка рыбу.

$$S \rightarrow P(a) \rightarrow (o)$$

И вот она (булка) испекётся вот так^а вышиной, выташишишь – прямо занюхаеся.

В этих моделях отражено активное, целенаправленное действие живого существа, способного воспринимать запах. Активность восприятия подчеркивается словообразовательными средствами (ЗАНюхатьСЯ). Актуальное членение таково, что в коммуникативный фокус попадает именно предикат.

O ← P(p) ← (s)

Душица синеньким цветом цветёт, пахнет мятой; Они пахнут эти мари-коренья; Тыщулицтник – от живота, вон как хорошо воняет, пахнет; Русскую пучку только вдохнёшь – она пахнет. Та пучка, котора воняет, она даже гремит. Интересно, что глагол *вонять* имеет в среднеобских говорах два значения: «издавать дурной запах» и «издавать любой запах». Второе значение этого глагола сближает его с глаголами, обозначающими запах, в других славянских языках, в частности, с чешским *vonet* «пахнуть приятно». Источник запаха занимает позицию субъекта предложения. Такие высказывания имеют жанровую закреплённость. Они встречаются в описаниях-характеристиках окружающего мира, поэтому с лексической точки зрения компоненты пропозиции тематически хорошо структурированы. Источник запаха (преимущественно приятно) – растения как элементы живой природы. В структуре высказывания может присутствовать квалификация запаха (пахнет чем?), оценка (хорошо/плохо), интенсивность, сила запаха (выражается интонационно, указательными местоимениями и частицами, лексической семантикой глагола).

(s) – P (p) – O

Фу-фу! Русским духом вспахнуло; Чечас уж слышно запах, после завтра хоронить; Топерь он (хлеб) трава травой, а раньше от него дух такой идёт.

Модели со значением пассивного восприятия реализуются в говоре чаще, нежели модели предыдущей группы. Предикат представлен безличными глаголами либо структурами в безличном употреблении (*дух идёт*). Субъект представлен имплицитно, он вынужден воспринимать запах, поскольку он не может его не воспринимать, находясь в общем пространстве с предметом, издающим запах. Информация о субъекте заложена на лексическом уровне (в семантике глаголов), синтаксическом (позиция субъекта значима в высказывании, она может быть при желании замещена). Ярко выражено явление эллиптичности: практически не встречается локатив. Среда распространения запаха не обозначена, в этом нет коммуникативной необходимости, поскольку в силу условий общения актуально значимым является не место распространения запаха, а предмет и его способность этот запах распространять. Наиболее часто актуализируется кваликативный компонент, обозначающий запах: *Вон у нас там у Павлика, у сына всяки дорожки, а я хочу, чтобы у меня были деревенски дорожки, чтобы деревней пахло, а не камнями; Фу-фу! Русским духом вспахнуло.* Квалификатор включается в структуру высказывания как существительное в творительном падеже. Введе-

ние квалификатора свидетельствует об избирательности, индивидуальности восприятия запахов. Так, в понятие «деревня», с точки зрения говорящего, «упаковывается» достаточно большой набор ассоциативных смыслов, связанных с жизнью в своем, скорее всего деревянном доме, имеющем свои, привычные запахи, и дорожки (источник запахов) для говорящего – это не просто предмет обихода, а символ своего мира, противопоставленного миру чужому и оцениваемому отрицательно (*деревней пахло, а не камнями*). Камни для говорящего ассоциируются с неживым, чужим миром города. Высказывания подобного типа всегда полипропозитивны, пропозиция представлена в них в свернутом виде, маркером являются конкретные имена существительные (*Хочу, чтобы пахло так, как пахнет в деревне*).

Нехарактерным вариантом является актуализация времени распространения запаха: *Чечис уж слышно запах, послезавтра хоронить*. Показателями коммуникативных центров служит порядок слов (значимые компоненты выносятся в препозицию), наличие междометий (*фу-фу*), противопоставление (*сейчас – послезавтра*), частица НЕ, стоящая не перед сказуемым.

Отметим основные особенности реализации пропозиции со значением восприятия запахов.

1. Преобладание пассивных моделей, что соответствует природе данного явления.

2. Преимущественная монопропозитивность структур, фиксирующих предмет, источающий запах, или среду распространения запаха,

3. Отсутствие оппозиций предикатов, отражающих степень активности / пассивности субъекта, типа *вижу / видно, слышу / слышно*, зато реализуются оппозиции, объектно ориентированные: *цветы пахнут, цветами пахнет*. Так как в русском языке существует лишь один глагол для обозначения запаха *пахнуть* (в диалекте еще *вонять*), то это дает богатые возможности для выражения предиката глаголами со значением движения, слухового восприятия и др.: *слышно запах, отдавать, нести, тянуть, идти*.

4. Восприятие запаха осуществляется в реальном мире (нет созерцательности, внутреннего мира, ирреальности).

5. Высказывания употребляются преимущественно в текстах информативного характера. Исключение составляют структуры, отражающие усилия субъекта, направленные на восприятие запаха. Акцент делается не на объекте, а на интенсивности запаха и силе воздействия его на воспринимающего, что создает наглядность, непосредственность восприятия и коммуникативный регистр, соответственно изобразительный регистр. Поясним термин «коммуникативный регистр речи», упот-

ребляемый в данной работе, вслед за Г.А. Золотовой, и представляемый как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в однородных текстах, сопоставленных по их общественно-коммуникативным функциям и противопоставленных по способу отражения действительности, что получает выражение в совокупности их лингвистических признаков» (Золотова, 1982:349). Исследователь выделяет два основных регистра речи: изобразительный и информативный, отличающихся временной локализованностью предикативного признака и рематическими доминантами текстовых фрагментов. Пересечение этих признаков дает разновидности основных выделенных регистров: изобразительно-описательный, информативно-повествовательный и другие. Термин «коммуникативный регистр речи» позволяет выделить типы текстов именно по отношению к разговорной речи. Важно, что автор подчеркивает многообразие типов речи, в том числе и разговорной. Коммуникативные регистры речи соотносятся определенным образом с функциональными стилями языка, они участвуют в формировании текстов того или иного стиля. «Регистр» не единственный термин, привнесенный в лингвистику из музыкальной области. Так, модус уподобляется струнному инструменту (Т.В. Шмелева), вводятся термины «тональность» (Т.В. Матвеева), «регистр общения» (Безяева, 1998), что, видимо, по мысли исследователей, отражает субъективность, индивидуальность, творческое начало человека при создании речевого произведения.

6. В аспекте лексического наполнения моделей отметим, что наряду со словом *запах* активно используется говорящими слово *дух* в том же значении, причем с широкой палитрой определений, отражающих приятный / неприятный запах. Эта закономерность прослеживается и в «Идеографическом диалектном словаре», где представлено семантическое поле «нос»: *ароматный, вонять, востроносенький, востроносый, гундоса, гундосить, дохнуть, дохнутья, запах, запашистый, зачихать, зачухать, зачухать, лавровый, мята, мятный, наноухаться, насморк, норка, нос, нюх, одеколон, опояние, осопатеть, остроносый, пахнуть, помада, прочухать, сопли, учухать, чихать, чутьё, чухать, чухать*.

Производные от слова «дух» формируют пропозиции характеристики: *духлый* «протухший, с душком», *духлявый* «запашистый», *духовой, душиной* «издающий приятный или неприятный запах», *душица, душичка* и *душичка* «растение». Например: *Вода духовая, душина; Гигиль дудками цветёт. Как укроп, растёт у сдмыв болотов, на гривах. Он духлявый-духлявый; Вода уже духлява стала.*

Развитие у слова *дух* и его производных двух противоположных значений объясняется тем, что эти значения развились на основе такого

значения слова *дух*, как «по мифологическим и религиозным представлениям: бесплотное, сверхъестественное существо (доброе или злое), принимающее участие в жизни природы и человека» (МАС-2). Поскольку *дух* может быть добрым и злым, отсюда возникает возможность для развития двух противоположных значений: плохой запах, хороший запах. Все это применимо в первую очередь к растениям, к природным явлениям и предметам, которым человек придавал сакральное значение (вода, хлеб). Ср. «в космогонических мифах растения выступают как фактически первый объект из всего, что появилось или было создано богами. В народных представлениях деревья нередко воспринимались как живые существа: они чувствуют, дышат, говорят друг с другом (и даже с людьми, обладающими особыми способностями), их нельзя бить, рубить, осквернять. По этой же причине с деревьями и другими растениями часто связаны многочисленные табу, приметы, поверья и т.п. Нередко растения рассматриваются и как жилище нечистой силы, злых духов (осина, бузина, корень мандрагоры). Особенно распространены представления о духах растений как носителях свойств данного растения» (Мифы народов мира, 1982, т. 2:369). Существительные *запах* и *дух* являются прямыми, категориальными обозначениями запаха, трактуемого как свойство предметов, веществ воздействовать на обоняние. Они могут оформлять номинативно-оценочные высказывания: *Это душища. Фиолетовы цветочки. Нежны такц. Ишь, какой дух!* Категориальные номинации не содержат в своей семантике указания на источник запаха или на природу запаха, оценку. Более подробная информация о свойствах запаха содержится в определениях оценочного характера к слову «запах», либо такая информация передается на уровне актантов предикативных единиц: *Я уж солила-солила* (грибы). *У меня кадочка была такц средненька. Чесночку туда, укропчику сверьху, для запаху; Душцкку в варенье для запаху клали.* Репрезентация источников запаха через существительные, а не через прилагательные для диалекта более типична. Лексемы *запах*, *дух* представляют собой непредикативные номинализации: маркируют пропозицию в самом общем виде.

1.5. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОПОЗИЦИИ ВОСПРИЯТИЯ В ДИАЛЕКТЕ

Отметим еще раз, что если в семантическом и формальном плане исходной является пропозиция бытия в силу своей элементарности, то с коммуникативной точки зрения перечень пропозиций открывает пропозиция восприятия. Ситуация восприятия независимо от способа воспри-

ятия воплощается в нескольких семантических и формальных структурах. Полнота описания, аспектуализация – все это обусловлено коммуникативными задачами. В зависимости от намерений говорящего в коммуникативный фокус попадают разные стороны ситуации, по-разному они оказываются представленными и в речи. Безусловно, идеальная модель включает как минимум три компонента, но в реальных условиях реализуются в обязательном порядке только предикаты. Реализация субъекта и объекта зависит от множества причин. По-разному складываются в «реальной жизни» и отношения между компонентами пропозиции.

Ситуация восприятия (независимо от конкретного вида восприятия) структурируется на семантическом (глубинном) и синтаксическом (поверхностном уровне). Общие черты высказываний со значением восприятия много раз отмечались в лингвистических исследованиях (Золотова, 1982; Шмелева, 1988; Башкова, 1995). Гораздо меньше внимания уделялось различию структур, обусловленному внеязыковыми причинами.

Отметим те отличия, которые определяются способом восприятия.

1. Представленность компонентов в семантической структуре высказывания. При описании зрительного восприятия в структуре высказывания эксплицируются субъект и объект. Орган восприятия (глаза) служит основой создания метафорических выражений. В высказываниях слухового восприятия замещенной в большинстве случаев оказывается еще и позиция локативного компонента, в ситуации восприятия запаха оказывается значимым квалификатор запаха.

2. Направленность / ненаправленность восприятия. Активность субъекта проявляется в ситуации зрительного и слухового восприятия. Пассивную позицию преимущественно занимает субъект при восприятии запаха.

3. Монопропозиитивность / полипропозиитивность структур. Восприятие запаха описывается преимущественно в монопропозиитивных структурах, зрительное и слуховое – в поли- и монопропозиитивных структурах.

4. Стилистическая дифференциация и жанровая характеристика высказываний. Высказывания слухового и зрительного восприятия функционируют в информационном и изобразительно-выразительном регистрах речи, высказывания со значением восприятия запаха употребляются преимущественно в информационном регистре. В фольклорных текстах достаточно широко употребляются высказывания зрительного и слухового восприятия, в которых глаголы восприятия являются одним из средств создания поэтичности, изобразительности: *Он шапку снял, коней держал. Вослушал, где-то кукушка кукует; Воскричала красна*

девка своим громким голосом. Во сыром бору на кусточке... Не кокуй ты, моя кокушечка; Я на те цветы взирала, мое сердце замирало; Ни в кого я не взирала, как на этот тёмный бор. (Все тексты из песен). В фокус восприятия попадают предметы природного мира, оцениваемые в высшей степени положительно, поскольку для русского крестьянина характерно отношение к природе как творению Божьему, и это отражено в устном народном творчестве.

Отличаются высказывания жанровой характеристикой. Так, высказывания зрительного восприятия формируют во многом жанр воспоминаний, высказывания слухового восприятия широко употребительны в жанрах молвы, сплетни.

5. Способы интерпретации пропозиций. Пропозиция зрительного восприятия может оформляться через пропозицию действия и движения, что подчеркивает динамику этого вида восприятия. Отсутствие в лексической системе глаголов со значением активного восприятия запаха способствует развитию переносных способов представления данной ситуации.

6. Реальность / ирреальность восприятия. Ирреальность восприятия характерна в области зрительного и слухового восприятия, отсутствует при передаче восприятия запахов.

7. Сочетаемость с другими типами пропозиций. Пропозиции зрительного и слухового восприятия активно взаимодействуют с пропозициями действия и движения, пропозиция восприятия запаха сочетается с пропозицией характеристики.

8. Возможности трансформации в модусную часть высказывания. Глаголы зрительного и слухового восприятия широко используются в фатической функции, функции привлечения внимания, тогда как глаголы со значением запаха не способны к такому употреблению. Высказывания со значением запаха наиболее субъективны, потенциально они содержат модус оценки, который может быть эксплицитным или имплицитным.

9. Пропозиция восприятия и мотивированность. Из элементов пропозиции восприятия мотивированными единицами чаще всего именуется субъект: *Глухоня, глухарь, глухоня, глушина, глушня, глухотина* «глухой человек», *слепотья* «о слепой женщине», *видак* «человек, выдавший что-л.», *слушальник* «участник святочного обряда, который слушал под окнами; ряженный». Из остальных компонентов в поле мотивированности попадает орган восприятия (зрительного): *гляделки, шарёнки*. Объект восприятия обычно выражен немотивированными единицами, что подтверждает еще раз антропоцентричность языкового представления мира.

Часть Б. ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И СПОСОБЫ ЕГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.6. МЕСТОИМЕННИЯ КАК ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИЗАТОРЫ

При исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании. Особенность функциональной парадигмы в лингвистике сочетает в себе коммуникативный и когнитивный подходы в научно-исследовательской языковой практике, которые ориентированы на изучение функционально-коммуникативных аспектов языка, использование когнитивных методов при анализе последнего как средства организации и передачи информации.

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира.

В мировой лингвистической литературе существует хорошо разработанная традиция осмысления языка как миромоделирующей системы, которая берет начало в идеях В. Гумбольдта. В последние десятилетия проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком, стала одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики, исследующей проблемы восприятия и интерпретации действительности языковой личностью.

Язык направлен на сферу образов, которая выстраивается между действительностью и человеком, выступая как множество знаний, образующих в совокупности картину (модель) мира. Язык не просто передает сообщение в процессе коммуникации в виде высказываний, в которых содержатся те или иные знания о каких-то фрагментах мира, он играет важную роль в накоплении знаний и их хранении в памяти, способствуя их упорядочению, систематизации.

Одной из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком, является пространство: «...для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» (Гак, 2000:127).

«Понятие пространства, чего-то расстилающегося перед человеком во все стороны, среды, в которой человек может свободно перемещаться сам и свободно перемещать доступные ему объекты, промежутка между объектами, протяженности и т.д., – все эти черты бытия лишь

постепенно включались в структуру понятия «пространство», которое тем самым становилось многозначным» (Кубрякова, 2000:90).

Исследование организации пространственных отношений, отраженных в речи, позволит выявить когнитивные механизмы интерпретации действительности воспринимающей языковой личностью. Когнитивный уровень служит как бы посредником между языком и миром, причем его конструируют не являются отражением действительного или возможного миров, а есть лишь интерпретация действительности реципиентом. То, что мы привычно называем действительностью, по сути является ментальной репрезентацией – мысленным представлением говорящего о действительности.

Способы восприятия мира человеком могут быть различными относительно его позиции в пространстве: репрезентация мира, обработка имеющейся и поступающей информации о нем зависят от экстралингвистических факторов, таких, как, например, общий фонд знаний коммуникантов, их социальная принадлежность, точка зрения на предмет восприятия и т.д. В каждом коммуникативном акте (и на всем его протяжении) точка зрения (позиция субъекта восприятия в пространстве) меняется в зависимости от условий коммуникации, специфики формы общения, коммуникативного намерения говорящего.

Таким образом, имеет смысл представить принципы языкового моделирования ситуации восприятия в когнитивно-коммуникативном аспекте в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами), иначе говоря, в дискурсе, который Н.Д. Арутюнова определяет как «речь, погруженная в жизнь» (Языкознание, 1998:137).

При когнитивно-коммуникативном подходе к изучению пространства мы имеем дело с вербализованной сферой, которая, на наш взгляд, эксплицирует интенцию говорящего, его ориентацию в пространстве, локализацию объектов, отношение субъекта к предметам с точки зрения известности / неизвестности, полезности / бесполезности, близости / дальности, свойственности / чуждости, определенности / неопределенности и т.п. (Курикова, 2005:147–153).

Для описания пространственных отношений были выбраны высказывания с замещенной локализованной позицией, содержащие местоименные лексемы «здесь», «тут», «там», с тем, чтобы описать представление о мире в диалекте через обозначение области существования объектов. Эти дейктические знаки выделяют и дифференцируют факты, явления, предметы и лица относительно координат речевого акта: актуального момента речи, участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации.

В данном исследовании знаки «здесь», «тут», «там» рассматриваются нами как прототипическая группа, имеющая назначение языковой фиксации разных позиций, которые занимает человек – эпистемистический центр по отношению к пространству. Эти позиции имеют разную векторную направленность, определяемую условиями коммуникативного акта, установками говорящего, культурными, социальными и другими параметрами.

Как представляется, эти знаки возможно считать местоименными словами, но не с позиции «*место имени*», а с позиции «*прототипа имени*».

По сути дела рассматриваемые слова отражают первичное восприятие и осмысление действительности как «наличного бытия», которое структурируется далее в соответствии с двумя сферами человеческого опыта (здесь – «этот (*do)» и там – «тот (*do)»), мыслимые как прототипические предметы (Кравченко, 1996:51). Этимологическая общность изучаемых местоименных слов дает представление об их эпистемологической основе как концепта «пространство», категоризованного в значении названных языковых знаков.

Референт местоимений – перцептуальное жизненное пространство познающего мир человека. Человек как организующий эпистемический центр этого пространства волен по своему усмотрению расширять или сужать его границы, фокусировать поле восприятия на любых элементах этого пространства, манипулировать его фрагментами, занимать по отношению к нему разные позиции, использовать по отношению к нему врожденную операционную программу, позволяющую оперировать множествами (реальными, размытыми, условными), и осуществлять вероятностное прогнозирование относительно динамики его фрагментов.

Функционирование рассматриваемых дейктиков, весьма частотных в устной речи, детерминировано спецификой непосредственного общения, условиями его реализации. Как показал анализ функциональных характеристик знаков «здесь», «тут», «там» (Курикова, 2004), употребление этих лексем отражает результаты осмысления фрагментов действительности в момент речепроизводства, что позволяет выявить особенности ориентации человека в пространстве, способы его восприятия.

Таким образом, когнитивный подход к местоименным лексемам позволяет выявить репрезентированные в языке позиции человека по отношению к действительности, перцептуальной сфере. Имея ориентировочное назначение, местоимения способны демонстрировать языковые механизмы концептуализации мира субъектом в пространственных моделях.

Репрезентируемые позиции человека имеют разную векторную направленность в координатах: 1) географической локализации, 2) временной локализации, 3) коммуникативной (функциональной) локализации.

В рамках этих координат говорящий проявляет «знание / незнание», «ограниченное знание», «актуальность / неактуальность», «определенность / неопределенность» как модусы существования информации (см.: Глыбин, 1999:21).

Местоименные слова «здесь», «тут», «там», активно употребляемые в живой устной диалектной речи, рассматриваются в настоящем исследовании как языковые категоризаторы, демонстрирующие результаты категоризации мира говорящим в момент речи.

Диалектная культура дает особенно ценный материал для исследования особенностей русского менталитета, в том числе и для изучения универсальных категорий, которые упорядочивают знания о мире. Русские диалекты являются частью общерусской культуры и принадлежат пространству традиционной народной культуры, отражающему крестьянское видение и понимание мира.

Диалектная коммуникация соотносится с той или иной разновидностью пространства села. Это пространство делится на географическое (физическое), темпоральное, социальное (ср. принципы членения коммуникативного пространства города в работе М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой).

Географическое пространство села в работе понимается как:

- открытое деревенское пространство;
- значимые локусы (свой дом, предметы быта этого дома, хозяйственный двор, огород, река, лес и т.п.);
- чужая территория.

Временное пространство представлено в диалекте:

- темпоральным объемом коммуникативного акта;
- локализованностью события во времени;
- вневременной сферой (суперпространством времени).

Социальная сфера определена членением на «мое / наше / деревенское» – «чужое / городское».

Выделенные сферы играют значимую роль при осуществлении коммуникации. В связи с этим возникает необходимость определить параметры языкового моделирования коммуникативного пространства и дать ему характеристику на материале диалектных высказываний с действительными элементами «здесь», «тут», «там».

1.7. МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Понятие КП не ново в современных лингвистических исследованиях, оно активно употребляется в научных изысканиях, однако не имеет

однозначного понимания или вообще не определяется. Считаем, что в науке оно интерпретируется в широком смысле как языковое пространство в функционально-территориальном аспекте (Бородина, 2002; Позднякова, 2003; Шарифуллин, 2003) и в узком понимании (Гаспаров, 1996; Гольдин, 1997).

В работе Б.М. Гаспарова очерчивается лингвофилософский контур изучаемого понятия. «Любое языковое действие совершается не имманентно, не в «безвоздушном» духовном пространстве. Для того чтобы создать или интерпретировать сообщение, говорящему субъекту необходимо ощутить определенную среду, к которой, в его представлении, данное сообщение принадлежит, – своего рода более широкую духовную «картину местности», на которой располагается и в которую вписывается данный языковой артефакт. Любое сообщение занимает некоторое место в более широкой мысленной картине, и эта его укорененность в определенном мысленном пространстве в значительной степени определяет его смысловой облик», – пишет исследователь (Гаспаров, 1996:294).

Самыми общими рамками КП в данной работе называются речевые и художественные жанры, одновременно указывается на такие свойства языкового общения, как его «тон», предметное содержание, общая интеллектуальная сфера, коммуникативная ситуация, представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается.

Б.М. Гаспаров утверждает: «КП образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности, окружение создаваемого или интерпретируемого текста определенным мысленным пространством придает мысли говорящего известную фокусировку, которая до некоторой степени разделяется другими говорящими, в отличие от любого кода, представляющего собой хотя бы относительно устойчивое и дискретное состояние, КП сообщения не знает никакой дискретности и стабильности: в каждый отдельный момент языковой деятельности интерпретирующая мысль адаптируется к коммуникативному пространству, каким оно представляется говорящему в данный момент» (там же: 306).

В.Е. Гольдин разработал теоретические основы коммуникативной диалектологии (Гольдин, 1997). В его исследовании представлены предмет и основные проблемы коммуникативной диалектологии, проблема образа ситуации в диалектной речи, представление о семантической сфере общения как теоретической основе коммуникативной диалектологии и др. Исследователь активно употребляет понятие КП, но определяет его лишь косвенно.

Думается, что рассмотрение некоторых косвенных признаков КП позволит выявить основания для определения его конкретной сути (понимания КП в узком смысле). Традиционное сельское речевое общение обнаруживает, по В.Е. Гольдину, наличие определяющих общедиалектных сторон: 1) информационной структуры общения на диалекте (набор речевых событий, речевых жанров); 2) специфики соотношения речи и фоновых знаний, характера общей апперцепционной базы и его влияния на организацию речевых единиц общения, специфики дейктического поля диалектного общения; 3) социально-ролевой организации традиционного деревенского общения; 4) когнитивной стороны общения на диалекте (строение наивной картины мира, фокус традиционной деревенской культуры и зоны преимущественной детализации языковой картины мира и т.д.) (Гольдин, 1997:12).

На наш взгляд, эти перечисленные сферы составляют коммуникативную семантику общения на диалектном языке. Общение всегда совершается «в том или ином социальном ключе и в рамках коммуникативно-прагматических типов» (там же: 14), регуляция которого ведется элементами, связанными с правилами этикета, этики. Выявление специфики коммуникативной семантики диалектного общения приводит к пониманию того, что существует особая коммуникативная структура этого общения. В.Е. Гольдин пишет об информационной структуре, заключающейся в системе социальных ролей, институтов, норм, средств воплощения, передачи, хранения и обработки текстов (там же: 22).

В нашем представлении, КП – это некая подвижная ментальная сфера, образуемая в сознании коммуникантов в момент речи, ее границы определяются спецификой речевого акта, особенностями социальной культуры, фоновыми знаниями участников общения. Отметим еще раз, что КП характеризуется как с экстралингвистических, так и с собственно лингвистических позиций. Задача данного исследования – изучить языковое воплощение пространства коммуникации, определяемое условиями восприятия внешних (неязыковых) факторов, поэтому высказывание является обязательным компонентом КП.

Идея пространства как ментальной сферы в сознании говорящих выражена в работах Ж. Фоконье, который толкует ментальные пространства как *модели дискурсного понимания*, создающие, уточняющие и претерпевающие постоянные изменения в процессе коммуникации. Как таковые, они обладают большой гибкостью и в каждый данный момент не обязаны сохранять последовательность и непротиворечивость, что в целом отражает особенности человеческого общения, и, следовательно, позволяют более адекватно моделировать процесс речевого восприятия. Успех человеческого общения, таким образом, зависит от сте-

пени схожести построенных собеседниками пространственных конфигураций, что обеспечивается не только собственно языковым аспектом понимания. «Построение ментальных пространств обусловлено также многочисленными экстралингвистическими факторами, в том числе фоновыми знаниями, доступными схемами, прагматической информацией, ожиданиями и т.д.» (цит. по: Скребцова, 2000:83–84).

Человеческая коммуникация состоит из следующих компонентов:

- канала связи (среды передачи информации);
- социального кода (медиатора, средства передачи и получения информации, социально выработанной и фиксированной в данной культуре языковой системы);
- источника и приемника информации – говорящего, порождающего и передающего информацию при помощи языковых знаков, и слушающего (читающего), интерпретирующего языковые знаки и тем самым понимающего информацию;
- передаваемой информации – сообщений о положении дел (событий) в объективном или субъективном мире и выраженным отношением к ним говорящего;
- предмета речи (референта) (см.: Слюсарева, 1979; Шелякин, 2002; Якобсон, 1972).

Любая человеческая коммуникация осуществляется в определенных условиях. К ним относятся место, время, социальные отношения ее участников, их общая осведомленность о мире и друг о друге, пресуппозиция. Одним из существенных внутренних компонентов общения является то содержание общения, которое надлежит передать партнеру по коммуникативному акту.

Специфика информационной структуры задает **характеристики КП**:

- 1) существование единой информационной базы коммуникантов или установление этого единства в момент речи;
- 2) связь тематики общения, речевых жанров, способов подачи сообщения, экстралингвистической информации с географическим, социальным, персональным, темпоральным параметрами, детерминированными рамкой «я / мы – здесь – сейчас»;
- 3) определение говорящим границ КП как «своих», противопоставленных «чужим» сферам.

Географические рамки КП определяются границами села и его окрестностями, также эта сфера на момент речи может быть соотносима с «домашней» территорией говорящего (жилище, хозяйственный двор). Эти локусы хорошо известны коммуникантам, функционально освоены и «присвоены» ими: *В городе трудней работать, тут (в интернете) ребят меньше в классе; Она на болоте и не росла. Морошка была на*

чистом, на сухом месте, брусника, черемуха растет тут, клюква; И начинается гулянье, если в своей деревне – ночь ночевали, на следующий день тут пробыли; Щас-то летом хорошо, придешь, ни топить, ничего, тут дома сидишь и то как выйдешь, так холодно; И родилась и выросла тут, более 300 лет селу; В больнице тут жила; В носках не пройдешь тут по избе.

Помечая локацию объектов маркером «тут», которые в момент общения находятся вне чувственной перцепции, говорящий демонстрирует когнитивно-коммуникативные процессы расширения рамок речевого пространства, как бы совмещая две сферы – зрительно воспринимаемую и не воспринимаемую, но освоенную, известную говорящему, определяемую физическим и социальным пространством деревенского общения: *На озерах, на Томе-то тут чё, пересохло всё* (= на известном участке реки); *Полушалки привезли в магазин тут-ка* (= в наш, сельский магазин); *Тут в церкви можно купить* (= в местной церкви); *А ей охота в деревне тут жить* (= в этой деревне); *Тут в селе муж с женой – дак они каки-то высокоумны* (= в этом, нашем селе). В этих высказываниях знак «тут» приобретает определенное артиклевое значение.

Расширение традиционных границ сельского КП представлено в следующих диалектных высказываниях: *Четверо вот, трое здесь в Томске* (говорящий в момент речи находится в с. Батурино Томского района Томской области); *Вот тут-ка горшеешник в Батурино жил; Она поехала к сыну, он тут на Зональном живет; Здесь колхозов в районе было много; Тут в Новосибирске побыли* (коммуниканты в момент речи находятся в с. Вершинино Томского района Томской области).

Случаи выхода рамок КП за пределы традиционных границ весьма немногочисленны, тем не менее их наличие служит доказательством того, что участники речевой ситуации образуют общее речевое пространство, характеризующееся не столько чувственным восприятием его границ, сколько осознанием причастности к этой сфере. Исследуя концепт «Мир как место, где мы живем» в русской культуре, Ю.С. Степанов связывает его с концептами «Свои» и «Мир – вселенная, универсум» в самом прямом смысле слова отношениями расширения в пространстве: осваивается все более обширное пространство, черты первоначального «своего» мира распространяются на все более далекие пространства (Степанов, 2001:223).

Социальные отношения определены деревенским социумом, относительно однородным и поэтому недискретным. В говоре являются типичными бытийные высказывания с элементами «у нас здесь / тут», «у меня здесь / тут»: *Дочь тут прожила у меня; Это само буровики тут у нас капусту, огурцы закупали; У нас тут молоканка ешь; У нас во дворе*

тут-ко рядом колодец; Вот до колхоза, у нас была, где от счас комплекс, тут была Кузнецова; Она вот тут у нас где-то в речкав растет; Митя у меня тут взял, выкопал дома, говорит, давай дома, а чё они (утки); У меня тут была така... блюдо большое было тако.

«В понимании носителей диалекта, мы – это деревня и одновременно люди, живущие в деревне. Говорящий осознает свою принадлежность к миру деревни» (Демешкина, 2000:64). Житель села, полагая, воспринимает себя (далее – свою семью, односельчан, село) равным не дробной части вселенной, а целному малому миру. Этот факт подтверждается и философскими исследованиями отношений «человек и мир». «Человек космичен по своей природе, он – центр бытия. <...>. Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться только потому, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества», – писал Н.А. Бердяев об особенностях мирозерцания человека (Бердяев, 1994:78).

Локально-социальный параметр КП может быть определен и визуально воспринимаемым пространством адресанта и адресата, следовательно, указание на объекты, находящиеся вне этой сферы, в момент речепроизводства осуществляется дейктиком «там»: *У меня в огородчике там картошки тоже растут; А у меня там на газу поставила ужин; Библиотеки богатые: и детские есть, и взрослая есть, там у нас большие женщины работают, мужчин нет.*

В процессе коммуникации возможны ситуации, когда адресат воспринимается как представитель другого мира, иной культуры – «чужим», в этом случае адресант обнаруживает несовпадение информационной базы его и собеседника, обозначая «ты-сферу» маркером «у вас там», «у тебя там»: *Тожэ она там у вас работат, я не знаю кто; Захолустье там у вас; Вот кода ты его выпивать станешь, вот там у тебя останется этот квас, гушиша.* Однако чаще диалектоноситель, реализуя различные этикетные формы, вовлекает собеседника в «свои» (персональные) рамки традиционного повседневного общения либо создает новое, общее с собеседником КП на момент речи.

Структура КП определяется также жанровыми характеристиками коммуникации. Такие разговорные жанры, как беседа и рассказ, особенно удаются в случае духовного и эмоционального сближения собеседников (Матвеева, 1997:46), что способствует созданию общей коммуникативной сферы и восприятию тех или иных фрагментов мира с одних и тех же позиций всех участников общения.

Указательное местоимение «тут», имея базовое значение «близости» и играя роль скрепы, создает эффект совмещения пространственно-временных сфер. Перемещение прошлого, пережитого говорящим, в

настоящее (реальное время, переживаемое всеми коммуникантами) наблюдается в следующих высказываниях: *Он на ведро сам ходил, а тут уже 17 апреля его ударило; Привезли меня молоденьки девчонки: «Езжай домой, не время ешо». Тут родня, сватья к себе увела* (глаголы прошедшего времени – *ходил, привезли, увела* – передают информацию о прошлом).

Также поддержкой процесса совмещения пространственно-временных фрагментов является использование формы глагола настоящего времени в значении прошедшего или будущего (часто в обобщенном значении): *Я прихожу в избу-то, а тут ничё не видать, а печка истопилась, все в избу. А тут как в ворота заезжаешь отсэдова, и тут вот продает сразу; Как идешь по этой горке, налево тут; Отсэдова как идешь к магазину, как по той дорожке, как зайдешь, тут недалеко налево, тут же схоронена.*

Говорящий стремится представить заново события, явления, происходящие в прошлом. Роль рассказчика является ведущей, но и роль слушающего не пассивна: получаемая информация о прошлом собеседника требует активного восприятия, которое, несомненно, стимулирует стремление говорящего к воспоминанию событий своей жизни, при активном участии собеседника коммуникант стремится приобщить его к воспроизведенному прошлому как настоящему – так создается эффект соприсутствия слушающего. Указатель «тут» в этих высказываниях актуализирует временную координату локации прошедшего события в пространстве «сейчас». Говорящий переносит ситуацию, прожитую в прошлом, в актуальный момент речи, обнаруживая сопричастность к событию и представляя его слушателю максимально наглядно.

При усилении коммуникативного акцента в момент восприятия локальных фрагментов мира в точке «мы – здесь – сейчас» в высказываниях бытийного типа глагол-связка в значении «быть» («иметься», «находиться») опускается, и в фокус попадает не факт бытийности предмета, а процесс его непосредственной демонстрации в пространстве: *У нас вот тут Кеть-река, катера, «Заря» ходит; Я думал, она тут на обочине родит, ёлки! Вот где счас остановка, перва остановка, дак от первой остановки вправо тут-ко сто метров, были наши собственные поля, единоличныне; А в чугунке тут корчага сверьху, а тут дырка; Вот тут, как выйдете сейчас, синеньки наличники, это ее; А там висит, вот тут за крылечким. На крылечке тут, на гвоздике сразу.*

Описанное положение дел демонстрирует целостность КП диалектоносителей, что поддерживается проявлением этикетных форм речи: автор высказывания стремится вовлечь собеседника в собственные рамки восприятия мира с тем, чтобы оно осуществлялось с одной точки

зрения. Кроме того, КП эгоцентрично: говорящий мыслит себя в центре освоения мира, поэтому локация объекта как близкая / далекая определяется субъективно. Движение мысли в пространстве памяти не знает границ, но среда, в которой говорящий воспринимает и создает какое-либо речевое действие, придает мысли большую осязаемость и, соответственно, определенность. КП обладает фокусирующим эффектом, который заключается в соотношении разных ходов интерпретации мысли коммуникантов. Эта соотносимость в большей части тождественна у людей, живущих в одной социокультурной среде; нетождественность редуцируется этикетными установками, которые активно реализуются в диалектной речи.

Таким образом, дейктическая лексика способна не только определять границы КП, но и передавать фоновую экстралингвистическую (пресуппозитивную) информацию, которая связана с особенностями восприятия пространства субъектом: говорящий, осваивая мир, мыслит себя в его центре, поэтому пространство, помеченное лексемой «тут», характеризуется привычным расположением, известностью, следовательно, свойственностью. Оно присваивается коммуникантом в момент речевого акта и становится для него «своим» в когнитивно-коммуникативном понимании. Не случайно слово «вселенная» мотивировано значением «обитаемый, освоенный человеком мир».

Фрагмент мира, отмеченный знаком «там», указывает на объекты, выведенные за пределы КП по причине неосвоенности, неизвестности сферы их расположения, невидимости на момент речи.

Любое языковое действие совершается не имманентно, не в «безвоздушном» духовном пространстве: для создания и интерпретации сообщения коммуникантам необходимо ощутить определенную среду, к которой данное сообщение принадлежит. Говорящие, живущие в общей языковой и культурной среде, в условиях постоянного обмена информацией имеют до известной степени общие фоновые знания. Степень такой соотносимости зависит от того, насколько тесно связаны говорящие друг с другом, лично и социально, от характера самой коммуникации – представляет ли она незначительный повседневный контакт или более тесный опыт, официальное или неофициальное общение, от которой зависит степень дифференциации социальных ролей, определяющих общность / разность границ КП.

КП в диалектном социуме выстраивается в рамках архаичной модели: человек выступает как центр бытия, поэтому в зону речевого осмысления попадают объекты известные, освоенные субъектом. Границы этого освоенного мира придают сообщению определенность, референциальную локализованность в пространстве коммуникации.

В КП жителей сибирских сел проявляются особенности их когнитивно-коммуникативной деятельности. Анализ лексического воплощения локального компонента высказывания, актуализированного пространственными дейктиками, позволяет говорить об особенностях восприятия организации действительности говорящих на диалектном языке в рамках коммуникативной ситуации.

Понятие «коммуникативное пространство» позволяет описать различные модели восприятия мира диалектоносителями – это разнообразные элементы категории пространства (семантические параметры локализации объектов, точка отсчета, поле зрения наблюдателя) и категории «свойственности / чуждости» в терминах пространства.

1.8. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ

Лексемы «тут» («здесь»), «там» являются выразителями особых смыслов, которые так или иначе соотносятся с субъективными (модальными) смыслами, реализуемыми пропозицией. Такие смыслы существенно конкретизируют объективные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию, работают на коммуникативную перспективу высказывания.

В семантике высказываний с лексемами «здесь», «тут», «там» наиболее полно проявлены следующие пространственные параметры: 1) локализация объекта в физическом пространстве, 2) охват местности, 3) локализация события в темпоральном пространстве, 4) членение пространства на «свое» и «чужое» и маркировка этих сфер языковыми средствами. Первый из них позволяет определить системы координат локализации предметов и точку зрения субъекта восприятия по отношению к пространственным объектам; второй – охарактеризовать поле зрения субъекта; третий – способы представления феномена времени через пространство; четвертый позволяет представить аксиологический аспект восприятия пространства.

1.8.1. Дейктическая локализация объектов в физическом пространстве

Локализация объектов в пространстве может осуществляться на базе различных параметров: ближний–дальний, правый–левый, передний–задний, верх–низ, стороны света, начало–конец (Березович, 2000:88). Диалектные высказывания с лексемами «здесь», «тут», «там» реализуют семантику локации на базе ограниченного набора параметров в силу

своей специфики семантики: ближний–дальний, верх–низ, внутренний–внешний.

При реализации этих параметров задействуются разные ориентационные механизмы, одно и то же пространственное отношение может разворачиваться в рамках различных координат, каждая из которых зависит от позиции наблюдателя. Необходимо сначала описать смысловое наполнение дейктических единиц, реализующих обозначенные параметры локализации объектов в пространстве, а затем исследовать проблему точки зрения наблюдателя.

Описание семантических параметров локализации объектов в пространстве требует обращения к словарным значениям «здесь», «тут», «там».

Словарные дефиниции названных указателей в Словаре русского языка (под ред. А.П. Евгеньевой) и в Вершининском словаре (под ред. О.И. Блиновой) не имеют принципиальных отличий. В словаре литературного языка слово «тут» не имеет самостоятельной словарной статьи и помечается как *разговорное* в соотношении с лексемой «здесь».

Вершининский словарь фиксирует следующие пространственные значения: «здесь» – «в этом месте», «тут» – «в этом месте, здесь», «там» – «в том месте, не здесь».

Считаем необходимым уточнить словарное толкование дейктических слов, которое игнорируется традиционной лексикографией. Вслед за Ю.Д. Апресяном мы принимаем значение «тут / здесь» как «в том месте, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя», «там» – «в том месте, отличном от того места, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя» (Апресян, 1995:636). В приведенных толкованиях используется понятие пространства, в котором говорящий в момент речи мыслит себя, иначе говоря, в действительности важны не столько фактические физические пространства, сколько способ их восприятия говорящим. Наивное понимание пространства отдает приоритет топологическим свойствам над метрическими.

В высказываниях с лексемами «тут / здесь» пространство описывается как плоскостное, горизонтальное видение местности. Значение «тут» предполагает определение места говорящего, находящегося в центре освоения мира, «тут» как бы «очерчивает» границы всего того, что окружает человека в его повседневной жизни, – это то, что можно назвать его малой родиной, освоенной территорией, – огород, деревня, лес, река и др.: *А овощи тут садим в огород; А раньше вот тут на берегу играли и в «огоньки», и в «разлуку» – всяко; Тут вот на соседней улице резались; Вот здесь в Вершинино шефство держал мединститут; В лесу тут че было, ягоды, грибов; А по-медицински – Иван-чай, в*

болоте тут-ко. Круг объектов может быть «сужен» до предметов домашнего обихода, используемых повседневно: А я сижу тут на кровати; Вот мука стоит, мука тут в избе стоит; В носках не пройдеши тут по избе; Всяка всячина тут у меня накладена, всяких семенов полно; Тут, однако, и жарач-то в пече нету.

Кроме того, в высказывание вводятся ориентиры по отношению координат тела в пространстве (*налево, вправо, наискосок, напротив*): *Как зайдеши, тут недалеко налево, тут же схоронена; На уголке-то тут жил, напротив Моти жил; Как идешь по этой горке, налево тут.*

Очевидно, что в семантике дейктиков «тут», «здесь» содержится идея близости, которая релевантна:

- для восприятия конкретных расстояний: *Где последний дом есть, Александр Николаевич, тракторный бригадир, тут была мельница; Тут у деревни километров было около пятнадцати, наверное; Ну таперь уж тут на этой улице никого уж нет; Ну они поселились, где вот река тут; А в Курлеке одне тут жили, не в Курлеке, а на Ларином озере; У них тесно здесь (в доме); Вот, говорят, здесь на бугорке трава есть от грыж;*

- для осознания социальной близости, например: *У меня свекор здесь жил пистоянно, Здесь коло них вырос; Намеднишь поглядела в окошко. Кто-то у тебя здесь спал; У меня здесь гуляли на моем день рождение; Рыболовна артель была. Рыбкол был у нас здесь отделение и отправляли в город; Николай Афанасьич здесь в деревне работает; У нас здесь часовня была, на той улице;*

- для передачи умозрительной близости временных и пространственных сфер: *Зажиточны да кулаки. Вот их и сослали и зажиточных и кулаков ну их уж тут (в это время) ссылали, тут же пошла коллективизация, давай уж ссылать всех; Тут на берегу, где у нас сейчас сажены, тут народу всегда полно было; Он к пулемету пошел, тут его и убило; Ну ладно, потом чё, я пошла, тут меня устроили в столовую.*

В отличие от дейктического элемента «тут», «там» может передавать как горизонтальное восприятие, так и вертикальное, кроме того, этот дейктик эксплицирует параметр *внутренний–внешний*. Семантика «там» эксплицирует идею удаленности, чуждости, неопределенности, которая предполагает наличие (часто «размытых») границ расположения объекта от центра – говорящего или отсутствия их.

При горизонтальном измерении пространства актуализируются указанные признаки с введением слов *где-то, дальше, далеко*: *Девка ушла, где-то болтаца и спит там; Там все содят картошку на полях где-то; Тогда таких не принимали – приезжие просились, не брали. В Казанке брали, а здесь нет. Это там, по Томе дальше; А ключи там около озерьев*

есть, возле озера, далеко; У нас тут льдина, а там где-нибудь дальше по-другому. Всяк по-своему; Они живут за Истоком, де-то там.

Однако заметим, что говорящий, определяя дальность нахождения реалии в момент речи, пытается включить собеседника в собственные представления о локации объекта, вводя уточнители: *по Томе, возле озера, за Истоком*, которые, видимо, указывают на границы известного пространства.

Вертикальное измерение можно интерпретировать как векторные «верх / низ»: *Сделат на самом верху крыши там гнездышко. Там вывели своих птенцов; А я спустилась в подполье, а у меня там не семь, а пять банок; И вот эти две дорожки было там внизу, они все перегорели; Клубнику берут, землянику даже набирают. Она там меленька в овраге; И там наверху тоже есть одна старушка. На втором этаже; В погребе там сильно схватывает дух. Там газ; А у меня стояла брага под столом, там, ну не так что под столом, а под лавкой; Говорят, надо на вышку повесить, там сухо; Миленька, там в яме три тонны с ходу можно взять.*

Понятие «вертикали» проявляется через наречия «внизу», «наверху», а также через мотивированное обозначение локатива: *в овраге, в погребе, под столом, под лавкой, на вышку* и т.д. Для русского человека, проживающего преимущественно на равнинной территории, как отмечалось, нетипично вертикальное представление расположения объектов (Е.С. Яковлева), поэтому указателем «там» обозначаются те фрагменты мира, которые располагаются выше или ниже обычной (привычной) направленности взгляда человека.

В значении указательного местоимения «там» содержится идея невидимости того, что недоступно глазу на момент речи: *Езжу в Пашино или в Колывань, там у меня сыновья живут; Где культмаг, видали, там церква стояла; Животноводство есть в Полонке, там, наверно, у них свиноферма.*

Семантика местоимения «там» содержит параметр *внутренняя / внешняя* локализация предмета: *В требухе там у ей пишиша; Уж таблетки я боюсь много есть, а в таблетках, поди, этой травы там крошечка одна; Там полностью все оцистясця (про болезнь); А там, наверное, большой камень был [в мочевоом], а операцию чё-то никто не предложили делать; У ей там аппендицит все просасывался, всё просасывался, кишки залил; И вот таки противни, и он, поставленный в русской печке, он [поросенок] там весь затомился, коричневый и стоит.*

Высказывания, передающие информацию о внутреннем телесном мире человека, демонстрируют указание на невидимую сторону наблюдаемого объекта, тем не менее мысленно представляемую как протяженное пространство, на это могут указывать лексемы *залил, оцистяс-*

ца, актуализирующие представления о заполненности предметами воображаемого объемного пространства.

Показательно, что в исследуемых высказываниях не реализуется семантика «передний / задний». Предполагаем, что указательные местоимения «тут», «здесь» способны эксплицировать угол зрения наблюдателя, так как эти маркеры референциональны содержанию высказывания о реальных или воображаемых предметах, иными словами, указатели конкретно-референтны (тут = «то, что перед глазами реально или умозрительно»).

Семантика местоимения «там» в высказывании либо расширяет угол зрения наблюдателя (там = «то, что в отдалении от «тут»»), либо не актуализирует направление взгляда говорящего (там = «то, что не является видимым на момент речи в привычных условиях восприятия»). Очевидно, то, что находится за пределами поля зрения наблюдателя / говорящего, на момент речи как бы не существует.

Таким образом, диалектный материал, представленный высказываниями с дейктиками «тут / здесь», «там», выявляет особенности осознания пространства говорящими на диалектном языке на базе различных параметров.

Так, говорящий, осваивая мир, мыслит себя в его центре. Пространство, помеченное маркером «тут», характеризуется свойственностью, следовательно, известностью. Оно присваивается субъектом в момент речевого акта и становится для него «своим» не столько в социальном или физическом плане, сколько в коммуникативно-прагматическом: в сознании субъекта на момент речи содержится образ зрительно воспринимаемого или зрительно не воспринимаемого фрагмента мира, который включен в подвижные рамки коммуникативного пространства диалектоносителей, ограниченного сеткой координат «я – здесь – сейчас», где «я» может замещаться «мы» (= жители одного села), «здесь» имеет географическую, персональную, социальную, единую информационно-базовую «привязку», а «сейчас» – это актуальный момент времени либо событие в прошлом, актуализированное в момент речи.

Пространство, помеченное дейктиком «там», обозначает вывод объектов за пределы коммуникативного пространства по причине неосвоенности, неизвестности сферы их расположения, нетипичной локации, невидимости на момент речи.

1.8.2. Проблема точки отсчета в пространственном дейксисе

При реконструкции образа пространства в сознании говорящих с необходимостью встает вопрос о точке отсчета (точке зрения). В лин-

гвистических работах, имеющих прагматическую направленность, исследуется проблема отражения в языке наблюдателя и его точки зрения на материале литературного языка (см. работы: Байков, 1990; Кравченко, 1992; Баранов, 1994; Яковлева, 1994; Апресян, 1996; Падучева, 1997; Шаховский, Жура, 2002 и др.), на материале топонимии (Березович, 2000), на материале диалекта в рамках изучения таких категорий, как персуазивность и авторизация (Демешкина, 2000). Проблема точки отсчета (точки зрения) наблюдателя в пространственном дейксисе диалектного языка, насколько нам известно, не изучалась.

Вопрос о понятии «точка отсчета» весьма сложен. Он возник в связи с расширением лингвистических представлений об антропоцентризме языка, истоки которого большинство современных языковедов находят в работах В. фон Гумбольдта, который отмечал, что «любая отдельная человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, – **это особая позиция в видении мира**» (Гумбольдт, 1984:80).

Существуют различные номинации рассматриваемого нами феномена: «угол зрения», «способ видения» (Duden, 1962), «фокус внимания» (Welter 1980) (цит. по: Шаховский, Жура, 2002:38), «понятийная точка зрения» (Минский, 1979), «семантическая перспектива» (Филлмор, 1981), «интенция» (Кацнельсон, 1988), «топик» (У. Чейф), задающий пространственные, временные, личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация; «эмпатия» (С. Куно) – условие, влияющее на выбор начала, на способ представления актанта ситуации.

В.Г. Байков рассматривает данное явление как имеющую самостоятельный статус категорию антропоцентризма и соотносит с такими категориями, как «языковая картина мира», «прагматика», «модальность» (Байков, 1990). Точка зрения – система антропогенных позиций, выступающих по-разному (то актуально, то виртуально) в языке, речи, речевой деятельности и поэтике (вторичной коммуникативной системе) (там же: 5). Точка зрения очерчивает тесно связанные друг с другом пространственно-временные (хронотопные) и оценочные координаты участников коммуникации. Точка зрения имеет много аспектов и уровней, отличается масштабностью проявлений.

Понятие **точки зрения** применяется при описании различных типов отношений, в том числе и пространственных.

Как уже отмечалось, многие языковеды по традиции, восходящей к трудам Б. Рассела, К. Бюлера и др., связывают проблему субъективного в языке с фактором говорящего (см., например: Бенвенист, 1970; Степанов, 1985; Падучева, 1988 и др.). В современных работах, связанных с действительными вопросами, вводится фигура наблюдателя, то есть регулирующее начало в функционировании языковой системы сводится не-

которыми исследователями к человеку вообще (Кравченко, 1992, 1996). Однако важно учитывать, что «речь идет не о том, какие другие факторы принимают участие в формировании координатных осей высказывания, а о том, что является определяющим фактором. Очевидно, что в этом отношении у говорящего нет конкурентов» (Апресян, 1995:631).

Е.Л. Березович, исследуя представления о географическом пространстве на топонимическом материале, выявляет три возможных с различными модификациями варианта (в том числе и отрицательный) представления позиции субъекта номинации в результате его номинативной деятельности: 1) точка отсчета – наблюдатель, 2) точка отсчета вынесена вовне, 3) точка отсчета нерелевантна для наблюдения (Березович, 2000:131).

Таким образом, вопрос о точке отсчета в дейктическом пространстве остается полемичным. Действительно, каноническая ситуация дейксиса эгоцентрична в силу того, что говорящий помещает себя в позицию эго и устанавливает отношения со всеми объектами со своей точки зрения. Исследователи феномена восприятия принимают существование позиции наблюдателя, но проблема в том, что считать «дейктическим»: а) при указании точка отсчета ведется от говорящего, б) при указании точкой отсчета может быть человек вообще (наблюдатель может не совпадать с говорящим).

Как показал обзор работ по теории указания и восприятия, разграничение / неразграничение понятий дейксиса и эгоцентризма зависит от выбираемого исследователем материала при изучении маркированных единиц (мы имеем в виду как сами единицы, так и жанры текстов, в которых они реализуются), а также от понимания термина «дейксис».

А.В. Кравченко принципиально отвергает точку зрения тех, кто мыслит центром дейктического пространства говорящего даже в случае употребления в высказывании лексем «здесь», «тут», «там»: «Функционирование многих так называемых эгоцентриков (то есть единиц, значение которых, в соответствии с эгоцентрической теорией, ориентировано на говорящего) в контексте неканонической речевой ситуации не позволяет отождествить точку отсчета осуществляемого ими указания с говорящим» (Кравченко, 1996:23). Обосновывая это утверждение, автор приводит для сравнения следующие примеры: 1) *Здесь нет для меня ничего нового;* 2) *Он внимательно осматрелся. Ничего нового для него здесь не было.* В первом примере, который представляет собой высказывание от 1-го лица, слово «здесь» осуществляет указание на некоторую область пространства относительно автора высказывания (говорящего / наблюдателя); во втором примере в качестве точки отсчета такого ука-

зания выступает уже не говорящий, а то лицо, на чей чувственный опыт (восприятие) ссылается говорящий, то есть *он* (Кравченко, 1996:46).

Очевидно, что в первом примере восприятие осуществляется непосредственно: в этой ситуации имеется два компонента – говорящий / наблюдатель и фрагмент пространства; во втором примере структура ситуации трехчастна: говорящий, наблюдатель и фрагмент пространства, следовательно, восприятие опосредованное. Структура последней речевой ситуации обусловлена нарративным типом текста: здесь осуществляется пересказ чувственных ощущений героя, представленного читателю автором, поэтому мы предполагаем, что лексема «здесь» в приведенных примерах выполняет разные функции: *здесь (1)* ситуативное, реализуется в живой, непосредственной речи, имеет референтное назначение в диалогичной речи; *здесь (2)* выступает в качестве составляющей категориального дейксиса в художественном тексте. В художественном произведении имеет место нарративный, или вторичный, дейксис, не связанный непосредственно с речевым актом, его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета. Дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания.

Поскольку проблема точки отсчета в дейктическом пространстве диалектной речи ранее не изучалась, необходимо разработать методiku, нацеленную на ее выявление.

1.8.2.1. Точка отсчета в дейктическом пространстве диалектной речи

Зафиксированная диалектная речь чаще всего представлена в форме диалога, говорящий, определяя референцию, каждый раз как бы встает на место собеседника («смотрит на мир глазами адресата»), становится с ним одним целым (в связи с этим, в частности, могут реализовываться различные этикетные формы, создаваться эффекты совмещения ситуации темы и ситуации речевого общения и т.д.). Следовательно, принимая во внимание вышеперечисленные условия, точка зрения говорящего и наблюдателя в текстах с указателями «здесь», «тут», «там» не расщепляется, а совпадает.

В связи с этим возникает второй вопрос: насколько эксплицирована позиция наблюдателя при указании на фрагменты действительности? Ответ на него позволит выяснить способ восприятия действительности (непосредственный или опосредованный).

Прежде чем перейти к определению точки зрения наблюдателя в дейктическом пространстве говорящих на диалектном языке, поясним технику реконструкции ее обнаружения, поскольку важно избежать

произвольного выхода за пределы того, что дает собственно языковой материал.

При экспликации точки зрения наблюдателя необходимо обратиться к понятию «коммуникативное пространство», это позволит выявить стратегию ориентирования субъекта в ситуативном пространстве. Как уже отмечалось, коммуникативное пространство соответствует координатам «я – здесь – сейчас», в центре которого – субъект восприятия / речи. Следовательно, фрагменты действительности, предметы, воспринимаемые говорящим как «близкие» в геоцентрическом, социальном и другом понимании, помечаются в речи маркером «тут / здесь», тогда можно сказать, что эти объекты «получают прописку» в рамках «Я». В таком случае предполагаем, что любой объект «тут / здесь – пространства» непосредственно референциален позиции говорящего / наблюдателя, следовательно, даже с введением в ситуацию третьего объекта непосредственность восприятия не нарушается.

Рассмотрим ситуации: 1) допустим, *X находится тут*, между *У-ми*, – очевидно, что позиция «тут» и положение наблюдателя совпадают, то есть субъект, являясь центром коммуникативного пространства, тоже находится между *У-ми*, поэтому *X* воспринимается непосредственно, происходит ориентация «от себя»; 2) в предложении *X находится там*, между *У-ми*, – происходит двухступенчатая ориентация: вначале идет выход за пределы КП на объект-посредник (*находится там*), затем демонстрируется ориентация от объекта-посредника, указательное местоимение «там» при этом не меняет точки зрения, которой является позиция наблюдателя / говорящего; 3) в ситуации *X находится там*, в *Z* (= в доме, в овраге, на болоте, в лесу и под.), – ведется ориентация «от себя», так как *X* является частью *Z*. В данном случае происходит одноступенчатый процесс указания на предмет, который совпадает с местом локализации, иначе говоря, *Z* не является объектом-посредником.

Таким образом, позиция наблюдателя всегда эксплицирована в высказываниях с лексемами «тут», «здесь», а также с лексемой «там» в том случае, если происходит указание на предмет, который является частью другого объекта. Если местоимение «там» реализует указание на объект, который расположен у *У-ка*, около *У-ка*, между *У-ми*, где *У*, позиция наблюдателя имплицирована.

Значительную роль при определении степени актуальности субъекта в высказывании играют предлоги со значением «отстраненности» объектов восприятия (*у*, *около*, *между*), а также предлоги «сопричастности» к объекту (*в*, *на*).

Пространственный дейксис в речи диалектоносителей обнаруживает строго закрепленную, статичную позицию наблюдателя, которая все-

гда обозначается как точка отсчета. Эта ситуация является исходной для ориентировки в физическом и временном пространстве, однако она может модифицироваться за счет введения в ориентационную зону объекта-посредника, усложняющего пространственные связи, делая их более объемными и детальными. Таким образом, анализируя высказывания с лексемами «тут», «здесь», «там», где точкой отсчета является говорящий / наблюдатель, мы получаем две ситуации: а) позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»); б) позиция наблюдателя имплицитована (ориентация «от объекта»). Ситуации, когда точка отсчета вынесена вовне или нерелевантна для наблюдения, невозможны для названных высказываний, поскольку они содержат элементы, в высшей степени эгоцентричные, кроме того, семантика указательных местоимений изначально задает жесткую закрепленность позиции наблюдателя, изменение которой сопровождается изменением ракурса восприятия локуса объекта.

Позиция говорящего в высказывании демонстрирует связь с категорией персуазивности (оценивание информации с точки зрения ее достоверности / недостоверности), а также с проявлением оппозиции «свой / чужой».

Рассмотрим ситуации, в которых позиция говорящего / наблюдателя актуальна.

1.8.2.1.1. Эксплицированная позиция наблюдателя

Ориентация такого плана названа Е.Л. Березович «автоориентацией» (Березович, 2000:130). Ситуация автоориентации включает два компонента: субъект наблюдения и объект или область наблюдения и помечается в речи знаками «здесь», «тут», «там». Этот способ восприятия пространства наиболее распространен в исследуемых говорах (около 95 %).

Позиция автора сообщения актуальна в следующих речевых ситуациях:

1) ситуация чувственного восприятия (непосредственная близость объекта и говорящего) (*Зимой дак катушку сделать, под гору вот тут все ульет; Тут дома сидишь и то, как выйдешь, так холодно; У них квартирный домик хороший на углу вот тут от*);

2) ситуация неперцептивного восприятия (оно могло осуществляться ранее):

- ситуация восстановления картины по памяти (реализация функции совмещения темы и текущего общения), при которой говорящий стремится максимально наглядно представить картину: *А щас только как в ворота заедешь, и здесь, прям тут, щас тут за зданьями, где мясно-то, ну все такое; На гору вздымешься, где пионерский лагерь,*

тут была поповская; Вот где сейчас остановка, первая остановка, дак от первой остановки вправо тут-ко сто метров, были наши собственные поля, единоличные;

● объективированное описание мира (указание на отстраненные от коммуникантов объекты): Там чашечка на печке беленька; У ей есь дупле. Там у ей и матрасы, и каюки; Там культурно (в церкви), там така чистота; Всё я слышала, она там в кладовке царапалась, вычишала; На огороде нонче там земля влажна; Мы с Мишенькой лежали там в больнице долго; Они вот там живут, наискосок, туда подальше, на переулке;

3) объект является частью большого внешнего мира, освоенного всеми его членами: Луга щитаются вот здесь, где озера; Вот пойдешь к ярскому бору, там березник; Тут в церкви можно купить.

На то, что восприятие осуществлялось непосредственно («знание по знакомству» – выражение Т.А. Демешкиной), могут указывать в высказывании слова с семантикой цветообозначения (*беленька*), оценки действительности (*така чистота, земля влажна*), конкретность описания (частица *вот, от* (вот), уточнение (*у ей в оgrade, туда подальше на переулке*), перечисление разнообразных предметов (*и матрасы, и каюки*), личный опыт (*мы с Мишенькой, я слышала... царапалась, вычишала*).

4) информация об объекте опирается на неполное или чужое знание о нем, на субъективную оценку (*А там ешио каки-то озера в Вершинно, дак я их не знаю; Иконы всякие там под стеклом; Ну, когда дверь она открыла туда, в кладовку, там, говорит, в самом нижнем ящике, там, говорит, деньги*).

Отстраненное обозначение объекта в пространстве на основании чужого опыта или негативного отношения может подвергаться говорящим сомнению в достоверности этой информации путем «отчуждения» ее от себя, на речевом уровне это эксплицируется на базе различных средств: например, в сочетаниях «всякие там», «каки-то там», «не знаю»; ксенопоказателей («гыт»), которые определяют категорию чуждости в языке.

Названные типы ситуаций описывают позиции коммуникативной ответственности адресанта (термин А.Н. Баранова) (Баранов, 1994) перед адресатом за сообщаемую информацию. Говорящий готов нести ответственность за достоверность знания об объекте, который в процессе коммуникации фиксируется в рамках коммуникативного пространства или выводится за его пределы самим автором высказывания. Наблюдается нежелание разделить ответственность за истинность сообщения, если оно основано на неполном знании предмета, на чужом опыте и т.п.

Так, ситуация автоориентации коммуникативно «высвечивает» содержание высказывания.

Локализация объектов в пространстве может осуществляться относительно других объектов. Объект-посредник становится третьим элементом ориентационной системы, при этом субъект ориентировки не исключается из ситуации, но его позиция имплицитруется («затемняется») за счет введения объекта-посредника, точнее сказать, позиция говорящего становится менее актуальной, указание на локацию объекта осуществляется опосредованно. Такую позицию точки отсчета мы называем имплицитированной.

1.8.2.1.2. Имплицитированная позиция наблюдателя

В высказывании «затемненная» позиция говорящего / наблюдателя выражена грамматически:

- придаточными места в постпозиции по отношению к локативу (*Мой дом родительский там, где остановка автобуса; Площадь? Во-во, там, где церковь*);

- специальными («опосредующими») предложными формами (*Долбежка земли, там между котлов; Там у церкви старичок был, он и отдал икону; А там корова оправилась возле машины, думаю, обмахнется*);

- единицами, эксплицирующими семантику присутствия третьего лица, которое является переносной точкой отсчета при ориентации в пространстве (*Там живут напротив Гуты битый да грабленный; Там напротив ее живет жэньшина; У нас там у соседа сосед живет*).

В случае имплицитированного положения субъекта пространственные отношения становятся более сложными: исключая объект из КП, говорящий способен вести ориентацию в другом режиме, при этом, снимая с себя коммуникативную ответственность, опирается на другие объекты, апеллирует к чужому опыту. Вероятно, в таком случае речь идет о производном (вторичном) дейксисе, когда для ориентирования в параллельном (некоммуникативном) пространстве выбирается новая точка зрения.

Примером вторичного дейксиса могут служить немногочисленные примеры, выявляемые в исследуемом материале, нарративных текстов, в которых точка отсчета ведется от другого лица: *Аня говорит: «Тетка Аксинья там лежит, гыт, – у ворот пьяна, гыт»*. Говорящий стремится маркировать чужую информацию, используя повтор ксенопоказателей: «гыт», «говорит».

Итак, дейктическая лексика «тут», «здесь», «там» в канонической речевой ситуации маркирует центр КП – говорящего, фигура которого чаще всего актуализирована. Эта модель восприятия отражает получение знаний непосредственным путем, когда говорящий несет информа-

ционную ответственность. Более сложная модель способа локализации предмета путем перенесения точки отсчета на другой объект (опосредованный способ) в случае вывода предмета из коммуникативного пространства менее предпочтительна в говорах. В первом и во втором случае наблюдается проявление признаков коммуникативного явления персуазивности: информация оценивается субъектом с точки зрения достоверности / недостоверности, и случаи обращения к чужому опыту, к чужой информации, когда автор высказывания не может нести ответственность за истинность информации, всегда маркируются в речи.

Таким образом, наложение географической ориентационной сетки на исследуемый практический материал в результате определяет способы восприятия мира с выходом в коммуникативный аспект.

Одним из элементов географической ориентационной системы является параметр «поле зрения», который предполагает учет объема, детализированности и перспективы видения местности.

1.8.3. Семантический параметр «поле зрения» наблюдателя в коммуникативной модели восприятия пространства

Разрабатывая структуризацию пространства в топонимической картине мира (Березович, 2000; Дмитриева, 2003), исследователи используют понятие «охват местности», который репрезентирует поле зрения наблюдателя. Выделяется **векторное** (маршрутное) и **панорамное** (радиальное) видение пространственных объектов. **Векторный** вариант подразумевает прослеживание пространственных координат единичного объекта, которое осуществляется от определенной точки отсчета. Векторная ориентация замкнута на объект, стереометричность взгляда здесь не требуется (Березович, 2000:65), это такой тип разворачивания пространства, при котором субъект предстает как быдвигающимся через него, и это подтверждается последовательным разворачиванием, выстраиванием объектов действительности в топоконтекстах (Дмитриева, 2003:22).

Панорамное видение предполагает способность одновременного включения в поле зрения нескольких объектов, между которыми устанавливаются взаимосвязи. Названные способы отражения в языке пространства выделяются по аналогии с тем, что в психологических исследованиях пространственных представлений обозначается как **карта-путь** и **карта-обозрение** (иногда используются термины «туннельный» и «спектральный» соответственно). **Карта-путь** – последовательное представление передвижения в пространстве, где исходным является сам движущийся человек, для этой карты характерна постепенность

прослеживания пространственных отношений. **Карта-обозрение** – одновременное единое представление системы различных пространственно-размещенных и соотнесенных предметных компонентов, образующих координированное пространственное единство, такая карта характеризуется одновременностью, симультанностью мысленного охвата предмета (Шемякин, 1959:167). Итак, векторный способ познания местности является результатом осмысления пространства по принципу карта-путь, а панорамный – по принципу карта-обозрение.

Семантику «поле зрения» наблюдателя способны репрезентировать высказывания с указателями «тут», «здесь», «там».

Дейктические знаки эксплицируют коммуникативно-прагматическую модель восприятия пространства, когда человек воспринимает его как сферы, в которых выделяется ядерная позиция субъекта, а также разграничиваются два основных уровня пространства – **актуальный** и **периферийный**. Эти уровни не имеют четких границ, могут пересекаться в каких-либо точках, и поэтому языковой материал позволяет выделить **промежуточную** сферу. В данном случае человек воспринимается, скорее, не только в качестве точки отсчета в пространстве, а как субъект, оценивающий ту или иную область бытования предметов с коммуникативно-прагматической точки зрения: образ пространства в сознании человека представлен как неоднородная сущность, поскольку окружающий мир воспринимается субъектом сквозь призму собственных ощущений, которые могут определяться условиями момента речи, а также бытийными и бытовыми ценностями человека.

Наиболее важные для жизнедеятельности человека объекты, их значимое и / или близкое в хозяйственном, социальном, коммуникативно-прагматическом отношениях расположение, их привычная локализация в пространстве – все эти условия определяют границы актуального пространства диалектоносителя; пространство, не отмеченное этими признаками, определяется как периферийное.

Для того чтобы выяснить, что составляет названные сферы, обратимся к языковому материалу. Представляется, что коммуникативно-прагматическое восприятие действительности может эксплицироваться в лексическом выражении локатива, который актуализируется в высказывании лексемами «здесь», «тут» и «там»: именно они в силу специфики семантики выполняют функцию указания как на коммуникативно значимый для говорящего локус, так и на периферийный.

Референтная отнесенность эгоцентрических слов зависит от контекста и экстралингвистических факторов: ситуации общения, участников коммуникации, интенций говорящего.

Именование фрагментов области бытования осуществляется по разным основаниям (см.: Арутюнова, Ширяев, 1983; Демешкина, 2000): внешний / внутренний, идеальный / материальный, макромир / микромир, далекий / близкий, знаю / не знаю, свой / чужой и т.д.

1.8.3.1. Актуальное пространство локализации объектов

Актуальную зону пространства рассмотрим на материале контекстов, содержащих лексему «тут» в пространственном значении.

Если исходить из положения, что «тут» – это то, что близко человеку физически, духовно, то указание, производимое данным местоимением, распространяется на те фрагменты пространства, которые близки говорящему в повседневной жизни в географическом, социальном и другом понимании, иначе говоря, указание на близость может быть как в прямом, так и в переносном смысле.

Объекты могут быть в момент речи невидимыми, но хорошо известными. В этом случае говорящий как бы заново переживает восприятие знакомых ему предметов действительности и осуществляет указание посредством «тут» умозрительно, «по памяти»: *А щас только как в ворота заедешь, и здесь, прям тут, щас тут за зданьями, где мясно-то, ну все такое; Вот тут, как выйдете сейчас, синеньки наличники, это её; Ну как сказать, не очень далеко, от Батуриной километров шесть на горе, место между Ипатовой и Батуриной, тут-ка была МТС; Вот они жили тут, от где Иван Иванович как в переулок-то свертываешь, ихний дом; На гору вздымешься, где пионерский лагерь, тут была поповская; А в оградке-то, где чсас детсад, скоко тут свяценников схоронено. Человек пять схоронено (3,2 %)*.*

Языковой материал демонстрирует единичные случаи умозрительного «перехода» объекта из зоны «там» в сферу «тут» и наоборот: *У нас там покос был, около Аникина камня, тут и трава и всё; Церковь у нас тут была, там, где кладбище старое, а новое у нас хорошее, там дальше за старым; Тут было две кирпичные (церкви), одна деревянна, где культмаг, видели, там церква стояла; Николай уж пришел с фронту. Ну, по ранению. Ну, он устроился в ОРС. Ну, а тут-ко он взял ребятишек, которых это, на иждивение к себе. Там-ко он пять ли, шесть ли брал на иждивение (около 3 %).*

Вероятно, в процессе говорения диалектоноситель способен неоднократно мысленно перемещаться в пространстве: то, что в момент речи является далеким относительно субъекта и, соответственно, невидимым,

---

* В скобках здесь и далее в параграфе обозначается регулярность показателей языкового материала в процентном соотношении.

маркируется в высказывании лексемой «там», однако сфера бытования объекта хорошо известна говорящему (на это указывает, например, местоименная форма «у нас» (= мы владели), поэтому осуществляется мысленный переход в «свою» зону, которая помечается в речи местоимением «тут». В данном примере реализуется функция совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения, которая позволяет ввести собеседника в мир известных говорящему предметов и продемонстрировать их как «здесь» и «сейчас».

Условно можно выделить следующие актуальные локусы, которые могут пересекаться в каких-либо точках пространства, частично совпадать, поскольку в восприятии диалектоносителя мир предстает континуально, нерасчлененно:

Указание на внутренний мир (физический и психический) человека (2,4 %): *А это голо все тут-ко, голова-то; Из головы ж тут идет все; Мне кажется, что нерв, поди, тут в руке; Мы, говорит, убавим, штоб они (бусы) тудо-ка лежали на шее.*

Указание на ближний внешний мир, включающий следующие фрагменты:

- бытовую сферу, бытовые предметы (чугунок, кровать, печь, крыльцо, веранда) (3,5 %): *А в чугунке тут корчага сверьху, а тут дырка; А я сижу тут на кровати-то; Пила тут, всяка ерунда тут на веранде; Тут она, где крылец-то, тут висится; Щас-то летом хорошо, придешь, ни топить, ничего, тут дома сидишь и то как выйдешь, так холодно;*

- усадьбу (огород, сад, двор) (4 %): *Есть в огороде, тут в садике; А овощи тут садили, в огород; У нас во дворе тут-ко рядом колодец; Тут-ка у меня земли мало в огороде.*

Указание на малый мир, в котором живет говорящий («свой» мир):

- сельские локусы (магазин, церковь, клуб и т.д.) (27,7 %): *Тут вот на соседней улице резались; Тут в церкви можно купить; Тут она в часовне у нас стояла; Где клуб, тут и винопалка была; Тут мы в хорowo... эта... выступали в клубе; В больнице тут жила; Эта приехала, тут она, де больница; Ну, у нас тут в магазин завозят; Поспеют огурцы, так продам у магазина тут продам или у почты; А тут у остановки, у яслей все завалили; Вот где счас остановка, перва остановка, дак от первой остановки вправо тут-ко сто метров, были наши собственные поля, единоличные; А работает де-то тут за линией;*

- природные или хозяйственные локусы, задействованные в практической деятельности человека (поле, луг, лес) (20,4 %): *Растут тут на полях; А у нас ее тут в лесах не найдешь; Вот на проходах, от где дороги, где твердо место, тут ставишь ловушки, тут он и попадает;*

А раньше вот тут на бережке играли: и в «огоньки», и в «раздуку» – всяко; Ну они поселились, где вот река тут; Она вот тут у нас где-то в речках растет; А в Курлеке, одне тут жили, не в Курлеке, а на Ларином озере.

Указание на ближний внешний мир может осуществляться падежной формой местоимения «мы» (*Тут она в часовне у нас стояла; У нас тут один гнал; У нас тут хлеб хороший; Котлован тут у нас*), свидетельствующее о непосредственности восприятия действительности, проявлении архаичности моделируемого пространства (см.: Демешкина, 2000) (18 %).

Указание на близость локуса, обусловленную собственно коммуникативно-когнитивными установками коммуникативного акта:

- объекты, воспринимаемые говорящим в реальной близости в момент речи (12,4 %): *А сестра родная тут жила, через дом от меня; Тут напротив в соседях был щитовод; Тут у меня в соседях старушка одна живет;*

- локусы со ссылкой на известность собеседнику (4,7 %): *А он, знаешь, где Николай Васильевич, железом дом крытый; А они жили вот тут-ка, где Владимир Прокопьевич живет; Здесь, вот тут живет, где Поля;*

- другие (освоенные) населенные пункты (5 %): *Часовня была, а тут в Яру была церковь; Вот тут-ка горшешиник в Батурино жил* (говорящий в момент речи находится в с. Вершинино Томского района Томской области).

Маркирование локуса «другое село» указателем «тут» обозначает осознание чужого населенного пункта как своего, поскольку он освоен говорящим, во-первых, в рамках географической близости; во-вторых, функциональной близости. Предполагаем, что данный случай демонстрирует описанный выше ментальный переход в пространстве.

Таким образом, в актуальную зону попадают локусы, которые находятся в непосредственном восприятии в момент речепроизводства или осознаются как близкие в любом ракурсе (например, жилище соседа), также локусы малого, «своего» привычного мира. «Актуальными» (= тут) наиболее часто оказываются локусы: «хозяйственные и природные уголья», «село».

1.8.3.2. Периферийное пространство локализации объектов

В семантике указателя «там» содержится идея неопределенности, невидимости и, как следствие, неактуальности. Следовательно, предполагаем, что «там» маркирует периферийную (неактуальную) зону восприятия объектов в пространстве.

Периферийность может определяться как **реальная**, поэтому говорящим осуществляется указание посредством «там» на физически отдаленные от него области существования предметов:

- указание на «город» в противопоставлении деревне (1,4 %): *Ее сразу в город увезли, ее там не принимают; Там в городе две племянницы; Вот теперь съездила на втором Томском, дома там новые, хороши; В тюрьме я месяц посидел, и меня тогда в лагерь перевели. Там лагерь был, на втором Томском;*

- указание на другой населенный пункт (село, город, край, область и т.д.) (24,5 %): *Восемь километров до Яру, там кедр; Там больша деревня в Варюхино; Уехала в Ипатову, там бабу нашел; На востоку мы там сфирмировались, получили пушки; Там с Яра они бегут километра четыре.*

Отметим, что «реальность» отдаленного расположения объектов является условной, поскольку указательное местоимение «там» (так же, как и «тут») не способно указывать на конкретные географические расстояния (к тому же лингвистике малоинтересны объективные дистанции, ее интересует субъективное восприятие расстояния), локусы, вошедшие в «реальную» периферию, определены, скорее, ощущениями субъекта как «чужие» объекты.

В некоторых приведенных высказываниях проявляется сема «передвижение» (например, в глаголах *увезли, съездила, попал, уехала*; в сочетании со значением «дистанционное направление»: *Восемь километров до...*), которая, вероятно, указывает на удаление объекта от говорящего.

В высказывании лексемой «там» говорящим маркируется область другого лица, объекта (12,3 %).

«Чужая» личная сфера грамматически выражается:

- формами личных местоимений «ты», «вы», «они» в родительном падеже: *Вот там у тебя есть питание – и ешь (коту); У вас там домик, ага?; Я зиму там у них проучился; Парнишки играли в бабки. Кони там у них маленькие, бабочки-ребята; У ей есь дупле. Там у ей и матрасы, и каюки; У них там круглый год как лето настанет, из Кузнецкаплыли на плотах; Там у их на мехтоку ишо повара; У них там много бричек;*

- формами существительного (обычно имени собственного) в родительном падеже: *У Коли там, гыт, везде искала на печке; Кака была там у Маруськи, так и осталась; Она пошла, там, наверное, у Любы помоемся; Ну, там молитвы много изменены в кержацкой церкви; Дак я ее раз, посолою, сегодня посолою, седня посолою, а у племянника там коптилка.*

Указание на дальность локуса, обусловленную собственно коммуникативно-когнитивными установками коммуникативного акта:

● природные или хозяйственные локусы (лес, елань, остров, луг, гора, поле) (15,2 %): *На елани, на осинничку там, везде; На острову пасут там коров; А там Куликова, где Морозовский лог; Я даже помню, как мы там были на полях; Под гору, там кедрач; Там живут околу лесу, где не могут ходить; Поговаривали, что там, где луг, раньше деревня была; А там по лугам такой дождж – невозможно! Их укапывают там по речке; Тальнишное озеро есь. Прозвали – там же тальник; Мох длинный там растет, в болоте, на своих местах; А у них была на берегу Томи на речке, там видели мост; Канавы там, к болоту; Там мелко на пляже, совсем даже, моторка и то не пройдет;*

● сельские локусы (церковь, больница, клуб, магазин, кузница) (11,6 %): *А ты не была вчера там, в клубе-то?; Где у них магазин, а там был клуб; Мы там, где травный магазин, там, где сдают травы; Зять сказал: «Иди в сумасшедший дом, дам излечат»; А потом последнее время в сельсовете работала, а там щитоводом работала; База – лошади, сбруя там; Ну, там в церкви было, как жар горело во внутри всё; Там у церкви старичок был, он и отдал икону; А раньше-то надевали в кузнице. Он мягкий там на горне кузницы; Я все около кузницы, там мастерски были, я там работал; Там по улице наш дом; Вот на той улице там дома;*

● бытовая сфера (стол, печка, прясла, сенки), усадьба (огород, сад, хозяйственные постройки) (7,3 %): *Там на столе надо мыть посуду – горюю; Она там на печке-то; А у меня коромысло там лежит в сенках-то; Там молоко стоит возле комода; А там зелена клеенка прибитая на столике-то; Там на пряслах больно скоро прясать, а руками-то тише; Где у меня чушка сидит, там и корову держали; В огороде надо сходить, картошку там проредить маленько; Укроп там, околу заплоту должен быть; Чистенько в саду там было;*

● осознание расположения объекта восприятия в других границах, отличных от границ нахождения наблюдателя («по другую сторону границы») (10 %): *Он зашел в баню, а там тетенька; Посмотри там в кладовке; Ну, когда дверь она открыла туда, в кладовку, там, говорит, в самом нижнем ящичке, там, говорит, деньги; Пойдемте в избу, там всё; Амбар, а в амбаре там закрома; Овин – там помещение большое было, жерди такие настелены.*

Осознание периферийности, отдаленности объектов может быть умозрительным, ментальным (17 %) – оно определяется ощущениями субъекта. Такое восприятие осуществляется:

● при наблюдении предметов, имеющих вертикальное расположение (выше или ниже относительно направления взгляда говорящего): *Стаканы там на шкафу стоят, мыты все; Пойдемте в погреб сходим, там картошек-то мало;*

- при наблюдении внутренней сферы расположения объектов: *Она кода там в печке пропрет, горячу воду тут кипяток наливаешь; Счас в морозилке там застыл мешок, я не знаю, как его вытащить; Туда в печь залезешь, там вовсю замазываешь; Дак пироги с грибами стряпаю, тоже порублю там в корытце;*

- локусы, актуализированные в высказывании указателем «там», имеющие отношение к телу человека, также могут ощущаться субъектом как периферийные по причине их невидимости: *Отложение солей, и, говорит, у вас этот сустав который, он весь там хрящишником как взялся, зарос, ну, надо сильно лечить; А он в больнице лежал, у его че-то в мочевом, где ли там, канале, че-то у его там заболевание было.*

Примечательно, что все эти контексты указывают на болезненные внутренние органы человека, и периферийность подобных объектов (больных частей тела) возможно интерпретировать как умозрительную, ментальную, поскольку человек, очевидно, старается «оттолкнуть» от себя неприятное – мысли о болезни.

Итак, «неактуальными» (= там) являются не видимые в момент речи фрагменты пространства, а также локусы, осознаваемые коммуникантом как находящиеся за пределами коммуникативного пространства на основании принадлежности другому лицу, группе людей и другому пространству, отличному от привычного расположения предметов.

1.8.3.3. Промежуточная сфера локализации объектов

Промежуточной зоной восприятия мира, полагаем, является «здесь-сфера».

Предполагаем, что «тут» и «здесь» не являются полными синонимами в способности указывать на предметы, явления, сферы деятельности относительно близости к субъекту.

Обратимся к лексическим значениям «тут» и «здесь», зафиксированным в Вершининском словаре: «**тут**» – «в этом месте, здесь» (*Тут ребята были, жили в клубе*), «**здесь**» – «в этом месте» (*Все родились здесь-ка*).

Основное лексическое значение местоимений совпадает – «в этом месте», следовательно, в рамках высказывания они обладают смысловой взаимозаменяемостью. Различие в оттенках значения проявляется в способе уточнения определения «тут» – через отсылку к «здесь». Таким образом, гипотетически можно предположить, что понятие «здесь» шире понятия «тут». Наблюдение за лексическим наполнением локальных компонентов, сочетающихся с «тут» и «здесь», показывает, что первое может указывать как на область ближнего внешнего мира человека (*Мы ведь тут-ка сто лет, этому дому, говорят, уж сто лет; Мы, говорит,*

убавим, *ш*тоб они (бусы) *т*уто-ка лежали на шее; Ну вот *т*ут у меня зеркало, лампадка – все старинное), так и на область, приближенную к периферийным сферам бытования предметов (*А у нас ее тут в лесах не найдешь*; *Тут в селе муж с женой – дак они каки-то высокоумны*; *Рас-тут тут на полях*; *Сколько набито тут стекла, тут-от на горке*).

Пространственный локализатор, сочетающийся с «здесь», как показывает материал, не содержит указания на внутренний мир или малый (исключительно домашний) мир говорящего. Обычно указание производится на объекты, расположенные «за пределами домашнего двора» (*Вот здесь у нас дуга рядом, а елани далеко*; *Здесь я полтора месяца скрывался в бору*; *Раньше жила вон там под горкой, а теперь здесь на горке старось провожу*; *Моточек я покупала, здесь, на комплексе продавался*; *А у нас в соседях здесь есь одна улья*; *А здесь сноха, скотина у ей здесь, огород*; *Здесь в деревне есь старушонка – здесь она всех старее*; *Четверо вот, трое здесь в Томске*).

Показателен пример, содержащий все три дейктика в пределах одного высказывания: *Здесь жила, – не тут, а у нас дом там был, на той улице*.

Представляется, что выделенные дейктические средства указывают на одну и ту же плоскость – место проживания говорящего. Диалектоноситель уточняет, что «здесь» – это не «тут», то есть не в точке нахождения его и собеседника (сужение угла зрения наблюдателя), а в населенном пункте, деревне, в которой находятся собеседники (происходит расширение угла зрения наблюдателя). Индекс «там» употреблен для указания на отдаленный в момент речи предмет (дом), который находится в селе («здесь»).

Итак, наблюдение за употреблением указательных местоимений показало, что их избирательность в речевом акте не является случайной, поскольку они способны отражать сему «спектральный охват пространства». Ширина понятия «здесь» специфична: эта лексема может «расширить» спектр восприятия мира говорящим, иначе говоря, она несет значение центробежности, тогда как лексема «тут» скорее актуализирует и идею центростремительности.

Диалектный материал показывает, что, кроме противопоставления «тут – там», в говоре обнаруживается антиномия «тут – здесь».

В работе Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» имеется замечание по поводу различий дейктических показателей *тут* / *здесь* в литературном языке (Яковлева, 1994:51). Автор ведет речь о способности указателей *тут*, *здесь* описывать реальное и инобытийное пространства в современном русском литературном языке и делает вывод, что лексема

здесь может описывать как реальную, так и инобытийную близость (ср.: *Я чувствую, что он здесь. – Я знаю: ты здесь. Ты близко*) (стихи А. Блока). Местоимение *тут* подразумевает конкретно-пространственную локализацию (*Я чувствую, что он тут*) (там же: 52).

Противопоставление реальной и инобытийной сферы не находит отражения в исследуемых указателях, тем не менее разница в семантике референтов «здесь» и «тут» в говорах проявилась в описании реального пространства.

Как показал анализ, в высказываниях с противопоставленными дейктиками «тут» и «там», «тут» и «здесь» наблюдается совпадение лексического выражения локатива в различных условиях речи. Условия речевого акта определяются положением объекта относительно наблюдателя (в рамках физических или концептуальных параметров), поэтому указание на одни и те же области бытования предметов может производиться полюсными дейктическими средствами. Сферы, обозначенные лексемами «тут», «здесь» и «там», воспринимаются говорящим как подвижные в разные моменты речи, которые могут пересекаться в различных точках, иметь промежуточную сферу.

Выбор того или иного указателя обусловлен коммуникативно-когнитивными параметрами общения.

Очевидно то, что при выборе того или иного дейктика говорящий исходит из собственных ощущений при восприятии объекта, сферы его бытования в определенный момент речи, этот факт подтверждает то, что наблюдаемые дейктические средства, будучи в высшей степени эгоцентричными, способны репрезентировать прагматическую информацию текста.

Статистические данные обнаруживают частотность указания на определенные локусы, имеющие характеристику «актуальный / неактуальный» в момент речи. Сравнительный подсчет процентных соотношений актуализации локусов в высказываниях с указателями «тут» и «там» показывает, что средние количественные показатели не имеют значительных расхождений: чередование характеристик локализации объектов посредством лексем «тут» и «там» зависит от ракурса восприятия объекта. Существенный «перевес» в количественном отношении локусов, актуализированных шифтерами «здесь», «тут», свидетельствует о регулярности их включения говорящим в сферу коммуникативного пространства.

Реконструкция пространственного образа мира неизменно обращает исследование к изучению темпоральной протяженности пространства. Пространство и время как основные формы бытия, искусственно дифференцируемые при попытке объективно описать действительность,

выступают в единстве, фиксируемом обыденным сознанием. Локально-временная координата в ориентационной системе познающего субъекта имеет языковое выражение в употреблении лексем «тут», «там».

1.8.4. Модель пространственно-временного континуума в диалектной модели восприятия пространства

Представление о времени – неотъемлемая часть проблемы восприятия в целом. Время вплетено во все сферы бытия, поэтому определенное истолкование времени входит в разные области духовной культуры: грамматику естественного языка, мифологию, философию, теологию, искусство и литературу, науку, обыденное сознание.

Внутри единой картины мира существуют разные модели времени – со своими составляющими свойствами, единицами измерения (в зависимости от области знания, в которых модель используется). Если говорить о времени человеческой жизни, то и здесь складываются свои модели, потому что «объективно существующие пространство и время, – пишет А.Я. Гуревич, – субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково» (Гуревич, 1984:44).

Учеными предлагается ряд моделей: круговая модель движения времени (Мурынов, 1978), модель качения, «колебания» (Гачев, 1987, Постовалова, 1988). Очевидно, что не существует общих оснований для классификации разнообразных моделей, – Ю.С. Степанов перечисляет 12 видов времени (Степанов, 2001).

В данной работе мы исходим из положения о том, что категория времени имеет физический, философский и другие аспекты, которым подчинен лингвистический, «первые представляют собой две стороны единого целого, а последний подчинен им, но имеет свою специфику и потому требует особого рассмотрения» (Дешериева, 1975:117).

В лингвофилософской литературе также описываются различные модели. Большинство исследователей, среди которых Б.А. Успенский, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и другие, сходятся во мнении, что существуют две главные, базисные модели циклического и линейного времени, которые и определили два вида языкового времени. Б.А. Успенский, развивая эти идеи, отмечает, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное – историческому: «космологическое сознание предполагает, что в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст. Между

тем историческое сознание предполагает линейное и необратимое время» (Успенский, 1989:32–33).

Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений (Апресян, 1995:630). С указанной точки зрения, исключительно благодарной задачей оказывается изучение дейксиса в составе лексических и грамматических значений.

Говоря о временном дейксисе, мы имеем в виду языковую интерпретацию времени действия, события относительно момента речи или какой-либо другой точки отсчета – темпоральную ориентацию обозначаемой ситуации с точки зрения субъекта.

Мы проводим различие между двумя пониманиями временного дейктического центра: **коммуникативно-речевым и системно-языковым** (Бондарко, 2001:81–82). Система временных форм в составе ее компонентов и в соотношении между ними – в самом факте существования форм прошедшего, настоящего и будущего времени – обнаруживает ориентацию на определенную точку отсчета, на дейктический центр, заключенный в построении системы. В конкретных актах речи данное отношение к грамматической точке отсчета, заключенное в рассматриваемой форме, связывается с внеязыковым моментом речи: *Он уедет* – будущее с точки зрения момента речи говорящего; *Я думал, что он уедет* – будущее по отношению к *думал*. Так, в формах типа *читал*, с одной стороны, и *буду читать* – с другой, заложено определенное категориальное дейктическое отношение к системно-грамматическому центру временной ориентации, и это отношение в конкретных речевых актах получает ту или иную реализацию, в частности, реализуется как предшествование или следование с точки зрения конкретного момента речи – для данного говорящего, в момент объективного времени.

Между системно-языковым временным дейктическим центром и внеязыковым моментом речи существует отношение взаимообусловленности. Во-первых, системно-языковой временной дейктический центр представляет собой отражение, обобщение и закрепление в языковой системе тех отношений к моменту речи, которые выступают в процессах коммуникации. Во-вторых, сложившаяся в данном языке система временных форм и других средств выражения темпоральных отношений с заключенными в них отношениями к временному дейктическому центру используется в процессах речи и служит средством пе-

редачи и восприятия отношения обозначаемых ситуаций ко времени (там же: 83). Говорящий, ориентируясь на реальный момент речи, использует те грамматические формы времени (или другие языковые средства), которые соответствуют цели высказывания.

В лингвистической науке давно стало очевидным, что членение временного континуума с помощью фиксированной точки отсчета на однолинейной морфологической парадигме *писал – пишу – буду писать* не соответствует возможностям оперирования формами глагольного времени в реальной речи. «Из того, что форма типа «он бросает» традиционно называется «настоящим временем», нельзя еще делать заключение, что это форма действительно обозначает «настоящее время», – пишет А.В. Исаченко (Исаченко, 1969:462).

Помимо глагольных форм темпоральной дейксис представлен и в соотношении других, в частности, лексических средств выражения идеи времени, типа *вчера, давно, в этот момент, теперь, тогда, завтра* и т.п. Данная обстоятельственная подсистема способна выявить ориентацию на дейктический центр, связанный с отнесенностью к «теперь».

Наша задача – выявить особенности восприятия времени диалектоносителем, которое воплощается в высказываниях с дейктическими элементами «тут», «там».

Кроме семы «пространственность» (тут – «в этом месте, здесь»; там – «в том месте, не здесь»), данные слова содержат сему «темпоральность» (тут – «в это время, тогда»; там – «в то время, тогда», «потом, затем» (см. Вершининский словарь). Такое пространственно-временное единство в филологии именуется хронотопом – понятие, взятое из естественных наук М.М. Бахтиным для обозначения существенной взаимосвязи «временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (Бахтин, 1975:234).

На первый взгляд, темпоральность в семантике указанных местоимений вторична по отношению к локальности и интерпретируется в рамках пространственной терминологии. «Пространственное восприятие мира онтологически предшествует его временному постижению», – пишет Е.С. Яковлева. Способность пространственных показателей передавать временные смыслы описывается многими исследователями (Мурьянов, 1978; Всеволодова, 1975; Скобликова, 1971; Яковлева, 1994). В работе Е.С. Яковлевой взаимобратимость пространства и времени обуславливается своеобразным переходом в другую систему координат: восприятие мира в пространственных категориях (*внешнее, априорное созерцание*) заменяется восприятием в категориях времени (*внутренним созерцанием*) (Яковлева, 1994:56–57).

Однако выраженность пространства и времени одними и теми же языковыми средствами (в частности, местоимениями «тут», «там») свидетельствует о восприятии мира говорящих на диалектном языке в рамках архаичной модели, поскольку такой тип сознания предполагает некое единство пространства и времени. Как отмечает В.Н. Топоров, «в архаической модели мира пространство не противопоставлено времени»: время может «сгущаться» и становиться формой пространства, пространство способно «заряжаться» «внутренне-интенсивными свойствами времени» (Топоров, 1983:231–232).

Временной фрагмент картины мира диалектоносителя событиями (наполняется событиями): последовательность событий образует временную сферу («время–пространство»), базирующуюся на временной оси «прошедшее – настоящее – будущее». События локализуются в некотором секторе этой сферы относительно какой-либо точки отсчета – момента речи или другой точки отсчета, к которой имеет отношение субъект.

Мысль о событийности временных периодов в науке не нова, на этот факт обращали внимание и другие (Успенский, 1989; Яковлева, 1994), «время – это длительность бытия, <...> продолжение случаев, событий», – писал В.И. Даль (цит. по: Яковлева, 1994). В современных философских интерпретациях понятия времени, в отличие от более ранних, признается существование не только абстрактного компонента, но и конкретного, первый касается существования, а второй относится к событиям, наполняющим прошедшее, настоящее и будущее, то есть к совершающимся процессам (Казарян, 2001:103).

Языковая интерпретация идеи времени определена фактором событийного наполнения, что позволяет различать восприятие времени, прожитого и проживаемого (конкретно воспринимаемого) человеком, физическое, которое исчисляется величинами из области физики, и философское (абстрактное), определяемое бытием человека. По мысли Е.С. Яковлевой, «время, свободное от событий, его заполняющих, является абстракцией, отвлечением от субъективного фактора человеческой интерпретации, оценки; именно события определяют выбор того или другого эпитета для «времени жизни» (Яковлева, 1994а:96). Время проходит под знаком тех или иных событий, и движение времени – это череда событий. Соответственно, и точка отсчета («фиксаторы времени») определяется через значимые для говорящего события (Яковлева, 1994б:74).

Г.В. Калиткина справедливо замечает, что границы временных континуумов – «прошлое», «настоящее», «будущее» – «не только нечетки, размыты, но и принципиально подвижны. Они каждый раз устанавливаются сознанием индивида в зависимости от той точки зрения, то есть

от того регистра, в котором интерпретируется окружающая действительность» (Калиткина, 1998:80).

Отношение к временному дейктическому центру по-разному реализуется в типах ситуативно актуализированной и неактуализированной речи (см.: Бондарко, 1990:116–125). Ситуативно актуализированный тип речи отличается непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи. Ситуативно неактуализированная речь выступает в тех случаях, когда нет непосредственной связи содержания высказывания с речевой ситуацией, в частности, с позицией говорящего в момент речи. Позицию говорящего в языковой форме способны актуализировать шифтеры.

В лингвистических исследованиях дейксиса выделяется абсолютная и относительная пространственная и временная ориентация (Апресян, 1996; Бондарко, 2001; Яковлева, 1994). В данной работе понятия абсолютной и относительной ориентаций используются в интерпретации А.В. Бондарко и Е.С. Яковлевой.

Данное различие зависит от того, выступает ли в роли временного дейктического центра момент речи (абсолютное время) или какой-либо иной момент (относительное время) (Бондарко, 2001:84–85). Семантика абсолютной ориентации связана с моментом речи говорящего, субъектом, которому принадлежит все высказывание. Момент, зафиксированный такими языковыми средствами (глаголами, обстоятельствами типа «тогда», «в тот день» и т.д.), которые служат показателями того исходного временного плана, по отношению к которому определяется время данного действия, – центр относительной ориентации. Так, А.В. Бондарко констатирует абсолютное употребление формы глагола в предложении *Он вернет деньги* и относительное – *Он обещал, что вернет* (там же).

Рассмотрим высказывания с элементами «тут», «там». Поскольку анализируемые единицы исследуются по одинаковым параметрам, целесообразно представлять их параллельно. Высказывания можно объединить в несколько групп, содержание которых эксплицирует временной дейксис: 1) исходный (= абсолютный) дейксис, 2) смещенный (= относительный) дейксис*.

Большая часть исследуемых высказываний демонстрирует прожитые, осмысленные говорящим события, локализованные относительно других событий в пространстве жизни, поэтому прошлое выходит на первый план, а «настоящее остается в тени» (Гурко, 2001:191). Комму-

---

* Мы используем термины «исходный», «смещенный» вместо соответствующих «абсолютный», «относительный» во избежание двусмысленности, связанной с употреблением последних в лингвистической литературе.

никантам нет необходимости указывать на известные темпоральные границы коммуникативного пространства. Этот факт объясняет немногочисленность первой группы высказываний по представленности единиц с указателем «тут» во временном значении: *Маруся Ермолаева идет. Так, гыт, болеет, а тут вон как шыгат; Посеяла сеянку и не взошла, тут уж надеяться нечего, три луковки.*

В данных случаях «тут» употребляется в качестве указания на актуальный момент речи, противопоставленный вневременному событию («болеет») и тому, что было в прошлом («посеяла», «не взошла»).

Высказывания с «там» исходного дейксиса более частотны, они содержат информацию о временном пространстве как прошлого (*Мы-то были молоды, незамужние там; Ну и вот у меня там 10 лет пропало, не зашишталось; Там пошли уже морозы, никому он не нужен был; В Иван Купала там шум шумел!*), так и предполагаемого будущего (*Сейчас не знаю, как судьба покажет, там Андрюшка учиться пойдет по своей специальности*).

Говорящий, употребляя указатель «там», направляет вектор в прошлое, исходя от момента речи, тем не менее автор стремится образно представить собеседнику картину прошлого. Это утверждение поддерживается примерами одновременного употребления в одном высказывании лексем «тут» и «там» (*Где чё там натычут, привяжут тут всяко разно*); форм глаголов настоящего времени (*На неделе все бросают всю работу. Там всё бросают на три дня*); глаголов в обобщенно-личном значении (*Четыреста лунок возьмешь, их там польешь, из ведра таскали воду*); лексикой звукообозначения (*Коля его там наругал, накричал, они бах-бах в воду!*).

Существует постоянная живая связь времени действий со временем высказывания: говорящий осознает соотношение описываемых ситуаций и момента речи. Актуальность этого соотношения и обуславливает образность прошлого: «для того чтобы прошедшие действия изображались так, словно они совершаются на глазах говорящего и адресата, необходимо, чтобы было актуально различие между «тогда» и «теперь» (Бондарко, 2001:93).

Смещённый временной дейксис обнаруживается в высказываниях о событиях прошлого. Он содержит указание на отношение обозначаемой ситуации не к моменту речи, а к иной исходной точке, в данном случае пунктом временной ориентации является не актуальное настоящее время момента речи говорящего, а момент в прошлом или будущем: *Загнут и тут ее завязывают и навешивают, там сделаны таки деревянные спицы в стену и на их навешивают* – в этом высказывании точкой отсчета, определяемой дейктиком «тут», является не момент речи, а позиция в про-

шлом после совершения действия (глагол в неопределенно-личном значении «загнут»); исходная точка для «там» может локализоваться в будущем: *Завтра выходной день, а там отпросятся на понедельник и приедут*. Вообще высказывания, содержащие информацию о будущем, крайне редки, поскольку «в отличие от уже осуществившегося прошлого и от наполненного событиями настоящего, будущее не наполнено ими и открыто для созидания» (Казарян, 2001:103). Говорящий не способен «упорядочить», ввести в свою картину мира то, что не существует.

Рассмотрим следующие тексты: *Из церкви домой. Тут начинался пир на весь мир; Получше жить стали, а тутотка колхоз; Все орет: «Мама, я на К-700 буду работать», – а тут в пастухи ударил; В огороде сажала, хлеб жала серпом, а тут постариться стала, домовничала дома; У нас была просто помпа, воду поднимала, а тут пошли моторчики, спустили туда, на дно; Уже всех передали нас в колхоз-то, до шестидесятого, а тут совхоз организовался; Мы подросли, нам стало по семнадцать да по восемнадцать, тут мы уже в полной силе стали работать*.

Приведенные высказывания обозначают ситуацию, при которой в полной мере сохраняется осознание соотношения «сейчас – тогда» (на это указывают глаголы в форме прошедшего времени). Временное пространство прошлого разделяется на событийные отрезки, один из которых является актуальным для автора, поэтому маркируется указателем «тут». Временная сфера членится на неактуальное прошедшее и актуальное прошедшее, языковое выражение последнего попадает в фокус внимания, таким образом фиксируется интерес собеседника на важном для говорящего временном отрезке.

Наблюдается вариант ситуаций, при котором говорящий как бы переносится в прошлое и с этой точки зрения («я тогда») представляет действия так, как будто он переживает, наблюдает то, что происходит сейчас (при этом говорящий не перестает осознавать с точки зрения «я теперь», что речь идет о прошлом): *Я прихожу, чё, я дверь открываю и тут это все давай на улицу таскать; Раз говорила мне, что, гыт, собака твоя. А тут я говорю: «Поймат кого-нибудь, укусит»; А тут кричат: «Збирайся, збирайся, рабочий народ!»; Вышла замуж. Ну чё мне? Когда тут уж 20 лет, кого напоёшь; Тут зелена трава пошла, он это... одыбался; А жeníшына шла, и лежит тут змеиный вытолзок*.

Несмотря на то, что содержание высказываний наполнено описанием событий прошлого, говорящий образно представляет прошедшие действия так, как будто они осуществляются сейчас, в момент речи, как бы «прокручивая киноленту», указывает на значимые «кадры» из своей жизни. Актуальное для говорящего отношение времени обозначаемой

ситуации к времени речи привносит в высказывание компонент субъективного речевого смысла, при котором существенно выражение перцептивности и личного отношения к сообщаемому (налицо проявление категории персуазивности). Указание на ситуации непосредственного (чувственного) восприятия осуществляют глаголы настоящего времени («завязывают», «прихожу», «открываю», «говорю», «кричат», «лежит»), лексика цветообозначения («зелена»), отсутствие сказуемых-глаголов с целью актуализации характеристики субъекта («тут уж 20 лет»).

В высказываниях с указателем «там» выявляется способ восприятия событийных отрезков, при котором говорящий занимает позицию наблюдения на «временной карте жизни» в прошлом в качестве проводника, ориентирующего собеседника во временных локусах: *Она приложила, а там запах-то пошел, она нанюхалась – помешалась умом; Единично пожил ешио до тридцать первого году, а там колхоз; С тридцатого года, а там в совхоз перешел; Вот у меня, вот – колхоз, вот колхоз, там дальше, с шестидесятого пошел совхоз; А когда на пятый подали заявление, а им там скоро дали квартиру.*

Содержание сегмента высказывания с элементом «там» находится в позиции ремы и несет новую информацию с позиции субъекта в прошлом: говорящий заново воспринимает пережитое и предлагает собеседнику занять ту же позицию наблюдения. Автор направляет вектор в прошлое относительно момента речи и далее ведет отсчет времени, исходя от «известного», прожитого на тот момент (в прошлом), к новому, в будущее, определяемое «там».

Рассмотрим следующие примеры: *Если бы мало было техники, там бы не устоять было; А если их пришлют нам заграничных, там совсем не поймешь, как его зовут [виды тканей]; Если бы выбирали декабрь, дак еще бы ладно, там уж мы на ремонте, ремонтировали.*

Данные высказывания демонстрируют случаи отсутствия прикрепления события к реальному временному пространству. Такую интерпретацию времени обозначим как условное, которое противопоставлено реальному на основании определения связи с реальностью событий, моделируемых автором. Если реальная темпоральная сфера образует временную ось «прошедшее – настоящее – будущее», на которой говорящий обозначает точку отсчета и относительно нее локализует события, то условная темпоральная сфера представлена с реальной сопредельно, умозрительно; в этом случае не обнаруживается временная ось (иными словами, отсутствует протяженность (= последовательность событий, действий) (см. об инобытии пространства: Яковлева, 1994:49–52).

Несущественность временной локализации определяется формами глаголов в неопределенно-личном значении («пришлют»), условного

наклонения («выбирали бы»), а также союзом «если» («ежели»), выступающим в значении «когда», соотносящимся с актуализатором «там». В синонимичной паре «если» = «когда» проявляется смысл условного (ирреального) времени. Кроме того, темпоральное инобытие не эксплицирует точку отсчета относительно какого-либо реального момента. Воображаемое время-пространство, обозначенное «там», можно характеризовать как функциональное небытие, сопоставимое с исключением событий из коммуникативного пространства участников речевого акта.

Условный временной момент может быть актуализирован местоимением «тут»: *Это бы раньше такой человек прошел – я не знаю, тут бы, наверно, вся деревня... собаки бы поднялись на него.* Содержание такого сегмента отличается большей наглядностью, презентабельностью в момент речи, автор как бы переносит воображаемую ситуацию в реальное настоящее, ситуативно актуализирует момент речи.

В речи жителей села возможно моделирование ситуации, в которой представлено соотношение следующих временных планов: настоящий момент (момент речи), вневременное настоящее и будущее относительно вневременного настоящего: *Скажешь и тут же забудешь; Один ежели возьмется, тут и другой пособлят; До году может быть теленок, а дальше нетелушка, маленька нетелушечка, а там уже нетель; После растела в раздой идут, там уже смесью кормят; Потом она после этого, наверно, кашу подает. А там опять каки-нибудь то морковницу, то ешо чё-нибудь; Потом ведь там, когда невесту берут, поют эти вот женщины песни таки – ну вот это – свадьбишны; А когда берут эту саму девушку-то, там косу выкупают.*

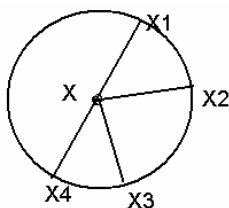
С точки зрения момента речи, вневременное настоящее не фиксируется на конкретном отрезке времени, оно несет семантику повторяемости, обычности. Обычность всегда указывает на перспективу аналогичных повторений (реальные повторения плюс возможные), что определяет ту или иную меру типичности для какого-то периода в прошлом, для широкого временного плана, охватывающего прошлое и настоящее. Предполагаем, что в высказываниях, передающих вневременное значение, выявляется суть циклического времени, которое связано с идеей природных циклов, «повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия» (Яковлева, 1994:100–101) или с типичностью фактов для данной культуры: в сельской среде сохранены обрядовые действия, связанные с важными жизненными событиями (свадьбой, рождением, похоронами и др.); крестьянское сознание фиксирует функциональные действия, состояния, являющиеся значимыми в хозяйственной деятельности (уход за животными).

Наблюдается и совмещение временных пластов, при котором обычность ситуации представляется собеседнику предельно наглядно: *От девушки, невеста уж сидит, а уж там начинают петь*. Чувственное восприятие события проявляется в речи указательной частицей «от», глаголами в форме настоящего в значении вневременного.

Основа обычности (узуальности) – это обобщение опыта говорящего или представляемой им группы людей (Бондарко, 2001:182).

Таким образом, время и пространство в диалектном социуме выступают единой категорией. Временной отрезок вычленяется из «времени жизни» в том случае, если он заполнен событиями, переживается человеком (ср.: пространство по Лейбницу, которое «читается» человеком по заполненным объектам, где отсутствует «пустое» пространство). Время – это пространство жизни, участки которого могут восприниматься человеком как близкие, так и далекие. Когнитивные установки говорящего в условиях речевого акта определяют выбор языкового средства, позволяющего демонстрировать особенности восприятия тех или иных событий во времени.

Поскольку дейктики «тут», «там», как отмечалось выше, – элементы, коммуникативно обусловленные, в построении когнитивно-интерпретационной модели темпорального континуума становятся релевантными коммуникативные функции этих указателей. Традиционно выделяемые в семиотических исследованиях модели времени (линейная $(X1-X-X4)$, циклическая $(X1-X2...-X1)$ (см. схему, где X – точка отсчета «здесь-сейчас», $X1,2... –$ смещенная точка отсчета) актуализируются косвенным путем.

Думаем, что такой тип модели времени можно назвать **релятивным**, при котором значимыми являются точка отсчета – X , $X1$, $X2...$ (не всегда совпадающая с точкой «здесь-сейчас») и происшествия, прожитые субъектом или (реже) прогнозируемые им. При этом из пространства времени выделяются только важные, с точки зрения говорящего, события.

Разнонаправленность и обратимость временного пространства человека крестьянской культуры – свойства, позволяющие, как представляется, сохранять память о жизни предыдущего поколения, осознавать связь между людьми разных времен отдельного социума.

Основное местоименно-наречное значение лексемы «там», противоположенное значению «здесь / тут», – это **«не здесь», «не теперь»** (иначе – «не в моем сознании») (см.: Пеньковский, 2004:42). Такое значение можно интерпретировать как отсылку в другие локусы, в другое время, в другие культурные и ценностные миры, противопоставленные миру «я–здесь / тут–сейчас» в геоцентрическом, темпоральном, культурном, аксиологическом и в других отношениях.

Так, соотношение семантики лексем «тут» и «там» порождает один из известных фундаментальных семиотических принципов – членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы–они», «этот–тот», «здесь–там», «близко–далеко» и подобных.

1.8.5. Экспликация категории «чуждости» в пространственной модели мира носителей диалекта (анализ семантики лексемы «там»)

По мысли Ю.С. Степанова, «свой» и «чужие» – это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мышления» (Степанов, 2001:126).

О категориальной основе эксплицируемой в языке оппозиции «свой – чужой» исследователи пишут с явной осторожностью, вероятно, по причине еще недостаточно глубокой изученности языковых проявлений криптотипа «свойственности / чуждости».

А.Б. Пеньковский выдвигает предположение, что рассматриваемый семиотический принцип отражается и в языке – в его системе, категориях и механизмах. Исследователь предлагает гипотезу о существовании семантической категории «чуждости», которая сопрягается с категорией отрицательной оценки («чужое – плохое») и имеет специальные средства языкового выражения (Пеньковский, 1989:54–55).

Разумеется, наше исследование – лишь один из необходимых шагов в этом аспекте, направленном на рассмотрение глобальной функционально-семантической проблемы на предельно ограниченном языковом материале.

Мы предполагаем, что существует семантическая категория «чуждости», которая эксплицируется в различных модусных смыслах диалектных контекстов с лексемой «там».

Исследуемый нами диалектный материал представлен маркером «чуждости» автономно и в сочетании с другими словоформами.

Семантическим центром слова «там» является значение «отчуждения», обеспечивающее «чистоту» семантики «чуждости». Отчуждение обуславливает контекстные приращения – обобщение, приблизительность, неодобрение, сомнение, пренебрежение и т.д.

Отчуждение может проявляться по разным основаниям: другой мир, другое время, пренебрежение, неопределенность, неизвестность, негативная оценка, отрицание и другое. Иногда эти признаки выступают не в «чистом» виде – негативная оценка, неопределенность могут порождать пейоратив (пренебрежение). Поскольку главной фигурой выражения оценки является говорящий, то лингвоцентрическое направление изучения субъективной модальности осложняется социолингвистическим контекстом, требующим обращения к речевой ситуации.

«Там» в значении частицы передает указание на неличное, чужое пространство, которое представляет:

- реальный локус (хозяйство, дом, человек и т.д.): 1) *У тебя нету там ничё выпить?; Я пошла к Гуте. Ну, Гутя там чай согрела; У тебя, Кать, сколь пирогов в руках там?; Тоже она у вас работает, я не знаю кто; Может, у нас не так скажут, а там по-другому;* 2) *«Пойдем к тете Нюре ходим!» А мне неохота: ково там делать; Моют её (собаку), и Катя ходит с ей гулят там – ой! Вы там не усаживайтесь, а давайте надевайте фартуки и давайте стряпать;*

- ментальный мир (внутреннее, душевное состояние другого человека, его возраст): 1) *Пойдем, Аня, как она там чувствуют (себя); Вот она только уволилась нынче зимой (на пенсию). Там писят пять;* 2) *Чё ему там, еще холостой пока.*

«Чужое» пространство представляется нейтрально (в противопоставлении «своему») (примеры 1) и в коннотативном оформлении (с сопутствующим значением) (примеры 2). Например, указание на реальный или ментальный локус может сопровождаться эмоциональной окраской («не хочу идти туда, потому что там скучно», или «ухаживать за животным, как за человеком, – это воспринимается сельским человеком с непониманием, поэтому осуждается», или «можно снисходительно относиться к холостому мужчине, потому что большая ответственность будет у женатого человека»).

«Чужое» выявляется на фоне «своего» мира, где господствуют законы, хорошие установления и порядок. «Концепты «Свои» и «Мир (покой, порядок)» в исходной точке совпадают. Конечной точкой развития концепта «Свои» по этой линии будет концепт «Мир – Вселенная,

хорошо устроенный мир – космос», – пишет Ю.С. Степанов (Степанов, 2001:138).

Высказывания со словом «там» в значении «тогда», «в то время», то есть «не сейчас – значит не здесь», реализуют представление о времени как о пространстве: *Ну все равно мне было там 20 лет; Мы-то были малы, незамужние там; Сосед позвал в кумовья, там крестили детей.*

В момент говорения определяются границы коммуникативного пространства, и в случае неполного «погружения» коммуникантов в ситуации, прожитые до момента речепроизводства, прошлая жизнь рассказчика осознается в данной ситуации как необратимая во времени и в пространстве, поскольку молодые годы не вернуть, дети выросли и т.п. Лексема «там» в данном случае «работает» для собеседника: субъект намеренно выражает идею «чуждости», противопоставляя прошлое (свое пространство) и настоящее (общее с собеседником пространство). Таким образом проявляются не только правила речевого этикета, но и особенности восприятия временных отрезков и собственного «я»: человек представляет его как бы «расщепленным» – «я-сейчас» в рамках коммуникативного пространства и «я-тогда» в другом, уже чужом пространстве. Отчуждение от происходившего способствует отстраненной (объективной) демонстрации картин прошлого.

Лексико-семантическая категория «чуждости» пересекается с семантическими категориями персуазивности и неопределенности.

Значение персуазивности основывается на оценке информации автором высказывания с точки зрения степени ее достоверности. Утверждение Т.А. Демешкиной о том, что «квалификация информации как чужой в большинстве случаев автоматически влечет за собой сомнение в ее достоверности» (Демешкина, 2000:112–113), можно рассмотреть с другой точки зрения: неуверенность в достоверности сообщения (например, по причине опосредованного способа его получения), незнание предмета или неполное знание о нем, порождающее неопределенность, ведет к квалификации информации как чужой.

Языковая экспликация отчуждения осуществляется посредством самостоятельного указателя «там» и сочетаний «там + чё ли (цё ли)», «там + чё-то», «какой-то + там», «вроде + там», «там + где-то», «там + не знаю»: *То ли там попы хозяйничали, то ли чё ли, я не знаю; По-славянски ли цё ли там (читают над покойником); Наверно, чё, много там мыла ли чё ли; Я слышу, чё-то там собаки лают; Боронили, боронили, тятя там чё-то делал, не знаю; Не знаю, кем она работала, в профилактории там чё-то, не знаю; Колыванов там ставил корчажки ли чё ли; В сорок пятом, однако, Япония там чё-то; Шчас там какой-то ремонт, чё ли там; Взяли и пропал где-то там; Она как вроде приветли-*

ла там как уж их, не знаю; Там где-то какой-то городок; Чьи они там были, каки они там были (тарелки)?

Дейктик «там» вносит в нейтральный контекст семантику нарочитой небрежности, связанной с намеренным отстранением в ментальном пространстве неприятного сообщения (например, информации о болезни), или сферы неизвестных говорящему имен: *Так-то вроде, это само, не интересуешься, и не знаешь, котора там стриж; И так просил этот – вот тут-то живет – Михаил ли как его там; Не знаю, у Пашки там инвалидность или чё; А он в больнице лежал, у его чё-то в мочевом, чё ли там канале, чё-то у его там заболевание было; Щас-то в больнице её (рожу) лечат, а тогда не лечили, там резали-резали-отрезали (ногу).*

Коннотативное значение «там» может содержать субъективную оценку, которая согласуется с тем же значением рематического центра: *А с однем проездила все имушиество, она там голенька приехала; А у ей муж был, она давай крутить с однем там парнем; Девка кака хороша-то была. А потом за её каку-то подобрал там толсту.*

Основное сообщение сопровождается негативной оценкой человеческих поступков, не укладывающихся в традиционные (= правильные) представления об устройстве личной жизни в данном коллективе. Отрицательно оцениваются действия людей, которые не хранят собственное достоинство, верность супругу, непостоянны в отношениях с другими людьми и т.п. Отстранение, порожденное негативным отношением к предмету и выражаемое в речи знаком «там», сопровождается словоформой «один» (вариант: «какой-то») в значении «неопределенный, малозначительный», что способствует, полагаем, усилению степени невысокой оценки.

Т.В. Маркелова пишет о врожденности оценочного смысла, зафиксированного в психической сфере личности положительных и отрицательных эмоций в различных оппозициях-номинациях, «формирующих бессознательное и сознательное отношение к действительности, мотивирующих поступки, ориентирующих «добро» и «зло» на выработку социальной природой общественного устройства «шкалу оценок», оценочный стереотип, существующий в сознании говорящего» (Маркелова, 1995:67).

А.Б. Пеньковский обращает внимание на особую функциональную нагрузку указателя «там» в сочинительном ряду однородных членов в примерах типа: *В книжках пишут: весна, птицы поют, солнце заходит, а что тут приятного? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтоб людей послушать <...>, а эти там соловьи или цветочки – бог с ними (А. Чехов. Убийство)»* (подчеркнуто нами. – Н.К.) (Пеньковский, 1989:80).

Исследователь предполагает, что «чужим» и потому отрицательно оцениваемым и отвергаемым оказывается во многих случаях не сам «чужой» мир, а его противоречащее стандартному о нем представлению внутреннее разнообразие.

Считаем, что в данном случае указатель «там» выполняет функцию обобщения (генерализации) для слов однородного ряда.

За счет генерализации, выражаемой лексемой «там», объект исключается из коммуникативного пространства, из своего культурного, ценностного мира. Обобщение может доводиться говорящим до предела, в этом случае объект интерпретируется не только как другой, чужой, но и как «чужой, поэтому плохой».

Обобщение становится основой для семантики отчуждения в «числом» виде, когда отрицательная экспрессия сведена к минимуму или вообще отсутствует, но семантика отторжения, тем не менее, присутствует, вероятно, из-за наличия идеи неопределенности и / или незначительности факта – то, что не стоит внимания («не в моем внимании»): *Вот по цене это там Болгария, Чехословакия или кто нам придет, те цены разны; Только рыба на эти на поминки, ну там пироги сладкие; Купить чё-нибудь там, ситчик куплю; Говорю, пойду посмотрю чё-нибудь там на подарочек; Насос надо там какой-то, а где его взять? Где чё там натычут, привяжут всяко разны; придет, принесет мне варенья или там... ну, чё-нибудь принесут.*

Обобщение может сопровождаться безразличным отношением к предмету: *Ну, парень да и парень, а чё там, и не узнашь, чтоб прям это само; И там ешо чё-то, каки-то эти, как их, витамины; Где она работала? Каким-то этим, инженер-плановик ли кто ли она была там.*

В приведенных высказываниях «там» выражает безразличие и / или незначительность, эксплицирующиеся в сочетании с местоимениями «чё-то», «чё», «каки-то», «ли кто ли».

Незначительность может выражаться и знаком «там» в сочетании со словом «всякий» и / или формой множественного числа существительного (ср. конструкции с определителем «всякий» и противопоставление по числу в литературной речи: Пеньковский, 1989:55–69): *Кажна музыка-то на этой накручена там всяка разна, а танец один и тот же; Ельцы там, всяко, хорошей рыбы не было.*

Говорящий стремится передать пресуппозитивную информацию: «музыки слишком много, а танцы однообразны – это плохо», «есть рыба елец (мелкая рыба) и другая подобная ей рыба – и это незначительный факт, а хорошей (= крупной) нет».

Исключительно высокий уровень обобщения ведет к однородности предметов «чужого» мира и отказу от выделения их отличительных

признаков. «Если «свой» мир – это мир, познанный и познаваемый, открывающийся познающему «своему» через выделение из общего и единого отличительных признаков отдельных дискретных объектов, то «чужой» мир – это мир неведомый и незнаемый, более того, это мир, который и не следует знать» (Пеньковский, 2004:22).

Частица «там» регулярно передает значение приблизительности (Пигрова, 2000:142). Ей свойственно значение «и так далее», «это и подобное»: *Каки вилы бывают... Там чашеобразные, ваннообразные, козьи вилы называцца; Специально там десяточек яичек, сколько-то масло там кладут; Называли трешиотка. Ага. Коней запрягут, два там или ишо парочкой запрягут коней; Кастрюлья поставят варенье или ведро там, а раньше горшки были; Лошадей пять едут, чтоб от них гостей везти первых, там родителей, приданое, там уже поезд идет; Ну, не скажешь, что там было пять ли сколь коров, на моёй памяти две-три было.*

Генерализующий принцип функционирования частицы «там» порождает значение «к примеру, например», «на выбор»: *В други праздники, там Троица, например, в Яру там Рождество или там Крещенье; Ну, такого ничё (в приданое), чтоб скот там, а только из одежды; Ну раз огонь зажегся у там вот Сидоровых, у Ивановых ли, всё, наверно, у них сваты; И вот это... расплетают, ну, там матери или там, ну, хто, родственники плачут, причитают; Клевушину там ли, баню ли, ли каво ли – всё из лесу строили; Свадебный поезд едет, перед ним ворота заламывают, выкуп просят. Самогон там или водки.*

Распространены в говоре следующие комбинации: частица «там» в сочетании с местоимениями и наречиями «какой» («каки», «кака»), «сколько», «где», «что» («чё»), «ково»: *Каки там учителя были! Я так крепко всё посылки слала – и мясо, и сало, и варенье. Кака там стипешка! Кака там деревня, там мало домов; Сколько там огурцов продажи было! А там чё: нажимай на рычаг (о тракторе); Поросят за жаривали. Возни много. Ну, и сейчас делают, конечно, чё там говорить; Ну а где там – стрежишиша такая!*

Эти комбинации, полагаем, являются устойчивыми сочетаниями, «фразеологическими построениями» (термин Н.Ю. Шведовой) (Шведова, 1960:10). В их основе лежит определенная модель, специфика которой состоит в ограниченной возможности наполнения одного из составляющих элементов или во фразеологическом характере самой этой модели, которая используется для выражения дискредитации объекта наблюдения, мысли, оценки как элементов «чужого» мира за счет семантики «отрицания чего-либо, возражения на что-либо, указания на невозможность чего-либо, на недостаточность, незначительность какого-

либо факта, действия, признака», сопровождаемой эмоционально-экспрессивным компонентом в значении. Например, сочетания «какой там», «сколько там» употребляются для указания на недостаточность: *А **кака там** пенсия-то была колхозная?* (= маленькая пенсия – это плохо), ***Сколько** огурцов-то **там**, господи!* (= мало огурцов – не стоит внимания); незначительность, невысокую оценку: *Ну, **какой там** квасок? Пресноватый* (= плохой квас); «чѐ там», «какой там», «где там» – для усиления эмоционального отрицания обычно на вопрос собеседника: ***Кака там** ягода! Вся погорела* (= нет ягоды – это плохо); *Раз упиват, дак **чѐ там** хорошего?* (= употреблять спиртное – это плохо).

Таким образом, анализ семантики лексемы «там» показывает, что специфика этого знака заключается в привлечении внимания к пресуппозитивному уровню общения, который в большинстве случаев детерминирован субъективным компонентом. Исследование субъективной модальности позволяет понять механизм речемыслительной деятельности человека в процессе языкового миромоделирования.

Маркер «там», указывая на «чужеземные» сферы сознания и культуры, выполняет собственно коммуникативную и коммуникативно-оценочную функции.

Собственно коммуникативная функция реализуется в высказываниях, в которых «отчуждение» проявляется в «чистом» виде, когда говорящий, используя этикетные правила общения, определяет начало некоммуникативного пространства. Реализация коммуникативно-оценочной функции переводит нейтральный контекст в экспрессивно-оценочный план дискредитирующего характера. «Отчуждение» производится по принципам: «плохой, поэтому чужой», «чужой, поэтому плохой», «неизвестный (неопределенный), поэтому чужой».

Границы «своего» пространства определяются как известные, детальные, отражающие привычный, традиционный образ жизни. Соответственно, «чужое» характеризуется отношением к «не своему», «далекому», «странному / необычному». Генерализующий контекст выводит предмет мысли в зону обезличивания его индивидуальных признаков: «не знаю, не хочу знать, не стоит внимания».

Выводы

Итак, отметим еще раз основные особенности диалектного миромоделирования, выраженные в местоименных словах-категоризаторах «здесь», «тут», «там».

1. Лексемы «здесь», «тут», «там», как коммуникативно обусловленные единицы, репрезентируют концепт «пространство» в функциональном ракурсе, в дискурсе. Их основное назначение – служить механизмом ориентирования человека в коммуникативном пространстве.

Восприятие мира человеком происходит посредством пространственных категорий. Мир познается функционально, эмоционально, человек как бы «пропускает через себя» реальность, категоризируя мир в бинарных оппозициях: «я / не я» и далее – «хорошо / плохо», «свой / чужой», «далеко / близко», «здесь / там» и т.д.

2. Речевое действие невозможно вне связи с дейктическими (пространственно-временными) координатами, оно занимает определенное место в коммуникативном пространстве – некой подвижной ментальной сфере, образуемой в сознании коммуникантов в момент речи. Ее границы определяются особенностями социальной и речевой культуры диалектоносителей, характеризующейся существованием единой информационной базы коммуникантов или установлением этого единства в момент речи, наличием связи тематики общения, речевых жанров, способов подачи сообщения в соответствии с географическими, социальными, темпоральными рамками.

Коммуникативное пространство диалектоносителей характеризуется эгоцентричностью, цельностью, свойствами фокусирования мысли в пространственно-временных координатах. В процессе общения мысль говорящего может перемещаться по осям «здесь – там», «прошлое – настоящее – будущее», поэтому для большей «осязаемости» и определенности коммуникант создает границы единого с собеседником пространства.

Спецификой коммуникативного пространства детерминировано употребление лексем «здесь», «тут», «там» в живой речи.

3. В высшей степени эгоцентричные исследуемые лексемы способны актуализировать наиболее значимые в прагматическом аспекте свойства коммуникации: точку зрения говорящего, учет фактора адресата, условий общения.

Вербализованный мир выстраивается в модели с позиции говорящего. На эту позицию влияет множество факторов, как собственно языковых, так и неязыковых: культурных, социальных, психологических, этикетных и др. От точки отсчета, характеризующей «я» говорящего, начинается членение перцептуального пространства на оппозиционные сферы «я» – «не-я», что позволяет конституировать значимые / незначимые для субъекта признаки и свойства реальности. Этот факт обусловил когнитивный подход к исследованию дейктической природы знаков – изучению способов категоризации мира, способов его познания субъектом.

4. Говорящий, осваивая мир, мыслит себя в его центре. Пространство, помеченное лексемой «тут», характеризуется привычным расположением, известностью, следовательно, свойственностью. Оно присваивается коммуникантом в момент речевого акта и становится для него «своим» в коммуникативно-когнитивном понимании. Фрагмент мира, отмеченный знаком «там», указывает на объекты, выведенные за пределы коммуникативного пространства по причине неосвоенности, неизвестности сферы их расположения, нетипичной локации, невидимости на момент речи.

Исследование дейктических знаков в аспекте пространственной категории теории антропоцентризма – «точка зрения» – выявило, что позиция говорящего в высказывании демонстрирует связь с категорией персуазивности: коммуникант чувствует ответственность за достоверность знания о предмете, который в процессе общения вводится в коммуникативное пространство или выводится за его пределы самим автором высказывания в тех случаях, если сообщение о предмете речи основано на неполном его знании, на чужом опыте и т.п.

5. Пространственные дейктики способны репрезентировать геоцентрический параметр «поле зрения» (охват местности), который реализован в лексическом выражении локатива, актуализируемого в высказывании лексемами «здесь», «тут» и «там». Языковой материал отразил три коммуникативно обусловленные зоны осмысленного пространства: актуальную, периферийную, промежуточную. Выявляемый в условиях коммуникации визуальный охват пространства не имеет стабильных границ, они зависимы от когнитивных особенностей восприятия ситуации коммуникантами.

6. Лексемы «тут» («здесь»), «там» обнаруживают семантическое единство категорий пространства и времени. Анализ диалектных высказываний выявил релятивный характер языковой модели времени: жизненные события локализуются относительно момента речи или других важных, по мнению говорящего, событий. При указании на происшествие в прошлом коммуникант определяет их включение / невключение в рамки коммуникативного пространства. При осознании коммуникативной близости события говорящий стремится к максимальной наглядности и «осязаемости» его характеристик в момент речи.

7. Механизм речевого миромоделирования посредством единицы «там», исследованного в аксиологическом плане, обнаружил пространственный спектр эмоциональных, персуазивных, темпоральных и других отношений. Анализ лексемы «там» выявил связь категории «чуждости» с категориями неопределенности, модальности, персуазивности.

Указатель «там» выступает в роли пресуппозитивного знака, несущего субъективно-модальную информацию, которая определяется коммуникативно-когнитивной интенцией говорящего, детерминированной особенностями восприятия объекта, нормами бытия языковой личности или языкового коллектива.

Анализ пространственного дейктика «там» показал его коммуникативную и оценочно-коммуникативную функцию: посредством этой лексемы говорящий определяет начало границ некоммуникативного пространства, а также вводит в высказывание экспрессивно-оценочный план дискредитирующего характера.

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Баранов А.Н. Заметки о «дескать» и «мол» // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.

Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995.

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1989.

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века // О России и русской философской культуре. – М., 1990.

Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Бондарко А.В. Определенность / неопределенность. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность. Неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 232–278.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 260 с.

Бородина М.А. Пространство, территория, зона и ареал как лингвогеографические и ареалогические термины // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2.

Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. – Барнаул, 2001.

Воротников Ю.Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 42–48.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.

Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. – М.: Языки пространств, 2000.

- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1997.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
- Гурко Е.Н. Время // Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 191–194.
- Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
- Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 111–118.
- Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. – Братислава, 1969. – Ч. 2.
- Калиткина Г.В. Локализация в континууме *прошлого* в Вершининском говоре // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Матер. Всерос. конф. «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии». – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – С. 79–89.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук; Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992.
- Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // ИРАН СЛЯ. – 1993. – Т. 52. – № 3. – С. 45–56.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.
- Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000.
- Курикова Н.В. Восприятие пространства и способы его экспликации в диалектном тексте // Язык и культура: Матер. XIII Междунар. науч. конф. (28 июня – 2 июля 2004, г. Киев). – Киев, 2004. – Вып. 7. – Т. 4., ч. 1.
- Курикова Н.В. Категория определенности/неопределенности и местоименные слова «здесь», «тут», «там» // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Матер. Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 апреля 2005 / ВолГУ. – Волгоград, 2005.
- Курикова Н.В. Функциональная характеристика дейктических средств в диалектном высказывании // Филология в XX веке: проблемы и методы исследования: Матер. науч. конф. «Пушкинские чтения» (6 июня 2004 г.). – СПб.: Сага, 2004.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1991.
- Лотман Ю.М. Семiotика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин, 1973.
- Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969.
- Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М., 1982.
- Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–79.
- Матвеева Т.В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. – Саратов: Изд-во УНЦ «Колледж», 1997.

- Моисеева Н.В.* Глаголы восприятия в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 6.
- Мурьянов М.Ф.* Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.
- Орлова Н.В.* Наивная этика: лингвистические модели. – Омск, 2005.
- Пеньковский А.Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1989. – С. 54–82.
- Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.
- Пигрова Е.К.* О метаязыковых маркерах в устной спонтанной речи // Язык. Человек. Картина мира: Матер. Всерос. науч. конф. / Под ред. М.П. Одинцовой. – Ч. 1. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 140–143.
- Позднякова Е.Ю.* Языковое пространство Барнаула (на материале лексики) // Язык и культура Алтай: Матер. и исследования 2003: Сб. ст., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой / Под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 81–86.
- Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике). – Томск, 1988.
- Резанова З.И., Мешанкина Н.А., Катунин Д.А.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. – Воронеж, 2003. – Ч. 1.
- Скребцова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000.
- Слюсарева Н.А.* Методологический аспект понятия «функция языка» // ИАН СЛЯ. – 1979. – Т. 38, № 2.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1988.
- Тарасенко Ф.П.* Прикладной системный анализ (Наука и искусство решения проблем): Учебник. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 186 с.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
- Топоров В.Н.* Растения // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т. 2.
- Урысон Е.В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4.
- Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2.
- Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья первая // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1988. – Т. XXII, вып. 831. – С. 66–84.
- Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1989. – Т. XXIII, вып. 855. – С. 18–38.
- Чаадаев П.Я.* Философические письма // Россия глазами русского. – СПб., 1991.
- Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2005.
- Шарифуллин Б.Я.* Языковое пространство русской Приенисейской Сибири // Ежегодник регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 58–65.
- Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
- Шелякин М.А.* Язык и человек (к проблеме мотивированности языковой системы) // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 2002.
- Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис (текст лекций). – Красноярск, 1988.
- Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Прогресс, 1972.

Яковлева Е.С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

Глава 2. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «ГЛАЗ», «УХО», «НОС»)

2.1. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

В современной лингвистике сложилось три подхода к моделированию ФЕ: структурно-семантический, концептуальный и идеографический. Структурно-семантический и идеографический подходы сближаются на том основании, что в них преобладают описательные установки над установками объяснительными. Концептуальный анализ ФЕ характеризуется привлечением разного рода экстралингвистических знаний при изучении семантики ФЕ. Методы, лежащие в основе трех подходов, позволяют выявить принципы языковой репрезентации фрагментов мира.

Концептуальный подход к изучению фразеологических единиц (ФЕ) сформировался в рамках интегративного анализа языка (Добровольский, 1996; Телия, 1996; Маслова, 2001; Козеренко, 2003 и др.).

В лингвистических исследованиях интегративная тенденция выражается в повороте от лингвоцентрической установки к антропоцентрической, рассматривающей язык как систему, составляющую органическую часть человеческого сознания, культуры. При исследовании языковых структур физическая природа мыслящего существа и способ его функционирования в среде обитания имеют огромное значение для изучения человеческого мышления. Поворот к антропоцентрической установке намечился в парадигмах когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Фразеологические единицы представляют интерес в аспекте изучения системности осмысления человеком мира. Особого внимания заслуживают соматические ФЕ русского и английского языков с наименованиями органов восприятия, поскольку образы таких фразеологизмов восходят к первичным впечатлениям человека о мире.

Данная работа выполнена в рамках концептуального подхода и является когнитивным исследованием ФЕ с семантикой зрительного, слухового и обонятельного восприятия. Исследование направлено на выяв-

ление и описание когнитивной модели восприятия, являющейся инвариантной и в то же время характеризующейся спецификой, диктуемой особенностями мировосприятия носителей языков.

Отражаемый в языке определенный способ концептуализации мира складывается в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию. ФЕ с наименованиями органов восприятия не просто описывают мир, но и интерпретируют его, оценивают и выражают субъективное отношение. В результате такой интерпретации вычленяется *модель восприятия* – типовая схема, отражающая принципы языковой репрезентации различных фрагментов действительности на основе представлений об органах перцепции. Такая модель отражает закономерности человеческого мышления, специфику национального мировидения. При этом под *моделированием* понимается процесс выявления и описания типовой схемы, закономерностей осмысления ситуации восприятия, отраженной в семантике фразеологизмов.

В исследовании использованы результаты психолингвистического эксперимента. Психолингвистический эксперимент соответствует установкам когнитивной лингвистики на объяснение языковых фактов. Проведение эксперимента обуславливается необходимостью изучить то, как перцептивное восприятие представлено в сознании современных носителей языка, выявить архетипические представления информантов о мире.

При построении когнитивной модели восприятия правомерным представляется включение всех образных ФЕ русского и английского языков с компонентами «глаз», «ухо», «нос». Это объясняется самим пониманием термина «модель восприятия» как схемы, демонстрирующей закономерности процесса переосмысления различных фрагментов мира (в том числе и фрагментов, связанных с ситуацией восприятия) как на основе целостной ситуации восприятия, так и ее отдельных сторон, отраженных в *исходных* значениях ФЕ. Фрагменты мира принадлежат к четырем жизненно значимым сферам жизнедеятельности человека. Метафорическому переосмыслению может подвергаться ситуация восприятия в целом либо отдельные стороны этой ситуации. Модель восприятия, таким образом, выявляет когнитивный потенциал образных номинаций с названиями органов восприятия.

По мнению И.В. Башковой, природа метафорических репрезентаций зрительного восприятия обладает спецификой, так как это восприятие относится к тем видам действий, которые внешне наблюдаемы: мы можем видеть движение глаз (Башкова, 1995). Е.В. Урысон отмечает, что все сочетания со словом *глаза*, в которых глаза представлены как активно действующий, смотрящий орган, – метафорические. Например,

скользнуть глазами, задержаться глазами, однако метафора в таких случаях незначительна и объяснима (Урысон, 2002).

По наблюдению лингвистов, модель зрительного восприятия восходит к древнейшим мифологическим представлениям, древним стереотипам поведения (Арутюнова, 1999; Урысон, 1998; Маслова, 2001; Демешкина, 2002 и др.).

Е.В. Урысон отмечает, что в основе модели зрительного восприятия лежат древнейшие реликтовые представления об устройстве человека. Глаза толкуются как «орган зрения, при помощи которого, по народным представлениям, человек может повлиять на судьбу другого человека» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь, 1995:500). Так, древний стереотип поведения, согласно которому собеседники должны общаться, не отводя глаз, закрепился во ФЕ «*глаз не отвести*» (Маслова, 2001:133).

Лингвистический анализ материала подтвердил актуальность мифологических представлений, мотивирующих семантику ФЕ. Так, в модели восприятия современного человека психические и физиологические состояния, интеллектуальные действия моделируются с учетом знания о световой характеристике глаз. Например: *свет померк в глазах (чьих)* – «*все стало немилко, противно и т. п. кому-л.*»; *ночь – ночью в глазах (у кого)* – «*о человеке с плохим настроением, с мрачным видом*»; *в глазах темнеет (мутится) (у кого)* – «*кому-л. становится плохо, обычно от усталости, слабости и т. п.*». Сравните: *a gleam (glint, twinkle) in smb's eye* – «*едва сформировавшаяся идея*»; *Gleam* – *слабый свет*; *Glint* – *вспышка, сверкание*; *Twinkle* – *мерцание*.

Приведенные ФЕ восходят к мифологическому пласту культуры, поскольку содержат архетипические противопоставления «свет / тьма», «день / ночь». Противопоставления отражают пространственно-временную мифологизацию мира. При этом оппозиции «свет / тьма», «день / ночь» укладываются в одну, определяющую, – «свет / тьма» и, следовательно, ограничиваются сутками. В эту же оппозицию могут быть включены и правила, связанные с небесными светилами, когда эквивалентом «дня / ночи» выступает пара «солнце / луна» (Цивьян, 1990). В.А. Маслова отмечает, что свет ассоциируется с верхним миром, где обитает Бог-отец, светит солнце, звезды, луна. Тьма, в противовес свету, является символом ночи, хаоса, пустоты. Тьма господствует в Нижнем мире – Царстве мертвых. «Превращение Хаоса в Космос – это переход от тьмы к свету, от воды к суше, от бесформенного к оформленному» (Маслова, 1997:105).

Результаты психолингвистического эксперимента подтверждают актуальность мифологических архетипов, существующих в сознании

современных носителей языка. Так, образ ФЕ «ночь-ночью в глазах (у кого, чьих)» вызывает ассоциации с архетипом ночи – символом хаоса и пустоты: «ночь – темно, значит плохо»; «темнота изначально считалась чем-то плохим, так как люди, не умеющие жить в темноте, боятся ее. Следовательно, выражение обозначает что-то плохое, темное, печальное»; «день кажется нам чем-то оптимистичным, а ночь по контрасту – черной и непроглядной».

Реализация временных оппозиций прослеживается при восприятии ФЕ «свет померк в глазах (чьих)». ФЕ интерпретируется информантами по принципу оппозиции «свет / тьма» («день / ночь»): «со светом ассоциируется все хорошее, а с темнотой – страшное, плохое»; «раньше считалось, что ночь – таинственное время суток, оно всегда ассоциировалось со всякой нечистью, это пугало людей и, соответственно, было им неприятно»; «когда все мило, хорошо, то на душе и в сердце тепло и солнечно, а когда все становится немило и противно, сразу этот «свет в душе потухает».

Сложность и неоднозначность феномена восприятия подтверждаются наличием двух определений, согласно которым восприятие понимается в узком и в широком смысле.

В широком смысле понимание восприятия сближается с антропологическим (житейским) пониманием этого термина и рассматривается как взгляды на жизнь, мировоззрение и т. п.

Об особенностях восприятия мира (пространства, природы, характера русским человеком) размышляют философы, писатели, лингвисты (Бердяев, 2000; Вежбицкая, 1997; Сукаленко, 1992; Рахилина, 2000 и др.).

Под восприятием в узком смысле понимается физический (перцептивный) способ восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). Физическое восприятие локализуется в органах восприятия (глаза, уши, нос, язык, кожа) (Апресян, 1995; Демешкина, 2000; Урысон, 1998, 2002 и др.). Предложенная классификация представляется релевантной при описании ФЕ с компонентами, обозначающими органы восприятия и понимаемыми в узком смысле.

Анализ языкового материала показывает, что ФЕ с компонентами, обозначающими органы восприятия («глаз», «ух», «нос»), метафорически репрезентируют различные фрагменты мира на основе представлений об этих органах. Так, например, ФЕ не видеть дальше своего (собственного) носа – «быть недалеким, ограниченным, неспособным выйти за рамки узких собственных интересов» обладает яркой образностью. Образ ФЕ восходит к представлению о крайней ограниченности физического поля зрения человека, который видит только то, что расположено на расстоянии его носа. Представление об ограниченности этого

поля зрения становится основой мотивации значения ФЕ, обозначающей интеллектуальные и духовные возможности человека.

Восприятие представляет собой хорошо организованную систему, поэтому изучение ФЕ с компонентами, обозначающими органы восприятия, позволяет выявить закономерности человеческого мышления как некой модели, уходящей корнями в глубинные пласты человеческого сознания.

Модель восприятия организована по принципу номинации различных *событий* (существования, восприятия, состояния, движения и действия). События могут обозначаться с учетом их *качественной, количественной, пространственной, временной характеристики*. События реализуются в различных *сферах* жизнедеятельности человека (*физической, психической, интеллектуальной, социальной*).

К наиболее репрезентированным в метафорических значениях ФЕ событиям относятся восприятие, состояние и действие. Ситуации существования и восприятия находятся в непосредственной зависимости друг от друга, поскольку существование предмета или человека обусловлено их нахождением в поле зрения субъекта восприятия.

К обозначаемым представлениям относятся различные *характеристики человека или предмета*, а также представления о *качестве, количестве, времени, размере*.

Физическая дисфункция органов перцепции становится основой моделирования качественных характеристик действий, состояний человека, его зрительных впечатлений, перцептивной или интеллектуальной способности. Например: *отморозить глаза* – «1. Обнаглеть; 2. Завратиться; 3. Зазнаться»; *уши в трубочку (заворачиваются) свернулись (у кого)* – (угол.) «1. Об оцущении сильного холода»; *резать глаза (глаз)* – «1. Производить неприятное зрительное впечатление чрезмерной яркостью, пестротой, необычностью и т. п.; 2. Резко выделяться, оцущаться, быть особенно заметным, вызывая отрицательное отношение к себе»; *бросаться (ударять) в нос* – «остро чувствоваться. О резком или неприятном запахе».

ФЕ с компонентами «глаз», «ухо», «нос» могут обозначать или не обозначать ситуацию восприятия. Так, выделяются три типа единиц, структурированных по принципу ядра и периферии.

Ядро фразеологизмов составляют языковые единицы, обозначающие ситуацию восприятия буквально и метафорически. Например: *смотреть (глядеть) во все глаза* – «очень внимательно, пристально, проявляя особый интерес». Ср.: *be all eyes* – «быть настороже, начеку».

К периферии фразеологических единиц относятся ФЕ:

а) обозначающие ситуацию восприятия метафорически. Например: *мерить глазами (взглядом)* – «пристально, как бы оценивая, оглядывая». Ср.: *measure smb. with one's eye* – «смотреть кого-л. глазами».

б) не обозначающие ситуацию восприятия ни буквально, ни метафорически. Например: *глаза на лоб лезут (полезли) (у кого)* – «кто-л. приходит в состояние крайнего испуга, удивления»; Ср.: *one's eyes stand out of one's head* – «глаза полезли на лоб от страха, удивления и т. п.». Такие ФЕ используются при построении когнитивной модели восприятия на основании теории полиситуативности, когда ситуация перцептивного восприятия приводит к возникновению какой-либо эмоциональной реакции субъекта.

Наблюдения над материалом показали, что ФЕ принадлежат к первому типу единиц в том случае, если они содержат предикат с семантикой восприятия.

Количество ФЕ, относящихся к тому или иному классификационному типу единиц, зависит от наименования органа восприятия, входящего в состав фразеологизма. Так, ФЕ с компонентами «глаз» и «ухо» буквально обозначают ситуацию зрительного и слухового восприятия, тогда как среди ФЕ с наименованием «орган обоняния» не зафиксированы ФЕ, отражающие ситуацию обонятельного восприятия.

ФЕ с компонентами «глаз» и «ухо» метафорически обозначают ситуацию зрительного и слухового восприятия, представленную с позиции смотрящего (слушающего) или с позиции действующего (говорящего). Кроме того, ФЕ с наименованиями органа зрения и слуха моделируют другие фрагменты мира, в том числе и ситуацию физического или нефизического воздействия субъекта на объект. Например: *тащить (тянуть) за уши (кого)* – «1. Помогать кому-л., обычно малоспособному, нерадивому человеку в учебе, в продвижении по службе и т. п.».

Примечательно, что среди ФЕ с компонентом «нос» зафиксировано только четыре ФЕ, номинирующих ситуацию восприятия. При этом три ФЕ обозначают чутье, интуицию, тогда как только одна ФЕ отражает оценку обонятельных ощущений человека. Например: *бросаться (ударять) в нос* – «остро чувствовать. О резком или неприятном запахе».

Не случайно, что языковое моделирование таких характеристик, как количество, время, размер, качество, осуществляется на основе представлений об органе обоняния. В основе языковой интерпретации количества и качества также лежат представления о пространственном расположении органов зрения и слуха.

В визуальной и аудиальной модели восприятия представления о физическом перемещении, движении, которое осуществляется по направлению к органу зрения и слуха, интерпретируют ситуацию зрительного

и слухового восприятия. В обонятельной модели такие представления не зафиксированы. Например: *лезть в (на) глаза* – «1. Стараться, стремиться быть замеченным. 2. Привлекать к себе чье-л. внимание»; *доходить до ушей (кого, чьих)* – «становиться известным кому-л.». Ср.: *reach (come to) smb. 's ears* – «доходить до чьих-то ушей, становиться известным кому-л.».

ФЕ с наименованиями органов перцепции формируют основу не только для осмысления различных событий, но и для *других видов восприятия*, осуществляемых в различных сферах жизнедеятельности человека.

Так, установлено, что ФЕ с компонентом «орган зрения» обозначают ситуацию слухового восприятия, тогда как ФЕ с наименованием «орган обоняния» отражают ситуацию зрительного и слухового восприятия. ФЕ с компонентом «ухо» номинируют действия говорящего и слушающего и не обозначают другие виды восприятия. Закономерности описания одного вида восприятия по принципу другого обусловлены расположением органов перцепции на голове (лице) человека или животного, базовостью зрительной способности человека.

При построении когнитивной модели большую роль играет структура субъектно-объектных отношений, репрезентированных в буквальных и метафорических значениях ФЕ, а также пассивность / активность субъекта восприятия. Позиция объекта физического воздействия, представленная в буквальных значениях ФЕ, может быть отражена в метафорических значениях ФЕ двумя путями:

1) трансформироваться в позицию пассивного субъекта зрительно-го, слухового и обонятельного восприятия. Так, установлено, что моделирование ситуации восприятия осуществляется по принципу ситуации физического воздействия. В этом случае позиция объекта физического воздействия, отраженная в буквальном значении ФЕ, совпадает с позицией пассивного субъекта восприятия, представленной в его метафорическом значении. Например: *ездить по ушам (кому)* – «долго и нудно рассказывать что-л. кому-л.»;

2) трансформироваться в позицию объекта отрицательного / положительного, физического / нефизического воздействия: *Дать по ушам (кому)* – «лишить воровского звания, изгнать из воровской группировки кого-л.». *Pin smb. 's ears back* – (досл. *приколоть чьи-л. уши назад*) – «побить кого-л.».

Ситуация восприятия может быть отражена и с позиции активного субъекта восприятия. Позиция активно воспринимающего субъекта иногда совпадает с позицией человека, занимающегося бессмысленными, безрезультативными действиями. Например: *развешивать уши* – «2. Заслушавшись, или под впечатлением от услышанного не реагиру-

вать на что-л. должным образом, забывать о деле». Моделирование ситуации безрезультативных действий человека происходит на основе его физической активности, осуществляемой при помощи органов перцепции. Например: *ушами ветер делать* – «*быть непрактичным человеком, не уметь использовать имеющиеся возможности*».

Физическая активность человека формирует основу для моделирования ситуации активных перцептивных действий субъекта восприятия. Ситуации отсутствия внимания со стороны субъекта восприятия, наоборот, моделируются по принципу отсутствия каких-либо физических действий, производимых с органами перцепции. Ср. ФЕ *держат ухо остро* – «*быть настороже, начеку*» и ФЕ (*даже*) *ухом (бровью, глазом, носом, усом) не ведет / не повел* – «*кто-л. никак не отзывается, не реагирует, не обращает внимания на что-л.; ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-л. или чему-л.*».

В метафорическом значении ФЕ с компонентами, номинирующими органы зрения и слуха, ситуация зрительного и слухового восприятия может быть представлена с двух позиций:

1) с позиции субъекта восприятия. Например: *уши вянут* – «*противно слушать что-л., настолько это нелепо, глупо и т.д.*». Метафорическое значение ФЕ отражает ситуацию слухового восприятия, представленную с позиции слушающего;

2) с позиции субъекта действия (в том числе и речевого). Например: *вешать лапшу на уши* – «*обманывать, говорить неправду кому-л.*». ФЕ метафорически обозначает ситуацию восприятия на том основании, что в толковании единицы содержится указание на существование слушающего, на которого направлена речевая деятельность говорящего.

Позиция субъекта восприятия и субъекта речевых действий определяется пропозитивной структурой метафорического значения фразеологизма.

Таким образом, построение когнитивной модели восприятия предполагает анализ всех образных ФЕ с наименованиями органов перцепции. Такой анализ выявляет потенциал ФЕ с семантикой восприятия при осмыслении различных фрагментов действительности.

Отметим, что в качестве объекта исследования послужили ФЕ, принадлежащие к различным сферам языка. Так, в качестве лингвистического материала были использованы ФЕ общерусского языка и социальной разновидности языка (жаргона). Правомерность использования столь различного фразеологического материала определяется целью исследования построить модель восприятия современных носителей языка.

По наблюдению авторов «Большого словаря русского жаргона», современная речевая стихия и средства массовой информации активно разрушают и без того шаткие перегородки между речью профессио-

нальных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения, и тех, кого раньше называли асоциальными или деклассированными элементами (Мокиенко, Никитина, 2000: 7–9).

Закономерным итогом нарушения таких границ является использование одних и тех же ФЕ в речи деклассированных слоев и молодежи, на что указывает специальная система помет, разработанная авторами словаря. Например: *глаз выпал (у кого) – (угол., мол.) «кто-л. очень удивился чему-л.»*.

Отличительной особенностью ФЕ жаргонного происхождения является то, что такие единицы возникают в результате экспрессивного переосмысления фразеологии общерусского языка. Так, уголовная ФЕ *«уши пухнут (у кого, от чего)»* обозначает сильное желание курить, когда в литературном общерусском языке данная ФЕ обозначает реакцию человека, которому надоело выслушивать упреки, нарекания и т. п. Построение когнитивной модели восприятия подразумевает анализ всей совокупности номинативных единиц с компонентами, обозначающими органы восприятия.

В рамках данного исследования не рассматриваются ФЕ, обозначающие наименования предметов растительного и животного мира, а также артефактов. Например: *вороний глаз – «ядовитое травянистое растение семейства лилейных, дающее одиночный плод – черную ягоду на конце стебля»*; *тигровый глаз – «блестящий минерал золотистобурого или синеваато-желтого цвета»*.

Собственный анализ лингвистического материала и наблюдения других исследователей (Телия, 1996; Добровольский, 1990) позволяют предположить, что такие наименования непродуктивны в сфере образования ФЕ.

Когнитивное моделирование процессов восприятия является наиболее эффективным методом изучения фразеологизмов. Такой метод позволяет соотносить семантику ФЕ со знаниями экстралингвистического характера: перцептивным опытом, двигательной активностью и др., построить модель восприятия, характерную для носителей языков.

2.2. КОГНИТИВНЫЙ И КОГНИТИВНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеологические единицы отражают закономерности осмысления человеком действительности. ФЕ являются объектом изучения в рамках когнитивного и когнитивно-лингвокультурологического подходов. Ис-

следование ФЕ осуществляется в аспекте проблемы «язык – мышление – культура».

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология направлены на изучение «человеческого фактора» в языке. Однако в исследовании этой проблемы акценты расставлены по-разному. Когнитивная лингвистика призвана изучить общечеловеческий фактор в языке, рассмотреть язык как общекогнитивный механизм, отражающий основные структуры и закономерности человеческого мышления. Лингвокультурология ориентирована на выявление культурного фактора в языке, взаимосвязи языка с пространством культуры.

Новый взгляд на проблему соотношения языка и мышления, сформированный в рамках когнитивной лингвистики, расширяет возможности исследования фразеологических единиц. Исследование ФЕ осуществляется с учетом представлений о языке не как об автономной системе, а как об общем когнитивном механизме.

ФЕ неоднократно выступали как объект лингвистических исследований, осуществляемых в рамках когнитивного подхода (Хайрулина, 2001; Алефиренко, 2002 и др.).

В рамках когнитивной лингвистики оказывается правомерным рассматривать языковые структуры сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Физическая природа мыслящего существа и способ его функционирования в среде обитания имеют большое значение для изучения человеческого мышления.

Анализ лингвистического материала показывает, что при создании и воспроизведении ФЕ в сферу когнитивной деятельности входят самые разнообразные способы и средства освоения окружающего мира. Когнитивная деятельность человека базируется на наглядно-конкретном способе освоения мира, на основе которого формируются абстрактные представления о мироустройстве. При этом непроизвольно-обыденное познание приобретает ту же значимость, что и познание теоретическое. Объектом познавательной деятельности при этом выступают как предметы действительности, так и саморефлексия человека.

Правомерность исследования ФЕ в рамках когнитивной лингвистики обуславливается сущностью самого феномена когниции. Термин «*когниция*» занимает центральное положение в когнитивной науке и передает смыслы «*познание*», «*познавание*», то есть фиксирует как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты (Кубрякова, 1990:81).

Фразеологический фонд любого языка является результатом познавательного процесса, в котором отражается совокупность знаний человека о мире и о самом себе.

Изучение ФЕ в парадигме когнитивной лингвистики определяется особенностями семантики ФЕ как особого вида номинации. Фразеологические единицы являются особым видом номинации, возникающей, чаще всего, в процессе метафоризации. Говорящий, исходя из некоторого номинативного замысла, обозначает предмет, свойство, процесс, состояние и т. п., еще не имеющее имени, обращается к поискам в чем-то подобной, но уже названной в языке сущности (Телия, 1996:134).

Метафора в этом случае является средством создания новых наименований, особенно в сфере обозначения «невидимых» объектов. «Модус фиктивности», представляющий «основной нерв метафоры», обуславливает «перескок» с реального на гипотетическое. Необходимым условием такого «перескока» является допущение о подобии того, что именуется с тем, что входит в подобие.

Так, употребляя ФЕ *«хлопать глазами»*, обозначают (в одном из значений) состояние крайнего удивления, недоумения, растерянности, которое подобно такому действию, когда человек как бы быстро открывает и закрывает глаза, и это становится заметно окружающим. Соответственно, значение ФЕ мотивировано тем образом, который осознается при буквальном прочтении ФЕ. Это восприятие ассоциируется с состоянием удивления, в котором находится субъект, и осознается как подобие действий субъекта, совершаемых с помощью глаз.

Принципы формирования семантики ФЕ базируются на универсальных представлениях об «устройстве» человека, особенностях функционирования органов перцепции. Связь буквального и метафорического значения ФЕ подчинена определенным схемам, моделям, отражающим закономерности человеческого мышления.

Возможности интерпретации при создании знаков вторичной номинации соответствуют выработанным в данном обществе схемам, существующим в системе культуры. «Мир возможного, как ни странно, подчиняется тем моделям и формам ценностно-смысловых отношений, которые актуальны и действительны в реальном мире», – отмечает Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2002:40).

Так, метафорическое значение ФЕ, обозначающей ощущения человека от неприятного запаха, формируется на основе представления об ударе, физическом воздействии на нос. Например: *бросаться (ударять) в нос* – *«остро чувствоваться. О резком или неприятном запахе»*. Внешние характеристики формы (длины) лежат в основе образного основания другой ФЕ с компонентом «нос», номинирующей интеллектуаль-

ные способности человека. Например: *не видеть дальше своего (собственного) носа* – «*быть ограниченным, не замечать общего за частным*».

Анализ приведенных ФЕ показывает, что моделирование фрагментов психической и интеллектуальной сфер происходит по принципу физической сферы. Метафорические значения ФЕ возникли в результате соотнесения различных характеристик органа обоняния с познаваемыми фрагментами действительности.

Многие исследователи отмечают отличие лингвистического анализа языковых явлений, производимого в рамках логического подхода от анализа когнитивного (Болдырев, 2000; Рахилина, 2000; Алиференко, 2002 и др.).

При анализе языковых фактов логический подход учитывает только логико-понятийное, теоретическое моделирование связи языка и познания. В рамках когнитивного анализа важны такие свойства когниции, которые связаны со спецификой восприятия, накопленным опытом взаимодействия человека с окружающим миром.

Когнитивный подход позволяет выявить представления об особенностях строения, функционирования, расположения органов чувственного восприятия, отраженных в семантике ФЕ. Сумма этих представлений является результатом предлогического, чувственного, предметно-действенного познания человеком мира.

Так, например, образы ФЕ, используемые в сфере молодежной речи, восходят к представлениям о внешнем строении органа слуха. В метафорических значениях ФЕ отражены представления о крайней степени надоедания. Фрагменты действительности, отраженные в метафорических значениях ФЕ, моделируются на основе внешних характеристик органа слуха.

Например: *ездить по ушам (кому)* – «*долго и нудно рассказывать что-л. кому-л.*»; *сесть на ухо (кому)* – «*начать докучать, надоедать кому-л. разговорами, просьбами*»; *висеть на ушах (у кого)* – «*долго и нудно рассказывать что-л. кому-л.*».

Таким образом, когнитивный подход расширяет возможности изучения семантики ФЕ как результата познавательной деятельности человека. ФЕ рассматриваются как единицы, строящиеся по определенным схемам, которые отражают принципы человеческого мышления.

Фразеологически ориентированная лингвокультурология признается ведущим направлением лингвокультурологических исследований. В общем плане лингвокультурология определяется как «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь культуры и языка в его функционировании» (Ольшанский, 2000:40).

ФЕ понимаются как знаки вторичной номинации, характеризующиеся образно-ситуативной мотивированностью, которая напрямую связана с мировидением народа.

Образы ФЕ прототипически восходят к нормам национального миропонимания, поэтому ФЕ являются основным источником хранения и трансляции различного рода культурно-национальной информации. Определяющей в характеристике прототипа является его способность соотноситься с некоторой общекультурной или культурно-национальной формой знания.

Когнитивный подход в лингвокультурологии обусловлен не столько способностью когниции использовать универсальные механизмы смыслообразования, сколько ее способностью придавать формирующемуся значению ФЕ культурно-значимый смысл.

ФЕ изучаются в рамках лингвокультурологического направления (Телия, 1996; Маслова, 1997, 2001; Арсентьева, 1989 и др.).

В рамках лингвокультурологии понятие когниции приобретает особую значимость. Важность этого феномена обуславливается свойством когниции не только создавать, но и структурировать накопленные знания. Когниция обуславливает способность языка моделировать новые представления о мироустройстве на основе уже имеющихся эмпирических и архетипических знаний, культурных ценностей и установок языкового коллектива.

Понятие «когниция» сближается в данном случае с понятием «эмпирическое обыденное сознание» (Сукаленко, 1992:6), включающее повседневные знания, здравый смысл, а также иррациональность, отраженную в мифах, легендах, суевериях, а в конечном счете интернациональные, общечеловеческие и национально-специфические особенности.

В процессе моделирования стереотипных языковых представлений «обыденное сознание» имеет дело со Вселенной – реальной, эмпирической, и символической – с отсутствием четких границ между ними.

Идея сближения мифа и языка прослеживается в работе Э. Кассирера, который подчеркивает, что «структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями» (Кассирер, 1990:33).

Воображение носителей языка в процессе создания ФЕ опирается на типичные «ассоциативные ходы», обусловленные суммой знаний человека о мире. Это становится очевидным при анализе русских и английских ФЕ, восходящих к образу огня.

Сверкать глазами (на кого) – «взглядывая, выражать чувство гнева, раздражения и т. п.»; глаза (зубы) разгорелись (у кого, на что) – «кому-л. непреодолимо, страстно захотелось, хочется чего-л.». Ср.:

flash (shoot) fire – «*что-то глаза мечут молнии, горят, сверкают*»; *bright-eyed and bushy-tailed* – (досл. с горящими глазами и беличьим хвостом) «(о ком-л.) *очень жизнерадостном, подвижном*»; *Bright-eyed* – с блестящими глазами.

По справедливому замечанию Ю.Д. Апресяна, в русском языке есть большая группа глаголов, в которой идея света сочетается с идеей блеска. Такие глаголы вполне нейтральны к противопоставлению светлых и темных эмоций (Апресян, 1995:373). Интенсивные эмоции чаще предстают в облике вспыхнувшего огня, пламени, бушующего пожара, не совместимого в реальном мире с влагой (Арутюнова, 1976:102).

Световая характеристика органа зрения имеет эмпирически объяснимую природу, за которой осязаемая физическая реальность, то есть вполне «симптоматические» выражения, отражающие объективные изменения внешности под влиянием эмоций. Возможно, что такие симптоматические выражения эмоций связаны с наблюдением за «поведением», свойствами зрачка. В состоянии эмоционального возбуждения, при болевых ощущениях и других раздражениях происходит расширение зрачка и, соответственно, изменяется внешний вид органа зрения.

Так, при интерпретации ФЕ в ответах информантов отразилась связь психоэмоционального состояния человека с выражением его глаз: «*выражение глаз на самом деле меняется, а народное сознание придумало, что это они так горят, то есть ощущение, как будто горят*». «*Когда возникает внезапное, сильное желание получить что-то, повышается настроение, сердце бьется быстрее, зрачки расширяются*»; «*осмысленный взгляд, зрачки сфокусированы в одном направлении, перевод взгляда вслед желанному предмету, следование в его фарватере*»; «*прямая связь с физиологией человека: в состоянии экзальтации, эйфории, возбуждения поверхность глаза становится влажной, создается ощущение «огонька в глазах»*».

В визуальной модели восприятия современного человека ФЕ мотивируются физиологическими особенностями функционирования органа зрения и архетипическим представлением об огне. Так, образ ФЕ восходит к мифологической символике огня. Оппозиция огонь / вода – одна из важнейших оппозиций, восходящих к общеиндоевропейской традиции. Огонь и вода (наряду с землей и воздухом) входят в наиболее древние (космогонические) мифы о возникновении вселенной. Архетипы огня и воды – одни из древнейших. С огнем связаны архетипические представления о силе преобразования и перерождения. Он охватывает как хорошее (жизненное тепло), так и плохое (разрушение и сожжение) (Маслова, 1997:93).

В сознании современных носителей языка образ ФЕ «*глаза разгорелись (у кого, на что)*» вызывает прямые ассоциации с архетипом огня: «*разгорелись*» – как бы «*усилились*»: как *огонь разгорается и становится ярче*; «*разгорелись*» *то есть под действием огня. Огонь – жар, вспышка, следовательно*; «*глаза разгорелись*» *означает «поддаться желанию»*. Семантика ФЕ мотивируется представлением об огне как «*олицетворении «адского пламени»; «страстной стихии, способной возникнуть моментально, в один миг*». В ответах информантов актуализируется отрицательная и положительная символика архетипа: «*в зависимости от сферы употребления: положительное значение – узнать о чем-то хорошем; отрицательное – реакция на что-то (деньги)*».

Анализ языкового материала показал, что данный архетип реализуется не только в общерусском языке, но и в молодежном жаргоне. Например: *уши гресть* – «*подслушивать*». Ср.: *warm someone's ear* – «*настойчиво и страстно говорить кому-л. о чем-л.*»; *Warm* – «*греть*».

По мнению информантов, физиологические процессы, происходящие в органе слуха, обуславливаются тактильным воздействием на него: «*когда подслушиваешь, то с чем-то соприкасаешься, следовательно, теплее*»; «*для того чтобы лучше услышать, человек обычно прикладывает к уху ладонь, ухо начинает нагреваться*»; «*когда подслушиваешь, не исключено, что тебя поймут, а тогда не миновать того, что тебе надерут уши, отчего они будут гореть*».

Кроме того, согласно ответам участников эксперимента, физиологические процессы связываются с повышением температуры тела человека в результате его определенного психоэмоционального состояния: «*когда человек подслушивает, он осознает, что делает неприличное, опасное дело, ему становится стыдно и страшно, он краснеет, и температура его тела поднимается*».

В сознании современного человека мотивировка образа физиологическими особенностями функционирования органа слуха также является не единственной. Так, при интерпретации ФЕ «*уши гресть*» в сознании информантов возникает образ огня, света. Данные архетипы выступают во ФЕ как символы порядка, источники жизненного тепла. Приведем результаты психолингвистического эксперимента: «*смотря что подслушивать: если что-то хорошее – они от радости греются, а если что-то плохое – они скорее «в трубочку свернутся»; «подслушивать – значит узнавать то, что ты еще не знаешь, следовательно, становится тепло от случайно полученной информации»; «люди любят сплетни, у них такая натура – услышат что-нибудь, и им хорошо. Хорошо – это свет. Свет – это тепло, а слышим мы ушами*».

«Эффективность прототипических категорий обеспечивается их гибкостью в когнитивных процессах и способностью творчески интегрировать новые знания в ранее сформированные ценностно-смысловые системы той или иной этнокультуры», – отмечает Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2002:206).

Фразеологический фонд любого языка отражает ценностные представления его носителей, обусловленные как эмпирическим, чувственно-практическим, так и мифологическим знанием о мироустройстве.

Соответственно, образы ФЕ в качестве прототипов имеют национально обусловленные типовые представления о свойствах, состояниях, действиях, чувствах, ситуациях и т. п. Образное основание ФЕ связано с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности и является ценным источником изучения национальных *эталонов, архетипов, стереотипов, прецедентных текстов и имен*.

В рамках фразеологически ориентированного направления сложились два аспекта лингвокультурологического анализа – *синхронный* и *диахронный*.

Синхронные исследования фразеологического состава языка осуществляются В. Н. Телия и ее учениками. Лингвокультурология понимается ими как часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии (Телия, 1996:217).

В.А. Маслова расширяет объект фразеологически ориентированной лингвокультурологии за счет включения диахронического аспекта исследования. Она следует мысли о «свертывании мифа во фразеологизм-мифологему, в которой можно увидеть и расшифровать этнокультурную информацию» (Маслова, 1997:89). Такого же понимания лингвокультурологического анализа применительно к ФЕ придерживаются и другие исследователи (см., например: Алефиренко, 2002).

Разграничение синхронного и диахронного аспектов лингвокультурологического анализа является принципиальным при получении результатов исследования.

Так, например, по наблюдению В.А. Масловой, ФЕ *глаз – алмаз* – «*об умении видеть самое важное и основное*» восходит к ритуалу древних славян заводить от «дурного глаза» «обереги – амулеты, которые изготавливали из драгоценных металлов и камней и делали их в форме глаза» (Маслова, 1997:151). Первоначальный смысл образа недоступен обычному носителю языка и требует специального диахронического анализа. Компонент «алмаз» входит во ФЕ как эталон «ценного» и формирует картину мира, характерную для русского языка.

Принципиальным является различие понятия лингвокультурологического и историко-этимологического анализа ФЕ. Цель последнего – выявить специфичность культурных терминов и названий (этнонимов) и создать этимологический и историко-генетический комментарий к ним (Шанский, 1971; Мокиенко, 1999 и др.).

Лингвокультурологический анализ, в отличие от историко-этимологического комментария ФЕ, позволяет не просто изучить историю происхождения ФЕ, но и определить связь ФЕ с пространством культуры.

Данное исследование построено на основе синхронного подхода к изучению ФЕ с частичным применением диахронного подхода. Это продиктовано необходимостью выявить то, какие представления об органах восприятия репрезентированы в сознании современных носителей языка, и то, какие древнейшие представления людей о мире отразились в языке.

Характер анализируемого материала диктует необходимость применять диахронический подход к лингвокультурологическому анализу ФЕ. Такой подход выявляет культурную информацию, восходящую к мифологической модели мира. В некоторых единицах такая информация остается имплицитной и может быть выявлена с помощью психолингвистического эксперимента. Эксперимент является приемом извлечения той культурной информации, которая восходит к мифологическому пласту знаний и содержится в сознании современного носителя языка.

Лингвокультурологический анализ предполагает выявить совокупность культурно-значимых представлений, отраженных в семантике ФЕ (Телия, 1996; Маслова, 1997, 2001; Ольшанский, 2000).

Так, система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях, является предметом культурно-национальной интерпретации. Под *эталон*ом понимается сущность, измеряющая свойства и качества предметов и явлений. Это мера вещей, представленная в образной форме (Телия, 1996). Такое понимание эталона соотносится с другим толкованием этого термина, в соответствии с которым эталон определяется как «мерило, стандарт, образец для сравнения» (Словарь русского языка, 1983:769).

Например: *глаза как у кориуна, у кошки, у рыси, у сокола, у ястреба (у кого) – «об очень зорком человеке»*. В семантике ФЕ образы зверей и птиц выступают в качестве эталонов, отражающих представления о зоркости.

В процессе создания фразеологического образа сохраняется эталонная функция слов-компонентов, а следовательно, их культурно-значимый смысл. Так, воробей, голубь и комар являются в русском языке эталоном маленьких существ. Например: *с гулькин (с воробьиный)*

нос – «1. Очень мало; 2. Очень мал, невелик»; комар носа не подточит – «не к чему придраться».

Эмпирическое восприятие животного может осложняться представлениями о его мифологических характеристиках. Образ животного в таком случае приобретает свойство *архетипа* – устойчивого образа, обобщенного символа, присутствующего в индивидуальном сознании и имеющего распространение в культуре. Архетипы являются теми первобытными образами, которые соответствуют образам мифологическим и выражают «коллективное бессознательное», которое образует «всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» (Юнг, 1991:97).

Зоркость и физическая красота моделируются с учетом архетипических характеристик птиц. Например: *орлиный глаз* – «о зорком человеке»; *орлиный нос* – «о красивом, решительном носе».

Все индоевропейские народы любили и почитали птиц, они ассоциировались со священным образом ветра, молнии и света (Маслова, 1997). Многие названия птиц вошли во ФЕ и приобрели в их составе положительные культурные коннотации.

Термин «*культурная коннотация*», введенный В. Н. Телия, является базовым для лингвокультурологии понятием. В самом общем плане – это интерпретация денотативного или образно мотивированных аспектов значения в терминах и категориях культуры (Телия, 1996:214).

Важнейшей языковой сущностью, в которой содержится основная информация о связи ФЕ с культурой, являются образы. ФЕ способны исполнять роль культурных знаков. Это, прежде всего, связано с тем, что в основе фразеологических образов лежат эталонные представления о том или ином фрагменте действительности, стереотипные для жизни народа обиходно-бытовые ситуации.

Так, фразеологические образы могут приобретать свойство эталонов. Эмпирические эталоны некоторого предела отражаются в образах ФЕ. Например: «*до ушей (краснеть)*»; «*(занят или влюблен) по (самые) уши*»; «*за глаза*». Слова «глаз» и «ухо» в сочетании с пространственными предложениями приобретают свойство эталонов.

Под социальным *стереотипом* мы понимаем схематический стандартизированный образ или представление о социальном объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие высокой устойчивостью. В качестве объекта стереотипизации могут выступать все социальные явления. В основе социальных стереотипов находится реальный психологический феномен, представляющий один из компонентов установки восприятия, которая аккумулирует предшествующий опыт инди-

вида в своеобразный алгоритм отношения к соответствующему объекту (Философский энциклопедический словарь, 1983:654).

Данное определение позволяет выделить главные характеристики стереотипа, к числу которых относятся повторяемость, преемственность, стандартизированность, устойчивость, воспроизводимость.

Во ФЕ с семантикой восприятия отражены наиболее значимые, типичные для данного языкового коллектива ситуации. Представляется, что большое значение приобретают ситуации, связанные с оценкой той или иной формы поведения человека, в том числе и по отношению к другому человеку.

Так, во ФЕ с семантикой восприятия особую важность приобретают ситуации, связанные с одной из «основополагающих заповедей русской наивно-языковой этики», сформулированной Ю.Д. Апресяном. Согласно этой заповеди «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей», что отразилось в таких словах, как «подсматривать», «подслушивать», «соглядатай», «любопытство». По мысли автора, «...все эти заповеди – не более чем прописные истины», поэтому они, вероятно, отражены не только в русской языковой картине мира (Апресян, 1995:351).

Источником культурно-национальной интерпретации является и *интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия мироздания, литература, история.*

В качестве источников культурной интерпретации, сформированных под влиянием литературного процесса, исторического развития нации, могут рассматриваться *прецедентные тексты и имена.* Последние называют индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами, с ситуациями, которые знакомы большинству представителей данной нации.

Анализируемый материал содержит ФЕ литературного происхождения. Например: *глаза Аргуса (у кого) – «о злобно внимательном, проныцательном, всевидящем взгляде»; мидасовы уши (иметь) – «о глупом, болтливом человеке».*

Собственные имена Аргус и Мидас не осознаются как эталоны проныцательности и глупости в сознании рядового носителя языка. Для того чтобы понять значение ФЕ, необходимо провести специальный диахронический анализ, раскрывающий изначальный смысл образа.

Особая роль прецедентных текстов и имен выявилась в результате проведения психолингвистического эксперимента, предполагающего интерпретацию ФЕ информантами.

Таким образом, когнитивно-лингвокультурологический подход расширяет возможности изучения семантики ФЕ. Такой подход позволяет рассматривать ФЕ во взаимосвязи с пространством культуры. Вы-

деляются два аспекта когнитивно-лингвокультурологического анализа: синхронный и диахронный. Синхронный аспект изучения ФЕ является приоритетным в рамках настоящего исследования. Диахронный подход применяется при выявлении мифологических представлений, сформировавших семантику ФЕ.

2.3. МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ

В философском понимании «модель» представляет собой аналог (схему, структуру, знаковую систему) определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры, концептуально-теоретического образования и т. п. – оригинала модели (Философский энциклопедический словарь, 1983:382).

В языкознании термин «модель» имеет два определения: 1) искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях; 2) образец, служащий стандартом (эталоном) для массового воспроизведения (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:304–305).

Приведенные определения отражают наиболее существенные характеристики понятия «модель», а именно наличие *оригинала* модели, то есть того, что имитируется, с одной стороны, и «мысленного устройства», *аналога, схемы*, то есть того, что имитирует, – с другой.

В исследовании отмеченные характеристики модели являются релевантными для описания выбранного языкового материала. ФЕ являются результатом концептуализации и категоризации человеком действительности. Вся совокупность знаний, отраженных и закрепленных в семантике ФЕ, представляет собой оригинал, своеобразный «слепок», снятый с того или иного фрагмента действительности. Аналогом такого оригинала, схематически отражающим закономерности его «поведения», и является когнитивная модель восприятия.

Когнитивный и когнитивно-лингвокультурологический подходы позволяют выявить принципы организации когнитивной модели восприятия. Такая модель является типовой схемой репрезентации восприятия, отраженной во ФЕ с наименованиями органов перцепции.

К лингвистической модели предъявляется ряд требований, которые являются определяющими при построении любой модели, создаваемой на языковом материале. Построение модели предполагает, прежде все-

го, наличие гипотезы об устройстве оригинала, в качестве которого выступает совокупность информации, отраженная в семантике ФЕ.

ФЕ с компонентами, обозначающими органы восприятия, рассматриваются как часть общей понятийной системы человека. Значение ФЕ определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые в свою очередь обусловлены опытом его физического взаимодействия со средой (перцептивной, двигательной активностью) и способностью к образному мышлению (Скребцова, 2000:17).

Принципы построения когнитивной модели восприятия обуславливаются функционально-семантической спецификой ФЕ как языковых единиц особого вида номинации. ФЕ являются сложной языковой единицей, построенной по принципу метафорического уподобления какого-либо фрагмента действительности в чем-то подобной, но уже названной в языке сущности. Основным условием такого уподобления является допущение о подобии того, что именуется с тем, что входит в подобие. Уподобление осуществляется по принципу фиктивности.

Структура значения ФЕ, таким образом, представлена по принципу взаимодействия двух смысловых комплексов: *буквального* и *метафорического*. Аналогичные понятия вводятся и в исследованиях, осуществленных на материале метафоры в аспекте ее миромоделирующей функции (Баранов, Караулов, 1994; Чудинов, 2001 и др.). Метафорическая лексика описывается по принципу соотнесения сферы-источника (содержание / фокус) и сферы-мишени (оболочка, цель).

Соотношение выделенных смысловых комплексов изучается в работе А.П. Чудинова. По наблюдению автора, исследование концептуальной метафоры выявляет: 1) когнитивные «механизмы», существующие в сознании человека; 2) обыденные представления человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии. Как отмечает автор, «в этом случае для нас важно уже не то, как человек мыслит, а то, что именно он думает о сфере-источнике, как он представляет себе ее строение»; 3) наивные человеческие представления о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия (Чудинов, 2001:54–55).

Анализ фразеологического материала показал, что изучение семантики ФЕ также дает возможность выявить: 1) совокупность представлений об органах перцепции, используемых в качестве моделирующих для обозначения различных фрагментов действительности, результаты культурно-познавательной деятельности человека (архетипы, эталоны), отраженные во ФЕ; 2) фрагменты действительности, моделируемые на основе выделенных представлений.

Для построения когнитивной модели восприятия в качестве единиц формализации вводятся понятия «*базовая модель*» и «*частная модель*»,

связанные отношениями иерархической подчиненности. Базовые и частные модели классифицируются с учетом семантики предикатов.

При выявлении моделируемых фрагментов действительности используется классификация событийных и логических пропозиций. Отметим, что *пропозиция* понимается как «некое положение дел в действительности, ситуации» (Шмелева, 1988:9). Так, в работе анализируются пропозиции *существования, состояния, действия, восприятия, движения*. Названные события осуществляются в *физической, психической, интеллектуальной и социальной сфере* жизнедеятельности человека. ФЕ моделируют такие характеристики, как *количество, качество, время, размер*, отраженные в логической пропозиции характеристики.

Методика моделирования предполагает учитывать актантную структуру выделенных пропозиций, пассивность / активность субъекта восприятия. Моделирование ситуации восприятия осуществляется по принципу ситуации физического воздействия. В этом случае позиция объекта физического воздействия, отраженная в буквальном значении ФЕ, совпадает с позицией пассивного субъекта восприятия, представленной в метафорическом значении фразеологизма. Например: *бросаться (кидаться, метаться) в глаза (кому)* – «*привлекать к себе чье-л. внимание; быть особенно заметным*». Ср.: *jump (leap, strike) to the eye (one's eyes)* – «*бросаться в глаза, привлекать внимание*»; *Jump, leap* – прыгать; *Strike* – бить. Позиция пассивного субъекта восприятия выделяется по отношению к внешнему (третьему) наблюдателю в ситуации перцептивного контакта между двумя собеседниками. Введение понятия «пассивный субъект восприятия» является принципиальным, поскольку позволяет проследить схему смысловой трансформации семантики ФЕ.

Выявлены четыре базовые модели на основе типизации буквальных значений ФЕ. В моделях органы перцепции представлены как *инструмент, субъект, объект* (инструмент рассматривается как факультативный актант пропозиции восприятия, который является разновидностью объекта). Традиционно *актант* определяется как «элемент событийной пропозиции, соответствующий действующему лицу в ситуации» (Шмелева, 1988:43). Классификация базовых моделей осуществляется с учетом *пространственных характеристик* органов перцепции.

2.4. МОДЕЛИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО, АУДИАЛЬНОГО И ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Описанная выше методика лингвистического моделирования позволяет выявить когнитивные модели визуального, аудиального и обонятельного восприятия, порядок представления которых обусловлен коли-

чеством входящих в каждую модель ФЕ. В отличие от визуальной и аудиальной моделей, модель обонятельного восприятия представлена только тремя базовыми моделями, поскольку компонент «орган обоняния» не репрезентируется как инструмент пропозиции.

2.4.1. Моделирование визуального восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «глаз»)

Модель визуального восприятия репрезентирована четырьмя базовыми моделями, в которых компонент «орган зрения» предстает как инструмент, субъект, объект. Базовые модели выделяются с учетом пространственных характеристик этого органа.

I. Базовая модель, отражающая орган зрения как *инструмент*, подразделяется на частные модели. В частных моделях орган зрения выступает как инструмент, при помощи которого субъект определяет различные характеристики объектов, инструмент совершения физических (физиологических) действий, инструмент восприятия визуальной информации. ФЕ обозначают фрагменты психической и интеллектуальной сферы, количественную, качественную, пространственную характеристику событий.

Например, фрагмент психической сферы, в которой осуществляется восприятие субъекта, моделируется по принципу физических действий, совершаемых с помощью инструмента измерения. Приведем примеры: *мерить глазами (взглядом) – «пристально, как бы оценивая, оглядывать»*. Ср.: *measure smb. with one's eye – «смерить кого-л. глазами»*. Инструментальное представление об органе зрения имеет эмпирическое обоснование, которое поддерживается реальными ощущениями человека, на которого этот «инструмент» направлен.

Языковое моделирование пространственной характеристики действий человека, которые осуществляются в интеллектуальной сфере, происходит на основании предикатов. Предикаты обозначают действия, совершаемые при помощи руки. Например: *насколько (куда) хватает (достаёт) глаз – «в какой степени доступно зрению, как далеко можно видеть»*. Ср.: *as far as the eye can reach – «насколько хватает зрению»*.

II. Базовая модель, репрезентирующая орган зрения как *субъект*, представлена частными моделями, в которых орган зрения отражен как субъект движения, субъект действия, субъект функционального или эмоционального состояния. ФЕ обозначают фрагменты физической и психической сферы.

Например, фрагмент психической сферы, в которой осуществляется восприятие субъекта, моделируется на основании предикатов, обозна-

чающих изменения световых характеристик предмета. Приведем примеры: *сверкать глазами (на кого)* – «взглядывая, выражать чувство гнева, раздражения и т. п.». Ср.: *flash (shoot) fire* – «*что-то глаза мечут молнии, горят, сверкают*».

III. Базовая модель, отражающая орган зрения как объект, делится на частные модели, в которых этот орган типизируется как перемещаемый (помещаемый), присоединяемый объект, объект владения, изготавливаемый или повреждаемый объект, объект качественной характеристики. ФЕ моделируют фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, пространственную характеристику событий, характеристику зрительных впечатлений, зрительной и интеллектуальной способности человека, внешнюю характеристику органа зрения.

Например, фрагмент психической сферы, в которой осуществляется восприятие субъекта, моделируется по принципу присоединения объекта к поверхности чего-либо. Приведем примеры: *не отрывать глаз (от кого, от чего)* – «*пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого-л. или на что-л.*». Ср.: *not to take (tear) one's eyes from (off) smth. / smb.* – «*не отрывать взгляда, любоваться, не спускать глаз с кого-л., чего-л.*».

IV. Базовая и частные модели строятся на основе *пространственных характеристик* органа зрения, который осмысливается как взаимно направленная часть тела, имеющая определенную локализацию на голове человека, пространство, вместилище, емкость, открытая (закрывающаяся), очищенная (неочищенная) поверхность, точка. ФЕ интерпретируют фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, временную, пространственную, качественную, количественную характеристику событий. Моделируются количество, интеллектуальные способности, характер человека.

Например, фрагмент физической сферы, в которой осуществляется движение, перемещение предметов, моделируется по принципу попадания кого-либо, чего-либо в пространство. Например: *казаться (показываться) на глаза (чьи, кому)* – «*появляться перед кем-л., у кого-л.*». Ср.: *appear to smb. 's eyes* – «*явиться, предстать перед чьими-то глазами*».

Фрагмент психической сферы, в которой фиксируются состояния человека, моделируется на основе представления об опорожнении емкости или наполнении ее жидкостью. Например: *выплакать (проплакать) все глаза* – «*очень много и часто плакать*»; *заливать глаза* – «*напиваться пьяным*». Ср.: *cry one's eyes out* – «*очень сильно плакать*». В семантике ФЕ отражен архетип «чувства – жидкость», взятый из библейской мифологии. Архетип порождает образ чаши, из которой пьет человек, переживая чувства. Этот архетип передает и закрепляет в себе их текучесть, изменчивость, динамику.

Таким образом, выявлены четыре базовые модели, на основании которых моделируется зрительное восприятие. Модели отражают орган зрения как инструмент, субъект, объект, с учетом пространственных представлений об этом органе. Образные основания ФЕ восходят к представлениям о парности, особенностям строения (наличие зрачков, век, которые перемещаются по вертикали, горизонтали, фиксируются на одном месте, расширяются или сужаются), особенностям функционирования (наличие зрительной способности, слезных желез), локализации на голове человека (верхняя крайняя точка, находящаяся на передней части головы человека) органа зрения. ФЕ номинируют количество, качественную характеристику предмета или человека, события (восприятие, существование, состояние, действие, движение), а также их качественную, количественную, пространственную, временную характеристику. События, которые происходят в физической сфере, репрезентированы 16 ФЕ, в психической – 147 ФЕ, в интеллектуальной – 51 ФЕ, социальной – 9 ФЕ. Образы ФЕ восходят к мифологическим представлениям об организации пространства (оппозиция «внутренний / внешний», «открытый / закрытый», «спереди / сзади», «верх / низ», «звезды – верх»), времени («ночь / день», «свет / тьма»), животных («птица – верх»), органах человека («дурной глаз – низ»), сверхъестественных существах («черт – низ», «Купидон – верх»), «свой / чужой». Во ФЕ отражены мифологическая классификация первоэлементов («огонь», «вода»), архетип «чувства – жидкость».

2.4.2. Моделирование аудиального восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «ухо»)

Модель слухового восприятия репрезентирована четырьмя базовыми моделями, в которых компонент «орган слуха» представлен как инструмент, субъект, объект. Базовые модели выделяются с учетом пространственных характеристик этого органа.

I. Базовая модель, отражающая орган слуха как *инструмент*, подразделяется на частные модели. В частных моделях орган слуха выступает как инструмент восприятия аудиальной информации, инструмент совершения физических действий. ФЕ номинируют фрагменты психической и социальной сферы.

Например, фрагмент психической сферы, в которой осуществляется восприятие субъекта, моделируется по принципу максимального использования инструмента восприятия. Приведем примеры: *прослушать (все) уши – «очень долго и напряженно вслушиваться, слушать в надежде услышать что-л.»*. Ср.: *be all ears – «превратиться в слух, слушать с напряженным вниманием»*.

II. Базовая модель, представляющая орган слуха как *субъект*, делится на частные модели, в которых орган слуха предстает как субъект функционального состояния, изменяющий свои внешние характеристики (температуру, цвет), субъект качественного состояния, изменяющий свой размер и форму в результате естественных физиологических процессов. ФЕ обозначают фрагменты физической и психической сферы.

Например, фрагмент психической сферы, в которой фиксируется состояние человека, моделируется по принципу изменения формы, размера субъекта. Например: *уши вянут* – «*противно слушать что-л., настолько это нелепо, глупо и т. д.*».

В буквальных значениях ФЕ орган слуха отражен как субъект качественного состояния, изменяющий свои внешние характеристики (размер, форму) в результате естественных физиологических процессов. Так, физиологическое состояние человека, связанное с потребностью человека в никотине, моделируется по принципу физиологической дисфункции субъекта состояния. Например: *уши опухли (у кого) – (угол.) «о сильном желании курить»*, а физиологическое состояние человека, которое вызвано реакцией на холод, интерпретируется как самопроизвольная деформация субъекта состояния: *уши в трубочку (заворачиваются) свернулись (у кого) – (угол.) «1. Об ощущении сильного холода»*. В метафорических значениях ФЕ репрезентированы фрагменты физической и психической сферы.

III. Базовая модель, репрезентирующая орган слуха как *объект*, классифицируется на частные модели, в которых этот орган отражен как помещаемый, повреждаемый объект, объект владения, объект, имеющий определенное функциональное предназначение, объект качественной характеристики. ФЕ интерпретируют фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, характеристики перцептивной или интеллектуальной способности, возрастные характеристики человека, внешние характеристики органа слуха.

Например, фрагмент социальной сферы, в которой осуществляются действия одного человека по отношению к другому, моделируется по принципу использования объекта как средства перемещения предмета в пространстве. Приведем примеры: *тащить (тянуть) за уши (кого) – «1. Всеми способами, всячески помогать кому-л., обычно малоспособному, нерадивому человеку в учебе, в продвижении по службе и т. п.; 2. Насильно склонять к какой-л. вере, учению»*.

Перцептивная, интеллектуальная способность человека моделируется по принципу повреждения объекта, возможного в результате деструктивной активности субъекта. Приведем примеры: *уши отсидел – «кто-л. плохо слышит; у кого-л. плохой слух»*.

В аудиальной модели восприятия ситуация восприятия представлена с позиции субъекта речевых действий или субъекта восприятия в ситуации неуспеха между коммуникантами. Действия осуществляются в психической и интеллектуальной сфере. Физическая активность субъекта действия, направленная на объект, может привести к его полной дисфункции или изменению внешних характеристик. Например: *ухо (уши) режет (дерет)* – «производит резкое, неприятное впечатление на слух; вызывает раздражение своей неуместностью, несурзностью и т. п.». Ср.: *bash smb. 's ear* – «докучать кому-л. нудными разговорами»; *Bash* – «наносить сильный удар»; *bite (chew, lug, nibble) smb. 's ear* – «выпрашивать, выклянчивать»; *Bite* – «кусать»; *Chew* – «жевать»; *Lug* – «сильно дергать»; *Nibble* – «покусывать».

Ситуация передачи ложной информации собеседнику моделируется по принципу физической активности субъекта воздействия на объект. В результате таких действий изменяются размер и форма органа слуха. Например: *тереть (потереть, шлифовать) уши* – (угол. мол.) «обманывать кого-л.».

Возрастные характеристики человека, моделируемые на основе качественной характеристики объекта. Орган слуха осмысливается с учетом его физиологических характеристик. Например: *wet behind the ears* – (досл. *мокрый за ушами*) «незрелый, неоперившийся»; «молоко на губах не обсохло», «такой невинный, как новорожденный»; *dry behind the ears* – (досл. *сухой за ушами*) «зрелый, оперившийся».

Образы ФЕ восходят к представлению о том, что у новорожденных животных после рождения последним высыхает небольшое углубление, расположенное над ушами (Evans, 1989). Образ воды во многих мифах о сотворении мира является источником всякой жизни, вышедшей из нее, но в то же время она выступает как элемент, средство растворения и утопления (Бидерман, 1996:42). Архетип воды в этих ФЕ непосредственно связан с представлением о материнском лоне – источнике жизни. С архетипом воды связаны представления о начале и конце жизни.

IV. Базовая и частные модели строятся на основе *пространственных характеристик* органа слуха, который осмысливается как часть тела, имеющая определенное расположение на голове человека / животного, расположенная в пределах ограниченного пространства, вместилище, место, открытая (закрытая) поверхность. ФЕ номинируют фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, а также количество, временную, пространственную, качественную характеристику событий.

Моделирование речевой деятельности субъекта в ситуации коммуникативного неуспеха между собеседниками происходит на основании

предиката, обозначающего действие, в результате которого какой-либо предмет попадает во «вместилище». Например: *вязнуть (навязнуть) в уши* – «надоеть постоянными разговорами об одном и том же».

Осмысление органа слуха как «вместилища» реализуется в семантике ФЕ, образное основание которых восходит к архетипу ветра. Так, образ ФЕ *надувать в уши* – «сплетничать, наушничать, наговаривать кому-л. на кого-л.» восходит к архетипу ветра как символу ненадежности, неустойчивости, пустоты. Архетип ветра связан со стихией воздуха. Ветер, как вода и огонь, – амбивалентная стихия. С одной стороны, – это сила разрушительная, губительная. С другой – положительная, приносящая прохладу и облегчение. Ветер воспринимается человеком как опасная природная стихия. Ветер в учении о символах не просто передвижение воздуха, но также сверхъестественное явление, выражающее замыслы богов. С одной стороны, принимается во внимание ненадежность ветра, его неустойчивость, а с другой – его весьма ощутимое действие (Бидерман, 1996:40).

Соответственно, данный архетип входит в образ ФЕ, номинирующей такой вид речевой деятельности, как сплетни, что отразилось в ответах информантов: *«дуть – ветер, ветер в голове – пустота. Если сплетни, то чаще всего неправда. Неправда – ничего, то есть пустословие»; «бессмысленная беседа, вранье, пустая информация»; «создавать ненужный шум, сплетни»; «дуновение, дух не несет никакой материальной информационной нагрузки, поэтому не имеет веса и значения, как и сплетни».* Кроме того, семантика ФЕ мотивируется представлениями о звучании речи субъекта во время передачи ложной информации (сплетен).

Так, при интерпретации ФЕ *«надувать в уши (кому)»*, в ответах информантов отразились характеристики звука. Приведем примеры: *«сплетни обычно шепчут на ухо, при этом дуют туда»; «когда сплетничают, обычно это делают тихо и шепотом на ухо друг другу. Используется много свистящих и шипящих звуков, и от них идет воздух»; «сплетни обычно говорят тихо – на ухо (шепчут и дуют)».*

Значимость архетипа «ветер» подтверждается регулярностью его использования при образовании других ФЕ, в том числе и в жаргонной речи. Архетипическое восприятие ветра как символа пустоты реализуется в семантике ФЕ, номинирующей представление об обмане. Например: *дуть в уши – «обманывать» (мол.)*.

Фрагмент социальной сферы, в которой осуществляется целенаправленное воздействие субъекта речи на субъект восприятия, моделируется на основании семантики предиката с семантикой силового воздействия воздушной стихии, способной оказывать весьма ощутимое

влияние. Например: *продуть уши (кому) – (жарг. мил.) «наговорить кому-л. что-л. для получения нужной информации».*

«Силовое» осмысление ветра отразилось в ответе информанта при интерпретации образа ФЕ *«держать нос по ветру»: «ветер может гонять любые предметы, так как ему захочется, не ориентируясь ни на что».*

Архетипическая символика ветра подтверждается смысловыми параллелями, закрепленными в английском сленге. Так, представления о речевых действиях субъекта, направленных на выражение отрицательной оценки, моделируются на основании активности субъекта действия, направленной на очищение слуховой полости. Действия осуществляются в психической сфере. Например: *blow it out your ear (asshole, tailpipe, barracks bag, B-bag) – «выражение презрения, гнева, недоверчивости, используемое как вызов или упрек».* Образ ФЕ восходит к представлению об очистительной символике ветра.

Временная характеристика событий интерпретируется по принципу перцептивного действия субъекта, связанного с попыткой увидеть орган слуха. Например: *не видеть как своих ушей (кого, чего) – «совсем, никогда не получить кого-л. или чего-л., не завладеть и т. п. кем-л., чем-л.».*

Отсутствие внимания субъекта восприятия в ситуации неуспеха между коммуникантами, когда речевые действия говорящего не достигают своей цели и оказываются безрезультатны, моделируется на основании предиката, обозначающего действие. В результате такого действия какой-либо предмет попадает в отверстие. В качестве такого отверстия выступает орган слуха, расположенный по бокам головы человека. Например: *в одно ухо вошло, в другое вышло – «кто-л. не обратил внимания на что-л.».* Ср.: *in one ear and out (of) the other – «не обращать внимания на что-то, считая это неинтересным, ненужным».*

В сознании информантов образное основание ФЕ вызывает различного рода ассоциации, обусловленные параллельным расположением ушей по бокам головы человека: *«как нитка в иголку, информация вошла и вышла»;* *«так как ухо представляет собой отверстие, то «входить» в него гораздо удобнее, а раз есть и второе ухо, то можно и выйти, дверей-то нет»;* *«когда муха залетела в окно дачника Петрова, а вылетела в другое. Он, впрочем, ничего и не заметил»;* *«информация не остановилась в мозгу, который находится на траектории между ушами».*

Образ ФЕ вызывает в сознании информантов ассоциации с прецедентными текстами: *«сказка про Крошечку-Ховрошечку. Она входила в одно ухо коровы, а выходила в другое. Вся работа за нее была уже сделана. И никто этого не замечал».*

Ситуация активизации внимания субъекта восприятия, наоборот, интерпретируется на основании предиката, обозначающего действие

человека, в результате которого орган слуха фиксируется в пространстве. Например: *держать ушки (уши) на макушке (у кого)* – «кто-л. насторожен, очень внимателен, готов к чему-л. непредвиденному, неожиданному».

Таким образом, моделирование аудиального восприятия происходит по четырем основным моделям, отражающим орган слуха как инструмент, субъект, объект, с учетом пространственных представлений об этом органе. Образные основания ФЕ восходят к представлениям о парности, особенностям строения (выпуклая форма наружного уха, внутренней слуховой полости), качественным характеристикам (мягкость, гибкость), особенностям функционирования (наличие слуховой способности, кровоснабжение), локализации на голове человека или животного (верхняя крайняя точка, находящаяся по бокам головы человека и верхней части головы животного) органа слуха. В метафорических значениях ФЕ отразились количество, качественная характеристика предмета или человека, события (восприятие, существование, состояние, действие, движение), а также их качественная, пространственная, временная характеристика. События, которые происходят в физической сфере репрезентированы 9 ФЕ, в психической – 52 ФЕ, в интеллектуальной – 14 ФЕ, социальной – 17 ФЕ. В образах ФЕ отражены представления об архетипических пространственных антиномиях «верх / низ», первоэлементах («огонь», «вода», «ветер»), небесных телах («солнце – верх»).

2.4.3. Моделирование обонятельного восприятия (на материале фразеологических единиц с компонентом «нос»)

Модель обонятельного восприятия репрезентирована тремя базовыми моделями, в которых компонент «орган обоняния» отражен как субъект, объект. Базовые модели строятся на основе пространственных характеристик этого органа.

I. Базовая модель, представляющая орган обоняния как субъект, распадается на частные модели, в которых орган слуха отражен как субъект движения, способный перемещаться в пространстве, субъект качественного состояния, изменяющий свой размер и форму. ФЕ моделируют фрагменты психической сферы, возрастные характеристики человека, внешнее строение органа обоняния.

Например, внешние характеристики органа обоняния моделируются на основании предиката, обозначающего изменение количественного и качественного признака живого существа. Например: *нос на двоих рос (у кого) (да одному достался)* – «о чем-л. большим и длинном носе».

II. В базовой модели, репрезентирующей орган обоняния как *объект*, выделяются частные модели, в которых этот орган типизируется как объект физического воздействия, объект владения, объект, помещаемый куда-либо, объект качественной характеристики. ФЕ отражают фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, а также качество, количество, размер, время, характер человека, внешние характеристики органа обоняния. События представлены с точки зрения их временной, пространственной, качественной характеристик.

ФЕ с компонентом «нос» интерпретируют ситуацию речевого общения коммуникантов по принципу физического воздействия на объект. Например: *тыкать / ткнуть носом (кого, во что) – «в резкой, грубой форме указать на вину, проступок кого-л.»*. Ср.: *rub smb.'s nose in it – «напоминать кому-л. об ошибке, промахе, неудаче; ткнуть кого-л. носом во что-л.»*.

Ситуация отказа человека от перцептивного (зрительного, слухового, обонятельного) контакта с объектом восприятия моделируется как вертикальное или горизонтальное перемещение объекта. Например: *задирать (драть, поднимать) нос – «заснаваться, важничать, чваниться»*. Ср.: *look down (turn up) one's nose at smth. / smb. – «смотреть сверху вниз, с презрением относиться к кому-л.»*; *have one's nose in the air – «вести себя презрительно, самодовольно, тщеславно»*.

Образы ФЕ мотивированы физическими действиями человека, которые свидетельствуют о чувстве превосходства по отношению к другим людям. Жестовая мотивированность ФЕ подтверждается ответами информантов: *«чтобы не видеть кого-то, кто тебя раздражает, надо посмотреть в другое место, например наверх»*; *«гордый и самолюбивый человек всегда ходит с высоко поднятой головой, потому что смотрит на всех свысока. Сначала про человека, который заснается, говорили: «Он задирает голову», затем стали говорить: «Он задирает нос» (ведь глаза, рот, лоб задирает нельзя)»*.

В сознании информантов ФЕ с компонентом «нос» вызывают культурные ассоциации. Ассоциации базируются на эталонных представлениях о размере и форме носа. Так, образ ФЕ *«задирать (драть, поднимать) нос»* вызывает ассоциации с эталонными представлениями о размере и форме носа: *«у римлян или у греков красивый нос был признаком знатного происхождения. Соответственно, «задирать нос» означает стараться занять более высокое положение по сравнению с настоящим»*. Устойчивые словосочетания *«греческий нос», «римский нос»* характеризуют нос, имеющий правильную форму и размер, соответствующие эталонным представлениям (Богуславский, 1994:264–265).

Характеристики размера, времени, количества моделируются на основе представлений о размере птиц. Приведем примеры: *короче воробьиного носа* – «очень мал, короток; непродолжителен»; *с гулькина (воробьиный) нос* – «1. Очень мало; 2. Очень мал, невелик». Образы воробья и голубя входят в семантику ФЕ в качестве эталонов маленьких существ.

Ситуация *прочного запоминания* человека интерпретируется по принципу физического воздействия субъекта на орган обоняния, отраженного как объект. Например: *зарубить себе на носу (лбу)* – «запомнить крепко-накрепко».

Словари фиксируют другие варианты этого оборота: «*зарубить себе на лбу*»; «*зарубить на коже*», следовательно, нос в обороте следует понимать анатомически (Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник, 1999:409). Ср.: *мотать себе на ус* – «принимать к сведению, брать на заметку, хорошенько запоминать что-л.».

Прочно запомнить – значит оставить физически различимые знаки на доступном для субъекта восприятия месте. Высказанное наблюдение подтверждается ответами информантов при интерпретации ФЕ: «*зарубить себе на носу (лбу)*». Например: «*сделать зарубки на том, что носишь*»; «*сделать зарубки на чем-то, например памятка на руке, чтобы не забыть о чем-л. важном*»; «*оставлять заметки на видном месте*». Примеры свидетельствуют о том, что орган обоняния осмысливается с учетом его локализации на лице человека (возле глаз).

Характер человека интерпретируется по принципу качественной характеристики объекта. Орган обоняния осмысливается с учетом физических свойств конкретного предмета (воска). Например: *a nose of wax* – «*тряпка, безвольный человек*»; *Wax* – «*воск*».

III. Базовая и частные модели выделяются с учетом *пространственных характеристик* органа обоняния, который осмысливается как часть тела, расположенная в пределах ограниченного пространства с другой частью тела, ограниченное пространство, полость, вместилище, открытая поверхность. ФЕ номинируют фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы, характер, интеллектуальные способности человека. События представлены с точки зрения их временной, пространственной, качественной характеристик.

Например, в метафорических значениях ФЕ отражен фрагмент физической сферы, в которой осуществляются речевые действия человека, характеризующие с точки зрения внятности произнесения звуков. Языковое моделирование фрагмента действительности происходит с помощью предлога с семантикой директива.

Например: *в нос* – «*гнусаво, с носовым призвуком (говорить, петь, произносить и т. п.)*». Ср.: *speak through the nose* – «*говорить в нос, гну-*

савить». Образы ФЕ восходят к эмпирически объяснимому эффекту от передвижения воздуха по полости, возникшего в результате простуды.

Ситуация пространственного расположения какого-либо предмета в минимальной удаленности от человека моделируется по принципу нахождения объекта в пределах эмпирически достижимого пространства, равного длине человеческого носа. Приведем примеры: *под самым носом (у кого) – «в непосредственной близости от кого-л., рядом с кем-л.»*. Ср.: *(right) under someone's very nose – «1. Прямо напротив кого-л., близко; 2. В чьем-л. присутствии»*.

Качественная характеристика речевой активности (громкости) субъекта моделируется на основании семантики предлога, обозначающего ограниченное пространство, в пределах которого распространяется речь. Например: *под нос – «очень тихо (бормотать, бубнить и т. п.)»*.

Временная характеристика событий интерпретируется по принципу расположения объекта в пределах эмпирически ограниченного пространства. Например: *на носу – «очень скоро, в самое ближайшее время вот-вот произойдет; наступит и т. п. что-л.»*. Ср.: *on the nose – (досл. на носу) «1. Точно, правильно; тютелька в тютельку; 2. Вовремя, мигнута в минуту»*.

Этимологизация образа английской ФЕ *on the nose – 1. Точно, правильно; тютелька в тютельку; 2. Вовремя, мигнута в минуту* объясняет эмпирическую обусловленность ее семантики: выражение восходит к радиовещанию, когда режиссер, оповещая исполнителей, прикладывает палец к носу. Такой жест означает сигнал к началу программы (Evans, 1989). ФЕ с компонентом «нос» («на носу», «on the nose») обозначают представления о времени, однако время здесь характеризуется не с точки зрения скорости, а во временной перспективе: настоящее – будущее (ср.: *на глазах – «1. Довольно быстро; так, что можно наблюдать, замечать»*).

Временная характеристика действий, осуществляемых в социальной сфере, моделируется по принципу нахождения объекта в пределах эмпирически ограниченного пространства. Например: *висеть на носу (у кого) – «нуждаться в незамедлительном, неотложном выполнении, исполнении и т. п.»*. Ср.: *win by a nose – «выиграть с наименьшим отрывом»*. Образ ФЕ восходит к лошадиным скачкам, когда лошадь, пришедшая первой, опережает лошадь, пришедшую за ней на расстоянии, равном длине одного носа (Spears, 1994).

Временная отдаленность чего-либо напрямую зависит от пространственной удаленности, поэтому близко во временном отношении то, что доступно зрительному восприятию (ср.: будущее «не за горами», то есть будущее «как бы находится впереди гор» и доступно зрению).

Таким образом, выявлены три базовые модели, отражающие орган обоняния как субъект, объект, с учетом пространственных представлений об этом органе. Образные основания ФЕ восходят к представлениям об особенностях строения (выпуклая форма, наличие носовой полости, которая открывается во внешнюю среду ноздрями), качественным характеристикам (твердость, мягкость), особенностям функционирования (наличие обонятельной способности, выделение таких субстанций, как насморк, кровь), локализации на голове человека (орган, находящийся на передней части лица головы человека, возле глаз) органа обоняния. ФЕ обозначают качество, количество, время, размер, качественную характеристику предмета или человека, события (восприятие, существование, состояние, действие, движение), а также их качественную, пространственную, временную характеристику. События, которые происходят в физической сфере, репрезентированы 4 ФЕ, в психической – 38 ФЕ, в интеллектуальной – 4 ФЕ, социальной – 11 ФЕ. Образы ФЕ восходят к мифологическому пласту культуры и содержат архетипические представления, в число которых входят представления о пространственных антиномиях «верх / низ», животных («птица – верх»), первоэлементах («ветер»).

2.5. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ

Общие принципы построения интегральной модели восприятия базируются на соотношении буквальных и метафорических значений ФЕ. Перцептивное восприятие, репрезентированное в виде модели, соотносится с системой пространственно-временных координат.

Выявлены наиболее «востребованные» направления межсферных метафорических переносов. Так, фрагменты физической сферы жизнедеятельности человека представлены 29 ФЕ, психической – 238 ФЕ, интеллектуальной – 69 ФЕ, социальной – 37 ФЕ.

Приведенная статистика показывает преобладание ФЕ, обозначающих фрагменты психической сферы. Этот факт имеет свое объяснение, поскольку ФЕ являются знаками, не называющими эмоций в собственном смысле, но имеющими к выражению эмоций самое непосредственное отношение. Образы ФЕ восходят к определенным физическим симптомам чувств.

ФЕ представляют собой своего рода «застывшие картинки», которые могут восприниматься визуально или ощущаться телесно. По результатам эксперимента, проведенного М.Л. Ковшовой, ФЕ «волосы

встали дыбом» в устах лысого человека вызывает невольный смех. «Это свидетельствует, как представляется, о мгновенном, зримом отождествлении данного лысого человека с образом, мотивирующим данную идиому» (Ковшова, 1999:166).

Под эмоциями мы понимаем субъективные реакции человека и животных на воздействие внешних и внутренних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, страха, радости и т.п. (Философский энциклопедический словарь, 1983:795). Процесс перцептивного восприятия играет важную роль в возникновении эмоций. Эмоции – предмет изучения различных наук: психологии, биологии и др. Различные эмоциональные состояния – предмет изучения лингвистики (Апресян, 1995; Вежбицкая, 1997; Арутюнова, 1999; Трипольская, 2000; Козеренко, 2002 и др.). «Эмоциональная система человека – одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций, по-видимому, только речь), поскольку в возникновении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие, физические реакции, интеллект, физические системы», – отмечает Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995:367).

Возникновение эмоций всегда сопряжено с процессом оценки. Так, эмоции связаны с процессом оценки, квалифицирующей объект по шкале *«хорошо – плохо»*, а также с процессом эмотивно-оценочной обработки информации с точки зрения уровня их *когнитивности (осмысленности)*.

По мнению Т.А. Трипольской, различный уровень когнитивности позволяет говорить об эмоциях, порождающих выражение эмоционального отношения, и эмоциях, более «расположенных» к формированию оценки (Трипольская, 2000:19). С точки зрения уровня когнитивности, выделяются первичные (базовые, биологически обусловленные) эмоции и вторичные, окультуренные эмоции, также более стихийные (в них преобладает чувство) и менее стихийные (в них преобладает интеллектуальная оценка) эмоции.

Еще одним качеством эмоции, существенным для характера оценки, является *интенсивность*. Эмоциональное состояние человека провоцирует гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица.

В развитии (сценарии) эмоций по тому, как они представляются в языке, Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995: 367–369) выделяет пять фаз:

1) *Первопричина эмоции* – обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей.

2) *Интеллектуальная оценка*, как непосредственная причина возникновения эмоции или собственно эмоция как результат эмоциональной оценки. В возникновении эмоций сознание играет существенную

роль. Сознание может контролировать поведение субъекта. Деятельность сознания невозможна без восприятия каких-то фактов как отправной точки для процессов мышления и возникновения эмоций.

3) *Собственно эмоция* или *состояние души*, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной или эмоциональной оценкой этого положения вещей.

4) *Желание продлить или пресечь* существование *причины*, обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией.

5) *Внешнее проявление эмоции*, которое имеет две основные формы:

а) *неконтролируемые физиологические реакции* тела на причину, вызывающую эмоцию, или на саму эмоцию (бледность, дрожь, потемнение в глазах, вспышка в глазах, расширение глаз и др.). Эти эмоции порождаются незначительной когнитивной обработкой полученной информации;

б) *контролируемые двигательные и речевые реакции* субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку. В этом случае элемент анализа сведен к максимуму, повышается уровень когнитивной обработки информации.

Предложенный Ю.Д. Апресяном «сценарий» развития эмоций подтверждается нашими наблюдениями, сделанными в ходе моделирования фрагментов психической сферы. ФЕ с компонентами, обозначающими органы перцепции, номинируют внешние проявления эмоций.

В метафорических значениях ФЕ отражены ситуации активизации, понижения или отсутствия внимания со стороны субъекта восприятия. При этом внимание понимается нами, вслед за Е.С. Кубряковой, как одна из когнитивных способностей человека концентрировать восприятие на объекте перцептуального процесса под воздействием воли человека, от его эмоций, установок, предыдущего опыта и т.п. (Кубрякова, 1995:16).

Основные направления межсферных и внутримодельных метафорических переносов находятся в непосредственной зависимости от того, как отражен тот или иной компонент во ФЕ.

Так, в модели визуального и аудиального восприятия компоненты «орган зрения» и «орган слуха» представлены как инструмент, субъект, объект. Модели выделяются с учетом пространственных представлений об этих органах. Не зафиксировано ни одной ФЕ, содержащей компонент «орган обоняния» в роли инструмента. Лакуна в модели объясняется, прежде всего, большей значимостью зрительного, слухового восприятия по сравнению с обонятельным восприятием.

В рамках *первой базовой модели* органы зрения и слуха отражены как *инструменты*, что определяется особенностями их строения и

функционирования. Моделируются фрагменты психической, интеллектуальной и социальной сферы.

В визуальной и аудиальной моделях актуализируется количественная характеристика органов зрения и слуха, обусловленная парностью этих органов. Моделирование ситуации вовлеченности человека в перцептивный процесс, качественной характеристики действий человека осуществляется с учетом представления о парности глаз и ушей.

Отражение органа зрения как инструмента обусловлено способностью этого органа определять различные характеристики предмета, оказывать физически ощутимое воздействие на человека. Человек видит и различает выражение глаз другого человека: передвижение и расширение зрачков, век. Деструктивное воздействие органа зрения воспринимается как нарушение «личного пространства» человека. Соответственно, ФЕ обозначают ситуацию коммуникативного неуспеха между людьми.

Орган слуха репрезентирован в роли инструмента, что связано с особенностями его внешнего строения (выпуклость) и расположения (по бокам головы человека). «Вещные» характеристики органа слуха мотивируют семантику ФЕ, отражающих этот орган как инструмент действия, восприятия.

Во *второй базовой модели* органы перцепции представлены в роли субъектов качественного или функционального состояния. ФЕ обозначают фрагменты физической и психической сферы.

Так, органы зрения и обоняния, отраженные как субъекты, наделяются способностью совершать движения по горизонтальной или вертикальной поверхности. Такая способность наиболее характерна для органа зрения, поскольку движения связаны со свойствами зрачка передвигаться по поверхности глазного яблока.

Орган зрения, в отличие от всех других органов перцепции, способен проявлять световые качества, что объясняется расширением зрачка в ситуации возбуждения человека. Глаза, в отличие от ушей и носа, отражены как субъект, испытывающий психоэмоциональные состояния, совершающий поступки. Субъектная позиция органа слуха и обоняния определяется изменением внешних характеристик этих органов (форма, размер). Кроме того, субъектная позиция органа слуха связана с изменением его функционального состояния.

В *третьей базовой модели* органы зрения, слуха и обоняния осмысляются как объекты. «Вещные» характеристики органов перцепции формируют основу для моделирования физиологического или психического состояния, движения, а также действия человека, которые осуществляются в психической, интеллектуальной и социальной сфере.

Органы зрения, слуха и обоняния, репрезентированные в роли объектов, перемещаются субъектом в пространстве вертикально или горизонтально или фиксируются в какой-либо точке пространства. Образы ФЕ с компонентом «глаз» восходят к движению (зафиксированности) зрачков в ситуации перцептивного восприятия.

Ситуация слухового восприятия моделируется по принципу пространственного перемещения органа слуха, отраженного как объект. Перемещения имеют эмпирически объяснимую природу, связанную с движениями головы человека по вертикали.

В семантике ФЕ орган обоняния предстает как изменяющая свое положение в пространстве часть тела, что становится возможным в результате движения головы человека по вертикали и горизонтали. ФЕ обозначают комплекс действий (в том числе зрительных, слуховых и обонятельных) в различных ситуациях (презрение, высокомерие, заинтересованность человека чем-либо и др.). Действия осуществляются в психической сфере.

Способность ФЕ с компонентом «нос» обозначать комплексные действия связана с локализацией органа обоняния на лице человека (возле глаз), его «выпирающей» формой, а также универсальностью жестовой мотивировки в ситуации отказа от зрительного, слухового или обонятельного контакта с человеком или направленности внимания человека на определенный предмет.

Органы перцепции обозначаются с учетом их качественных характеристик, моделирующих внешнее строение, перцептивную или музыкальную способность, возраст, характер человека. Кроме того, представления о физической дисфункции органа зрения моделируют зрительные впечатления человека.

Форма и размер присущи всем органам, тогда как цветовые характеристики свойственны только органу зрения. Органы обоняния и слуха осмысляются с учетом их формы и размера, физических свойств (мягкий, тугой / крепкий). Кроме того, органы перцепции характеризуются на основе представлений о зверях, птицах, а также растениях.

Органы зрения и слуха отражены как помещаемые в какое-либо место (в том числе и на значительной поверхности) объекты. «Вещные» характеристики органов слуха и обоняния мотивируют семантику ФЕ, репрезентирующих эти органы как объекты, с помощью которых предмет перемещается в пространстве.

Обозначение органа слуха как объекта, изменяющего свое функциональное состояние, обуславливается его реальными характеристиками (усилением кровообращения). Так, согласно ответам информантов, кровообращение усиливается в результате психических состояний, фи-

зических воздействий на орган слуха, тактильных ощущений (нагревание) ушей подслушивающего. Соответственно, ситуация подслушивания воспринимается как нарушение «личного пространства» человека, на которое это действие направлено.

Органы зрения и слуха называются как присоединяемые (соединяемые) с чем-либо объекты. В результате таких действий внешние характеристики органа зрения остаются неизменными, а форма и размер органа слуха деформируются.

«Вещные» характеристики органа слуха сближаются с характеристиками органа обоняния, благодаря им органы слуха и обоняния подвергаются физическим, физиологическим воздействиям со стороны какого-либо живого существа. В результате таких воздействий деформируется их внешний вид (форма, размеры и т. п.) или органы полностью отделяются от тела человека.

Обозначенные как объекты органы зрения, слуха и обоняния подвергаются разрушительному физическому воздействию со стороны субъекта. Так, неприятные зрительные, слуховые и обонятельные реакции моделируются на основе болевых ощущений.

В метафорических значениях ФЕ с компонентами «глаз» и «ухо» физически неприятные ощущения от света и звука дополняются ситуацией активизации внимания субъекта восприятия, оценкой действий. Этот факт свидетельствует о большей значимости зрительного и слухового восприятия для человека. Использование характеристик физических ощущений для обозначения ситуации зрительного восприятия отмечено в семантике десяти ФЕ, о ситуации слухового восприятия – двух ФЕ. Этот факт объясняется преобладанием представлений о деформации внешних характеристик органа слуха, о звуковом воздействии на человека.

ФЕ с компонентом «нос» номинируют действия человека, не связанные с оценкой его обонятельных ощущений. Ситуация оценки обонятельных ощущений отражена в одной ФЕ. Кроме того, ФЕ с компонентом «нос» обозначают чутье, интуицию. Внешние конфигурации органа обоняния обуславливают возможность помещать его вовнутрь чего-либо, чаще всего не предназначенного для органов зрения, слуха и обоняния человека, которому они принадлежат. Такие действия имеют в языке негативную оценку и расцениваются как нарушение «личного пространства» человека.

Представления о внешней деформации органа зрения, используемые в качестве моделирующих, репрезентированы только тремя ФЕ. Орган зрения, отраженный как объект физического воздействия, может отделяться от тела путем выкалывания, что определяется особенностями строения глазного яблока. Физическая дисфункция глаз является ре-

зультатом воздействия холода, ветра, трения какого-либо предмета о поверхность этого органа.

Пространственное представление об органах зрения, слуха и обоняния, отраженное в рамках *четвертой базовой модели*, связано с особенностями их строения и функционирования. ФЕ обозначают фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы.

Органы зрения и слуха предстают как пространство, в которое входят предметы (живые существа) окружающего мира и существуют в нем. Пространственные характеристики (наиболее типичные при осмыслении органа зрения) совсем не реализуются при отражении органа обоняния.

Глаза обозначены с учетом их пространственных характеристик и осмысляются как место, относительно которого совершаются действия человека. Любые действия, совершаемые за пределами этого пространства, оцениваются отрицательно.

Предметы, находящиеся в пространстве, обладают определенными световыми характеристиками. Световые характеристики имеют эмпирическое обоснование, поскольку отражают изменения поверхности глаз (расширение зрачка) под действием эмоций.

Предметы могут не только входить, но и выходить из пространства. Пространственное осмысление органов перцепции позволяет рассматривать их как «вместилище», в которое помещаются предметы или живые существа. Такое представление наиболее характерно для органов слуха и обоняния, что отразилось в семантике 24 ФЕ. Этот факт объясняется строением ушной и носовой полостей, характеризующихся значительным объемом.

Ситуации слухового и зрительного восприятия моделируются на основании предиката с семантикой помещения кого-либо или чего-либо внутрь «вместилища». В метафорических значениях ФЕ отразилась отрицательная оценка таких действий, которые расцениваются как нарушение «личного пространства» человека.

Отражение органа слуха как «вместилища» обуславливает возможность помещать в него значительное количество предметов, соответственно, ФЕ номинируют количество. Внешние характеристики (форма и размер) органа обоняния используются для моделирования таких характеристик, как размер, количество, качество, время.

Органы зрения и слуха обозначены как верхние, крайние точки на голове человека или животного. Пространственное расположение органа зрения формирует основу для осмысления количества, качественной характеристики тех или иных событий. Представления о пространст-

венном расположении органа слуха моделируют качественную или временную характеристику событий.

Временная характеристика событий (в перспективе настоящее – будущее) моделируется по принципу пространственного расположения объектов относительно глаз человека.

Пространственная удаленность предметов (живых существ) от человека моделируется по принципу расположения объектов в пределах соматически достижимого (недостижимого) пространства, перцептивной активности субъекта (возможностью видеть, слышать кого-либо, что-либо).

Отражение органа обоняния как «вместилища» обуславливает возможность существования в нем различных предметов, в том числе реальных человеческих субстанций (кровь, насморк). Так, языковое моделирование качественной характеристики действий, состояний, характера человека осуществляется на основании физической дисфункции органа обоняния.

В семантике ФЕ орган зрения предстает как покрытая, закрытая или открытая поверхность, что связано с закрытием и открытием век. Наименее характерно такое представление для органов слуха и обоняния.

Деструктивные, физические воздействия на поверхность глаз формируют основу для моделирования ситуации нарушения «личного пространства» человека. Противоположные действия имеют положительную оценку.

Отражение органа слуха как поверхности связано с мануальными жестами человека, направленными на закрытие органа слуха в ситуации коммуникативного неуспеха, а также движениями ушной раковины. Осмысление органа обоняния как поверхности обуславливается движениями носа (сужением и расширением ноздрей) в ситуации повышенного сексуального желания.

Органы слуха и обоняния обозначены как место помещения кого-либо или чего-либо в сидячем, стоячем (для ушей) и висячем виде (для ушей и носа). Возможность такого помещения обуславливается внешними характеристиками органов слуха и обоняния (выпуклость). Длительное нахождение предмета или живого существа в пределах этого пространства расценивается как нарушение норм общения, что отразилось в метафорических значениях ФЕ.

В семантике ФЕ орган слуха репрезентирован как место движения. ФЕ номинируют речевые действия одного человека, направленные на другого человека. Такие действия воспринимаются как нарушение границ «личного пространства» и оцениваются отрицательно.

В метафорических значениях ФЕ ситуация слухового восприятия интерпретируется на основе звуковых воздействий на человека. Такие воздействия совершаются в пределах замкнутого, ограниченного пространства. Чересчур длительное пребывание в пределах этого пространства вызывает негативную оценку со стороны слушающего собеседника. Характеристики психических, физиологических состояний, действий человека моделируются на основании предиката с семантикой звучания.

Таким образом, интегральная модель восприятия отражает совокупность эмпирических и мифологических знаний, формирующих семантику ФЕ. Общие принципы организации модели восприятия согласуются с пространственными оппозициями, выделенными в результате эмпирического представления о теле человека, пространственно-временными ориентирами мифологического членения мира. Пространственно-временные оппозиции дополняются оценкой первоэлементов или стихий («огонь», «вода», «ветер»), создающих «концептуальные матрицы», которые определяют принципы организации языковой модели восприятия и формируют ценностные ориентиры носителей языка.

Мифологическое восприятие мира соответствует вертикально-горизонтальным пространственным координатам, благодаря которым человек осмысляет не только элементы мира в системном расположении, но и их содержательные ценности.

В семантике ФЕ отражено представление о теле человека как о «вместилище», имеющем определенные пространственные границы («верх / низ», «передняя сторона / задняя сторона», «центр / периферия»). Пространственное осмысление органов восприятия опосредовано их локализацией на теле человека (животного), а также моторикой движений.

В соответствии с мифологической организацией пространства в центре мира находится сам человек, который соприкасается со всеми мирами одновременно, подвергаясь воздействию сверхъестественных существ (отсюда архетип «дурной глаз – низ»). Все окружающие человека предметы оцениваются в рамках горизонтально-вертикальных противопоставлений «внутренний / внешний», «свой / чужой» и «спереди / сзади», задающих границы безопасного/опасного жизненного пространства. Противопоставление «внутренний / внешний» актуализируется в семантике ФЕ в связи с физическими воздействиями, оказываемыми органами перцепции.

В семантике ФЕ тело человека представлено как его «личное пространство». Любые действия, связанные с нарушением границ этого пространства, с вторжением в частную жизнь других людей (подслушивание, подглядывание, разглядывание, чересчур длительное речевое воздействие), получают отрицательную оценку.

Оппозиция «верх / низ» («небо / земля») определяет ценностные точки пространства, где в орбиту оценивания попадают сверхъестественные существа («черт – низ», «Купидон – верх», «звезда – верх») и животные («птица – верх»).

В модели восприятия отражены мифологически выделенные временные оппозиции («свет / тьма», «день / ночь», «солнце – верх»). Архетипически значимые представления о тьме, ночи репрезентируются в семантике ФЕ по контрасту с архетипами света и солнца, которые оцениваются положительно. Актуальность мифологических пространственно-временных оппозиций выявляется при интерпретации ФЕ информантами.

В семантике ФЕ ветер предстает как амбивалентная стихия, с одной стороны, наделенная ощутимым влиянием, с другой – не имеющая никакого веса и значения изменчивая стихия. Архетип ветра связан с воздушным пространством, «верхним миром»; не случайно он считается сверхъестественным явлением, отражающим замыслы богов (Бидерман, 1996). Ветер соотносится с земным пространством, в этом смысле он сближается с представлением о шуме (сплетни). Огонь амбивалентен, он олицетворяет разрушительную или созидательную силу, тепло или сожжение и соотносится с жизненным пространством человека. Кроме того, архетип огня связан с пространством «нижнего мира» («адский огонь»). Архетип «вода» реализуется в семантике ФЕ как символ очистительной силы, как символ начала и конца жизни. Вода, таким образом, связана с божественным пространством.

Архетипические представления о первоэлементах эксплицируются в ответах информантов при интерпретации ФЕ. Это свидетельствует о сохранении названных архетипов в «коллективном бессознательном» носителей языка.

Принципы организации модели, отраженные в семантике ФЕ, оказываются универсальными не только для носителей русского, но и английского языков. Подобную аналогию нельзя считать совпадением, поскольку семантика соматических ФЕ определяется общечеловеческими характеристиками, свойственными любому человеку, независимо от его национальной принадлежности. Кроме того, следует учитывать, что наиболее важные мифологические мотивы одинаковы для всех народов.

Таким образом, общие принципы организации интегральной модели восприятия базируются на особенностях строения, функционирования и расположения органов перцепции. Модель восприятия соотносится с системой пространственно-временных представлений человека о мире и о самом себе, обусловленных эмпирическими знаниями об «устройстве» человека, а также мифологическим членением мира.

2.6. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ / УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы любого языка являются «зеркалом», отражающим особенности национального восприятия действительности его носителей. Во ФЕ с семантикой восприятия отразились универсальные и национально-специфичные представления носителей русского и английского языков.

Национально-культурная специфичность русских и английских ФЕ проявляется как в выборе образов-мотивов, так и моделируемых фрагментов действительности. В метафорических значениях ФЕ отражены наиболее значимые, с точки зрения носителей языка, фрагменты действительности.

Характер анализируемого материала предопределяет универсальность представлений, репрезентированных в семантике русских и английских ФЕ, что обусловлено, прежде всего, «устройством» самого человека независимо от его национальной принадлежности.

Универсальность представлений, отраженных в соматических ФЕ различных языков, отмечалась многими исследователями (Райхштейн, 1980; Арсентьева, 1989; Хайрулина, 2001 и др.).

Национально-культурная специфичность ФЕ определяется культурными ценностями, установками носителей русского и английского языков. В работах исследователей неоднократно отмечались особенности характера русских людей (Бердяев, 2000; Сукаленко, 1992; Вежицкая, 1997; Рахилина, 2000 и др.).

Анализ материала показал, что в буквальных и метафорических значениях русских ФЕ пространственные представления играют большую роль по сравнению с ФЕ английского языка. Так, по наблюдению Д.С. Лихачева, для русских природа была всегда свободой, волей, призывом; специфически русское представление о воле вольной включает свободу, соединенную с ничем не прегражденным простором (Лихачев. Цит. по: Сукаленко, 1987:117–154).

Так, в русском языке используются глаголы, связанные с размещением кого-либо, чего-либо на широком, неограниченном пространстве. Например: *глаза разбегаются (у кого)* – «кто-л. не может выбрать что-л. одно, так как желает иметь все из того, что видит»; *раскидывать глаза (глазами)* – «1. Глядеть по сторонам, озира́ться; 2. Засматриваться, кокетливо поглядывать на кого-л.»; *растерять уши* – «слушать с большим вниманием, интересом; заслушаться»; *развесивать уши* – «1. Слушать с увлечением, с доверчивостью; заслушиваться;

2. *Заслушавшись, или под впечатлением от услышанного не реагировать на что-л. должным образом, забывать о деле*».

Приведем одно из словарных значений глаголов, обозначающих пространственное расположение предмета на значительной территории. *Разбежаться* – пролечь, протянуться в разных направлениях (на широком пространстве). *Раскинуть* – разместить, расположить на широком пространстве). *Развешать* – широко, в разные стороны раскинуть (ветви) (Словарь русского языка, 1983). Отметим, что в английском языке такие глаголы не зафиксированы.

В метафорических значениях ФЕ отразилось пространство значительной протяженности, которое трудно воспринять зрением. Среди ФЕ названной номинативной направленности зафиксированы три русских и одна английская ФЕ.

Например: *глазом не окинуть* – «о большом пространстве, которое трудно обозреть, воспринять зрением»; *куда ни кинь глазом (взглядом)* – «(куда ни) посмотри, взгляни»; *насколько (куда) хватает (достает) глаз* – «в какой степени доступно зрению, как далеко можно видеть». Ср. с английским языком: *as far as the eye can see* – «настолько, насколько может видеть глаз».

Русские ФЕ обозначают безрезультатные действия субъекта, моделируемые по принципу его физической активности. Такие действия отражены в семантике восьми русских ФЕ и двух ФЕ английского языка.

Так, в качестве одной из национально обусловленных черт русского менталитета А. Вежбицкая выделяет неагентивность. Неагентивность – склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как контролера событий (Вежбицкая, 1997:33–37).

Склонность русского человека к пассивности и иррационализму, созерцательному, неагентивному восприятию жизни, которая, в свою очередь, порождает неконтролируемость эмоций, отразилась во ФЕ русского языка. Приведем примеры: *растерять уши* – «слушать с большим вниманием, интересом; заслушаться»; *глаза разбегаются (у кого)* – «кто-л. не может выбрать что-л. одно, так как желает иметь все из того, что видит»; *растерять глаза* – «не знать куда или на что смотреть, на чем остановить свое внимание при обилии чего-л.»; *хлопать ушами* – «1. Слушая что-либо, не понимать, не воспринимать то, о чем говорится; 2. Ротозейничать, не принимать никаких мер»; *хлопать глазами* – «1. Бездействовать, молчать; 2. Проявлять растерянность, смущение и т. п.»; *ковырять в носу* – «зевать, ротозейничать, обычно во время работы»; *ушами ветер делать* – «быть непрактичным человеком, не уметь использовать имеющиеся возможности». Ср. с англий-

ским языком: *stand about with one's finger up one's ear (ass)* – «заниматься пустяками; быть бесполезным».

Пассивность одного человека рождает ответное желание другого помочь ему, что отразилось в семантике ФЕ: *тащить (тянуть) за уши (кого)* – «1. Всеми способами, всячески помогать кому-л., обычно малоспособному, нерадивому человеку в учебе, в продвижении по службе и т. п.; 2. Насильно склонять к какой-л. вере, учению». Ср. с английским языком: *lead someone by the nose* – «вести кого-л. на поводу, заставлять кого-л. слепо повиноваться, держать кого-л. в подчинении, всецело подчинять себе кого-л.».

Английские ФЕ содержат большее количество глаголов с семантикой обладания. Это не является совпадением, но отражает особенности восприятия действительности носителями английского языка. Эта особенность неоднократно отмечалась в работах лингвистического характера (Арутюнова, Ширяев, 1983).

Статистический анализ материала показал, что общее число ФЕ, содержащих глаголы с семантикой владения, составляет тридцать три единицы английского и одиннадцать единиц русского языка. При этом семантика русских глаголов связана с идеей утраты объекта (растерять, раскидать, оставлять), передачи объекта кому-либо за определенную плату (продавать), сохранения (беречь, держать).

В семантике английских глаголов отразились представления об обладании (*have*), передаче (*give*), получении объекта в свое распоряжение, в том числе во временное пользование за определенную плату, возможное в результате затраченных усилий (*lend*), сохранении объекта (*keep*).

ФЕ с глаголами обладания отражают особенности мышления носителей английского языка. Для английского языкового сознания важно обозначить не столько сам факт существования объекта, сколько закреплённость объекта за конкретным человеком, владение им. Ситуация коммуникативного контакта между людьми моделируется по принципу действий субъекта, подчиненных жестким законам, предопределяющим возможность передачи объекта.

Материал показал, что для русского человека важно выразить сопричастность к происходящему, независимо от необходимых для этого усилий и возможных затрат (вплоть до утраты объекта). Семантика предикатов, используемых для моделирования ситуации зрительного или слухового восприятия, свидетельствует о беспечном отношении к объектам владения. Не случайно, что к числу «чисто английских» качеств относятся холодность и чопорность. Помимо этого, существуют общие англо-немецкие рассудочность и практичность, отмечает Е.В. Рахилина (Рахилина, 2000:93–103).

Отличительной особенностью ФЕ английского языка является преобладание существительных (два), прилагательных (двенадцать), причастий (три) в сочетании с глаголами владения. Русские ФЕ представлены двумя наречиями в сочетании с глаголами обозначенной семантики.

Преобладание в английском языке подобных конструкций обусловлено особенностями национального мировосприятия. Представления, отраженные в этих конструкциях и используемые в качестве моделирующих, отражают нацеленность носителей языка на контролируемость, «со-владение» событиями, происходящими в действительности.

Фрагменты действительности связаны, прежде всего, с полярной (положительной или отрицательной) оценкой событий. Ср.: *«уши вянут»*; *«уши в трубочку (свернулись)»*; *«лезть в (на) глаза»*; *«ездить по ушам»* и др.).

Таким образом, модель восприятия универсальна и национально специфична. Универсальность модели обусловлена «устройством» человека, независимо от его национальной принадлежности. Специфика русских ФЕ, по сравнению с ФЕ английского языка, заключается в том, что они отражают большую значимость пространственных представлений, нацеленность на выражение безрезультативных действий, полярность оценок, изобразительность образов. Русские ФЕ содержат глаголы действия, тогда как в структуре ФЕ английского языка представлены в большей мере глаголы владения.

***

Когнитивная модель восприятия представлена четырьмя базовыми моделями, выделяемыми по принципу того, как органы перцепции репрезентированы в буквальных значениях ФЕ. Базовые модели, в свою очередь, подразделяются на частные модели.

Образы ФЕ с компонентом «глаз» восходят к движениям зрачков и век, сопровождающим процессы восприятия, физиологические, психоэмоциональные состояния человека. ФЕ отражают (не отражают) ситуацию зрительного восприятия. Это обусловливается, прежде всего, универсальностью мимических движений глаз.

Любые действия, совершаемые относительно глаз человека, оцениваются отрицательно, что отразилось в метафорических значениях ФЕ. Расположение, особенности функционирования и строения органа зрения могут мотивировать семантику ФЕ, не обозначающих перцептивную деятельность человека.

В образных основаниях ФЕ с компонентом «ухо» отражены «вещные» характеристики этого органа. Звуковые воздействия на орган слу-

ха формируют основу для моделирования ситуации аудиального восприятия, тогда как физическое воздействие на уши лежит в основе интерпретации других ситуаций. Характеристики внешнего строения органа слуха дополняются особенностями его функционирования (прилив крови к ушам) и локализацией на голове человека (животного).

Образы ФЕ с компонентом «нос» восходят к представлениям о «вещных» характеристиках, об особенностях функционирования (наличие различных субстанций), о локализации на голове человека. Отмеченные характеристики обуславливают номинативную направленность ФЕ с компонентом «нос» на обозначение ситуаций, не связанных с обонятельным восприятием.

Внешние характеристики органов слуха и обоняния (форма и размер) сближаются друг с другом и мотивируют семантику ФЕ, в которых данные органы отражены как объекты манипулятивных, деструктивных действий. Орган зрения осмысливается с учетом отличных от органов слуха и обоняния характеристик, что влияет на характер действий, совершаемых с этим органом.

Перцептивное восприятие репрезентировано в виде универсальной языковой модели. Универсальность модели обуславливается базовым характером процессов восприятия. ФЕ с семантикой восприятия сближаются по характеру моделирующих представлений и моделируемых фрагментов действительности. Национально-культурная специфичность модели восприятия в русском языке определяется особенностями миро-восприятия носителей языка.

Выводы

1. Принципы языковой репрезентации фрагментов действительности обусловлены знаниями человека о конкретно-чувственных телесных ощущениях, о двигательной активности, опосредованы результатами культурно-познавательной деятельности носителей языка.

2. Возможность языкового моделирования определяется наличием ФЕ, мотивированных сходными представлениями о строении, функционировании, расположении органов перцепции и обозначающих фрагменты физической, психической, интеллектуальной и социальной сферы жизнедеятельности человека.

Количественный анализ показал, что фрагменты физической, психической и интеллектуальной сферы номинированы наибольшим числом ФЕ с компонентом «глаз» и наименьшим числом ФЕ с компонентом «нос». Фрагменты социальной сферы отражены наибольшим числом ФЕ с компонентом «ухо» и наименьшим числом ФЕ с компонентом

«глаз». В визуальной, аудиальной и обонятельной модели восприятия фрагменты психической сферы жизнедеятельности человека представлены максимальным числом ФЕ, тогда как фрагменты интеллектуальной, социальной и физической сферы – меньшим числом ФЕ (сферы представлены в порядке убывания репрезентирующих их ФЕ).

3. Интегральная модель восприятия отражает пространственно-временное членение мира, основанное на телесном опыте человека и мифологических представлениях о пространственно-временной организации действительности.

ФЕ являются знаками, содержащими древние представления об устройстве мира. Психолингвистический эксперимент показал, что современные носители языка осознают те или иные архетипы, пришедшие к нам из глубины веков. Ответы информантов отразили связь ФЕ с пространством культуры (прецедентными текстами, именами, архетипами). К числу наиболее упоминаемых прецедентных текстов и имен принадлежат ФЕ с аналогичной семантикой, сказки, басни, а также повесть Н.В. Гоголя «Нос» (в связи с интерпретацией ФЕ с компонентом «нос»).

Данные, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, показали двойственную мотивированность ФЕ (архетипическими представлениями, с одной стороны, и знаниями эмпирического характера – с другой).

4. Модель восприятия, представленная в семантике ФЕ, характеризуется высокой степенью универсальности в силу базовости феномена восприятия. Специфичность модели определяется особенностями мировосприятия носителей русского языка.

Универсальность моделей визуального, аудиального, обонятельного восприятия в русском языке, основанная на базовости самого феномена восприятия, подтверждается параллелями как в социальном варианте русского языка – жаргоне, так и в английском языке: когда концептуализация одних и тех же понятий осуществляется по аналогичным схемам. В этом случае в английском языке существуют эквивалентные или аналоговые единицы перевода. Кроме того, распределение английского материала и русских ФЕ жаргонного происхождения может осуществляться по принципу дополнительности: фразеологизация общечеловеческих понятий происходит только в английском языке (или в языке жаргона), но с учетом универсальных мотивирующих представлений об органах перцепции.

Перспективы исследования ФЕ связаны с изучением других видов восприятия, отраженных в семантике ФЕ. Представляется необходимым более глубоко изучить соотношение архетипических и эмпирических представлений, закрепленных в семантике ФЕ, их отражение в сознании

современных носителей языка. Перспективы изучения ФЕ связаны с экспериментальным исследованием перцептивного восприятия, отраженного в сознании носителей другого языка.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
- Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
- Башкова И.В.* Грамматика восприятия в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 180 с.
- Бердяев Н.А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века. Судьба России. – М.: Изд-во В. Шевчук, 2000. – 540 с.
- Березин Ф.М.* О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 9–26.
- Бидерман Г.* Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
- Богуславский В.М.* Человек в зеркале русской культуры, литературы, языка. – М.: Космополис, 1984. – 237 с.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии): Учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 124 с.
- Вежицкая А.* Язык, культура, познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
- Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания (аспекты семантики). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.
- Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б.* Сопоставительная фразеология (на материале германских языков): Курс лекций. – Владимир, 1990. – 80 с.
- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33–43.
- Козеренко А.Д.* Метафоры эмоций: к проблеме культурной специфики (на материале идиоматики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 26 с.
- Косарев А.Ф.* Философия мифа. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.
- Крюкова Л.Б.* Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 210 с.
- Кубрякова Е.С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 400 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
- Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 151–184.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яранцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996. – 416 с.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2.
- Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
- Мокиенко В.М.* Предисловие // Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – С. 5–14.
- Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
- Ольшанский И.Г.* Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–56.
- Опарина Е.О.* Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 186–205.
- Петров В.В.* Язык и искусственное мышление // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 5–12.
- Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
- Резанова З.И.* Языковая картина мира // Картина мира: модели, методы, концепты: Матер. Всерос. междуц. школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 3–6.
- Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – Ч. 1. – 210 с.
- Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 464 с.
- Скребцова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб.: Анатолия, 2000. – 204 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–1999. – Т. 2.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т. 4.
- Солодуб Ю.П.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М.: Флинта; Наука, 2002. – 264 с.
- Сукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Трипольская Т.А.* Языковые механизмы эмоциональной и оценочной интерпретации действительности // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 178 с.
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1979. – 238 с.
- Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.

- Хайрулина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 285 с.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1999. – 203 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1988. – 54 с.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

Источники

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: Правда, 1986. – 767 с.
- Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.
- Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.
- Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: ООО «Издательство «Астрель», 2001. – 496 с.
- Васильева А.Н. Пособие для изучения связанных сочетаний. – Вып. 1: Сочетания с существительными, обозначающими части тела. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 123 с.
- Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство «Астрель»; ЗАО «НПП «Ермак», 2004. – 285 с.
- Дубровин М.И. Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках. – М.: РОСМЭН, 1997. – 219 с.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1993. – 537 с.
- Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1998. – 704 с.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.
- Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
- Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь слэнга. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 592 с.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
- Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX ввек. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.
- Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.
- Ammer Christine. The American Heritage. Dictionary of Idioms. – Boston; New York, 1987. – 729 p.
- Chapman R. Dictionary of American slang. – N. Y.: Harper and Row, 1997. – 617 p.
- Craig Doris. Catch phrases, cliches and idioms: A dictionary of Familiar Expressions. – London: McFarland and Company, 1990. – 423 p.
- Freedman Terry and David. Dictionary of Cliche. – Kent: Wordsworth Reference, 1996. – 288 p.
- Ivor H. Evans. Brewer's dictionary of phrase and fable. – London: Brewer, 1989. – 1220 p.

Simpson John. The Concise Oxford Dictionary of proverbs. – New York: Oxford University press, 1992. – 316 p.

Spears R. NTC's American Idioms Dictionary. – Lincolnwood: National Textbook Company, 1994. – 532 p.

Thorne Tony. The dictionary of contemporary slang. – London: Bloomsbury, 1990. – 583 p.

Глава 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

3.1. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Механизмы взаимодействия языка и культуры, языка и мышления выявляются в пределах высказывания и текста. Поэтические тексты рассматриваются как особая форма коммуникации, позволяющая реконструировать фрагменты русской языковой картины мира, моделируемые путем интерпретации отдельных понятий.

На современном этапе развития лингвистической науки существует огромное количество определений понятия «текст». Это связано с его сложностью, многоаспектностью. Существуют различные подходы к тексту: литературоведческий, лингвистический, психолингвистический, коммуникативный и другие. Они различаются по тому, какие цели и задачи ставит исследователь и какие особенности текста положены в основу определения.

Текст – это речевое произведение, в котором отражается как языковая, так и речевая системность, воплощающая творческий замысел автора. С точки зрения автора, текст есть продукт речемыслительной деятельности, реализующей определенное коммуникативное намерение, концептуально отражающий один из фрагментов его языковой картины мира. С точки зрения читателя, текст – это объект познавательной деятельности, имеющий коммуникативно и концептуально значимую информацию, репрезентируемую лингвистически (Болотнова, 2004:20).

Воспринимая текст как предметно-знаковое образование, читатель продуцирует его смысл (эксплицитный и имплицитный) в соответствии со своим информационным тезаурусом, опираясь на объективный фактор – семантику текста. Она формируется на основе ориентации текстовых единиц различных уровней (их выразительных возможностей, прежде всего семантических, и образного потенциала, эстетически актуализированных в произведении), а также многообразных связей текстовых единиц «по горизонтали» в процессе линейного развития текста (синтагматический уровень) и «по вертикали» – в перспективе текста на ос-

нове возможных «притяжений и отталкиваний» (парадигматический уровень) (Болотнова, Бабенко и др., 2001: 221).

Интерпретация текста включает приобщение к имеющейся в нем различной информации: языковой, коммуникативной, эстетической – согласно концепции В.А. Кухаренко (Кухаренко, 1979), содержательно-фактуальной, подтекстовой, содержательно-концептуальной – согласно теории И.Р. Гальперина (Гальперин, 1981), логической и эстетической – по типологии А. Моля (Моль, 1966).

Специфика интерпретации художественного текста обусловлена тем, что по отношению к нехудожественному тексту он выступает как текст повышенной семантической нагрузки. В художественном тексте нельзя статически определить количество информации, которое в нем содержится, что в свою очередь приводит к явлению множественности интерпретаций.

При анализе и интерпретации художественного текста читатель сталкивается также с необходимостью учитывать их родовую и жанровую специфику, которая либо накладывает ограничения, либо дает какие-то новые направления этой интерпретации.

Текст осознается как открытое образование (дискурс), соотносимое с субъектом, его создавшим / воспринявшим, а также взаимодействующее со всеми другими подобными образованиями.

Какой бы вид общественно-речевой деятельности не представлял тот или иной текст, его композиция – это построение, коммуникативно-смысловое содержание которого выражено средствами языка. Помимо комбинаций сюжетных мотивов, приемов, фигур, тропов, параллелизмов и повторов, в литературном тексте обнаруживаются собственно грамматические средства, осуществляющие и композиционно-синтаксическую, и выразительно-эстетическую текстовые функции (Золотова, 2004:451).

В настоящее время исследователи предлагают различные типы филологического анализа художественного текста. Основные из них – лингвистический, стилистический и литературоведческий.

Лингвистический анализ текста является начальной ступенью комплексного филологического анализа и создает объективную основу для адекватной интерпретации произведения.

Цель стилистического анализа – определяя стилистические особенности текста на уровне узуса и индивидуального стиля автора, создать базу для изучения языковой и концептуальной картины мира автора, «стоящего» за текстом.

Литературоведческий анализ текста проводится в контексте творческих исканий автора на фоне общей динамики литературного процесса.

Все три вида анализа художественного произведения, отражающие этапы исследовательской деятельности, нацеленной на постижение его художественного смысла, являются важнейшими составляющими его комплексного филологического изучения.

Все указанные виды анализа отражают разный уровень погружения в содержательный план текста. Анализируя языковые средства и их организацию, можно судить о семантике текста на уровне имеющейся в нем инвариантной языковой информации. Изучая дальше структуру, семантику и прагматику текста в аспекте стилистического узуса и идиостиля автора, можно говорить о смысле текста. Исследуя смысловую структуру текста в соотнесенности с широким культурно-историческим и литературным контекстом эпохи и творческой эволюции автора, изучая образный строй и идейно-художественные особенности конкретного текста, можно судить о его художественном содержании.

Предметом лингвистического анализа художественного текста является его языковая организация: связи и отношения языковых средств разных уровней, выражающих определенное идейно-художественное содержание произведения (Болотнова, 2000:36).

Основная задача лингвистического анализа художественного текста – изучение языковых средств разных уровней в системе художественного текста с функционально-эстетической точки зрения, с точки зрения их соответствия авторскому замыслу и его индивидуальной манере письма. В художественном тексте языковые единицы могут подвергаться различного рода образной трансформации.

Как первая ступень филологического анализа лингвистический анализ текста, направленный на изучение его языковой формы, создает предпосылки для последующего стилистического анализа текста, включающего в себя, помимо лингвистических, рассмотрение экстралингвистических факторов и усиление внимания к функциональному аспекту изучения использованных в тексте языковых единиц.

Моделирование наряду с наблюдением, количественным анализом и экспериментом является общенаучным методом, под которым понимается совокупность приемов и правил изучения того или иного явления или группы явлений (Кодухов, 1974:213). В данной работе речь идет о лингвистическом моделировании, то есть о способах репрезентации явлений действительности на языковом и, в частности, синтаксическом уровне.

«Русский синтаксис предстает как «система систем», в которой каждая базовая модель со своими регулярными модификациями и неизосемическими синонимами, с возможностями распространения образует свое синтаксическое поле с центром и периферией, а совокупность базовых моделей в свою очередь составляет центр поля по отношению к

регулярному, но открытому множеству их структурно-смысловых модификаций, распространенных и синонимических конструкций...».

Как отмечает Г.А. Золотова, в отдельно взятом предложении предикативные компоненты момента речи говорящего лица относят содержание высказывания к акту говорения, то есть связывают диктум с модулем, а связь с действительностью осуществляется в тексте в диктумном плане через таксисные отношения между соседствующими предикатами, выражающими смену ситуаций и структурирующими композицию текста (Золотова, 2004:483).

Отношения между языковой формой и ее реализуемым значением, представляемые обычно как отношения плана выражения и плана содержания, регулируются и управляются перцептивной позицией говорящего, той дистанцией в реальном или иллюзорном пространстве и времени, с которой он видит и осмысляет предмет речи, и соответственно – тем способом, каким он осуществляет свои коммуникативные интенции. Выражение соответствующим образом речевого содержания, реализующего коммуникативные намерения говорящего и детерминированного его перцептивной позицией, – это и есть коммуникативная функция речи, грамматики высказывания предикативной единицы, фрагмента текста. Отсюда следует, что речь должна идти о соотношении трех организующих компонентах речи, нераздельно взаимообусловленных, – формы, значения и функции.

Рассматривая проблему моделирования реальной действительности в художественном тексте, следует говорить о том, что художественный текст как результат первичной коммуникативной деятельности автора отражает многоаспектную связь с национальной культурой. Автор моделирует художественный мир произведения, опираясь на свой культурный тезаурус, социальный и языковой опыт в соответствии с имеющимися эстетическими идеалами.

В тексте отражается связь с речевой культурой народа, его поэтическими традициями. «В содержательно-концептуальном плане художественный текст несет на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира конкретной авторской личностью с ее особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и соотносённости с культурными константами, с поэтической картиной мира в ее текстовом воплощении» (Болотнова, 2004:32).

В контексте современных исследований лингвистическое моделирование может быть рассмотрено как один из аспектов лингвистического анализа текста, позволяющий определить:

1) синтаксические модели высказываний с определенной семантикой (в данном случае семантикой восприятия);

2) роль данных высказываний в семантической организации поэтического текста.

Моделирование мира осуществляется на разных уровнях высказывания, включенного в структуру поэтического текста. Семантическая структура высказывания отражает модели восприятия и способы осмысления окружающего мира автором художественного произведения. В поэтическом тексте базисные смыслы осложнены переносностью, метафоричностью, и это дает возможность исследовать способы видения мира не только в идиостиле отдельного поэта, но и в русском языке в целом. Прямые и косвенные способы представления ситуации восприятия позволяют выявить ассоциативную систему мышления автора, проявляющуюся в образных наименованиях либо всей ситуации, либо отдельных ее сторон.

3.2. СИТУАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Как уже было сказано, в настоящее время в отечественном языкознании семантика восприятия изучается на уровне лексики (Абрамян, 1984; Кретов, 1980; 1985, 1987; Каримова, 1985; Федосюк, 1988; Падучева, 1998; Моисеева, 1998; Архипова, 2000 и др.); синтаксиса (Золотова; 1982; Примова, 1984; Кобозева, 1988; Логачева, 1988; Одинцова, 1994; Шмелева, 1994; Башкова, 1995), семантической структуры ситуации восприятия (Гак, 1973; Золотова, 1982; Пятчина, 1987; Логачева, 1988; Кривокубова, 1992; Урысон, 1998; Гейко, 1999).

Имеются работы, в которых анализируется роль лексики восприятия в организации поэтического текста, точнее, ее функции в структуре лирического произведения (Ландсман, 1984; Караваева, 1989; Кочетков, 1992 и др.).

Как утверждает С.Е. Караваева, лексика восприятия – сложное структурно-семантическое образование с высокой степенью упорядоченности языковых единиц. Элементы семантических полей «свет», «цвет», «звук» в поэтических текстах в большинстве случаев утрачивают свою исходную денотативную соотнесенность и при переносном употреблении включаются в иные семантические поля, чаще всего в семантическое поле обозначений эмоционально-психического состояния человека. Лексемы семантического поля восприятия относятся к

субъективным словам. Благодаря семантике слов контекстуального окружения у них появляется оценочный компонент значения.

Смысл текста актуализируется при учете контекстуальных наращений и индивидуальной картины мира автора. Основным способом достижения символической экспрессии речи и эффекта «колеблющихся смыслов» являются ослабление денотативной соотнесенности, переход в другие семантические поля. Элементы семантического поля восприятия регулярно акцентируют семантическую тему «эмоционально-психического состояния» и связаны с ней коннотативным компонентом значения. Языковые единицы – члены семантического поля восприятия – являются субъективными словами. Для них релевантен семантический признак «оценка» (Караваева, 1989).

Всякая локальная интерпретация текста относительна в силу того, что каждое отдельное лишь частично отражает общее. Она нуждается в последующем подтверждении или опровержении выдвигаемых по мере развертывания текста гипотез. Микроструктуры текста репрезентируют поверхностный смысл соответствующих фрагментов текста. Будучи диалектически связанным с глубинным смыслом произведения, поверхностный смысл соответствующих фрагментов создает основу для последующей глобальной интерпретации.

Элементы ситуации, согласно денотативной концепции значения, соответствуют компонентам структуры – предикату и актантам, коррелирующим с ролевыми функциями «участников события» (Ольшанский, 1983:53). Элементами ситуации, отраженной в высказывании, являются, таким образом, субъекты и объекты, их свойства, статус и функции, действия, процессы, состояния, отношения. В.Г. Гак выделяет в структуре ситуации объекты – субстанции координацию их состояний и отношения между ними, особенно подчеркивая роль временной и пространственной координации (Гак, 1973:359).

Рассмотрение высказываний со значением восприятия в рамках конкретного поэтического произведения – это один из аспектов моделирования ситуации восприятия (следующий после анализа лексических единиц со значением восприятия).

Своеобразие высказываний художественного текста заключается в том, что они фиксируют не реальные ситуации, а моделируемые художественно в соответствии с эстетической концепцией автора, то есть отражающие фрагменты художественного мира, образно воплощенного в тексте. В связи с этим элементы воплощенной в высказывании ситуации в сознании воспринимающего текст субъекта коррелируют как с единицами образного строя (микрообразами, образами целых ситуа-

ций), так и с единицами понятийно-концептуального уровня (Болотнова, Бабенко и др., 2001: 227).

Для поэтических текстов характерно моделирование одной ситуации по образу и подобию другой, при этом мы имеем дело с метафорическим способом описания действительности. Посредством модели восприятия могут описываться достаточно разнородные фрагменты действительности (Демешкина, 2003:113).

Следует отметить, что миромоделирующие возможности высказывания в поэтическом тексте прослеживаются на уровне объективных и субъективных смыслов.

Опираясь на проведенные ранее исследования (Золотова, 1982; Башкова, 1995 и др.), отметим, что пропозитивный слой высказываний со значением восприятия формируется в первую очередь предикатами, обозначающими процесс или результат восприятия (P). При этом обязательными актантами являются:

- лицо, воспринимающее окружающий мир посредством зрения или слуха, то есть субъект восприятия (Sub);
- предмет, источник информации, объект восприятия (Ob);
- квалификация увиденного, услышанного... (Q);
- место, поддающееся зрительному восприятию, звук, достигающий слуха повествователя, или запах (L).

Структурная организация (модель) высказываний со значением восприятия в поэтическом тексте, в зависимости от конкретно-типového значения субъект – предикат и компонентного состава предложения, может иметь различные варианты.

Зрительное восприятие квалифицируется в языковой картине мира как главный способ пространственной ориентации, так как она представляется осуществляющейся относительно глаз человека. ЗВ является наиболее разработанным в русской языковой картине мира и обладает большей значимостью по сравнению с другими типами восприятия.

Основная модель высказываний ЗВ представлена следующим образом: Sub/N1 + Vtr + Ob/N4 (Vtr – переходный глагол, N1,2,3... – грамматический падеж существительного).

Ситуация ЗВ на языковом уровне может быть репрезентирована активными и пассивными конструкциями.

1. Высказывания, представляющие процесс восприятия как активный, в зависимости от реализации основной структурной схемы делятся на две основные группы: 1) конструкции, в которых на синтаксическом уровне представлены все основные структурные компоненты (субъект, объект, предикат): *Я увидел блестящий кинжал...* (Н. Гумилев); 2) конструкции, в которых на синтаксическом уровне не представлен субъект

восприятия (основная структурная схема реализуется не в полном объеме Vtr+Ob/4): *Вижу лес и вечернее польмя...* (С. Есенин).

2. Пассивные конструкции распадаются на две группы в зависимости от способа выражения субъекта восприятия: 1) высказывания, в которых присутствует (или возможно присутствие) субъект восприятия. Структурная схема Pers/N3 + Vintr + Ob/N1 реализуется: а) в полном объеме (субъект восприятия представлен существительным или местоимением в форме косвенного падежа): *Мне видится улыбка ясных глаз...* (А. Ахматова); б) не в полном объеме (субъект не представлен, предикат выражен глаголом в форме 3-го лица единственного или множественного числа – V3sg, V3pl): *Из комнаты с венком / Вечерний виден двор...* (Б. Пастернак). Присутствие субъекта косвенно представлено через локатив; 2) высказывания, в которых субъект восприятия не эксплицирован. Ситуация ЗВ выражена безличным предложением Vs/3n + Ob/N4: *И не видно звезд, и не слышно волн* (М. Цветаева).

Человек обладает возможностью воспринимать окружающий мир не только посредством зрения, но и слуха, и это находит отражение в языке. В русской языковой картине мира **слуховое восприятие**, так же как и зрительное, разработано достаточно подробно. Высказывания СВ делятся на высказывания собственно СВ и высказывания звучания (Зв).

Основная структурная схема высказываний Зв N1 + Vf имеет различные аспекты реализации (в структуру могут входить дополнительные компоненты: Q – квалификатор звука, L – локатив).

Высказывания Зв классифицируются в зависимости от представленности на синтаксическом уровне базовых компонентов структуры:

а) высказывания, в которых представлены субъект звучания, предикат, указывающий на распространение звука, и объект звучания Sub/N1 + Vf + Ob/N4: *Два оркестра из тайного круга / Звуки шлют в лебединую сень* (А. Ахматова);

б) высказывания, в которых выражен субъект и предикат, но не назван объект звучания: L/N4-5 + Sub/N1 + Vf: *На дороге бубенец зазвякал...* (А. Ахматова); в) высказывания, в которых отсутствует субъект звучания, но обозначен звук и его распространитель Ob/N1 + Vf + (Q): *И мерзко крался шепот хриплый...* (Н. Гумилев); г) высказывания, в которых представлен объект звучания, но нет предиката, указывающего на его распространение Ob/N1 + Q/N2/(Q/Adj): *И резкий крик вороны в небе черной....* (А. Ахматова).

Высказывания СВ предполагают традиционную трехкомпонентную структуру. Они могут быть классифицированы по тем же основаниям, что и высказывания ЗВ (предикативный / непредикативный способ

представления ситуации, активность / пассивность субъекта восприятия, полная / неполная реализация основной структурной схемы).

Высказывания **обонятельного восприятия** классифицируются в зависимости от представления о постепенном уменьшении роли компонента «воспринимающий» и одновременном повышении роли компонента «воспринимаемое» (Золотова, 1982).

1. Конструкции, содержащие информацию о субъекте восприятия, объекте (или квалификации запаха) и процессе восприятия ((Sub/N1) + + Vf + Ob/N2–4). В зависимости от способа представления субъекта (активность / пассивность, эксплицитность / имплицитность) следует выделить три подгруппы: а) предложения, в которых субъект восприятия активен и эксплицитован на синтаксическом уровне (структурная схема реализуется полностью): *Этот огненный тюльпан, / Полевой огонь бе-гоний, / Жадно нюхает толпа, / Заслонив ладонью* (Б. Пастернак); б) предложения, в которых субъект пассивен и эксплицитован (структурная схема видоизменяется Pers/N3 + Vinf + Ob/N5): *Я знаю ты при-дешь опять, Благоуханьем Нильских Лилий / Меня пленять и опьянять* (А. Блок); в) неопределенно-личные предложения со значением обобщенности (активный субъект подразумевается V3pl + Ob/N4): *Так вню-хиваются в цветок. / Вглубь – до потери чувства* (М. Цветаева).

2. Конструкции, в которых представлены не все базовые компоненты структуры: 1) высказывания, в которых субъект восприятия не выражен, но есть объект, квалификация запаха и предикат Ob/N1 + Vintr + Q: *И Азией пахли гвоздики* (А. Ахматова); 2) высказывания, в которых не выражен объект восприятия, но есть квалификация запаха и указания на его распространение L + Ob|N1 + Vintr: *Пахнуло Англией – и морем – / И доблестью...* (М. Цветаева); 3) высказывания, не имеющие распространителя запаха, но назван запах и есть его квалификатор Ob/N1 + Q(N2 + + Adj)): *Свежий запах дикой мяты, / Неживой, голубоватый ночи свет* (А. Блок).

Таким образом, в поэтическом тексте представлена полная или неполная реализация основных структурных схем, характерных для высказываний восприятия в целом. Расположение обязательных компонентов в структуре высказывания определяет коммуникативными намерениями автора акцентировать внимание читателя на том или ином аспекте ситуации восприятия. Субъект восприятия в поверхностной структуре большинства высказываний не выражен. Внимание читателя фокусируется на объекте восприятия. Для высказываний звучания и восприятия запаха важную роль играет квалификатор, который представлен отдельным словом, словосочетанием или сравнительным оборотом.

Определив модель, согласно которой структурировано высказывание со значением восприятия, следует обратиться к анализу лексических средств выражения обязательных компонентов пропозиции восприятия (субъекта, объекта и предиката).

Лексические средства выражения предикативного компонента.

Типологические исследования глаголов восприятия, проведенные на материале разных языков, в том числе и на материале русского литературного языка, позволили выстроить системы восприятия в следующей последовательности: зрение и слух обслуживаются наибольшим количеством лексем, далее со значительным отрывом идут глаголы, относящиеся к обонянию, осязанию и вкусу. Выделяют шесть базовых глаголов восприятия: *видеть, слышать, слушать, пробовать, нюхать, пахнуть* (Моисеева, 1998).

Для обозначения процессов **зрительного восприятия** в русском языке существует большая группа лексических средств, которая включает: 1) глаголы зрительного восприятия; 2) глагольные словосочетания с зависимыми компонентами именами существительными *глаза, взгляд, взор, зрение*; 3) краткие прилагательные *виден, заметен*, предикативы *видно, заметно* (Кириллова, Примова, 1998).

Базовыми глаголами ЗВ в современном русском литературном языке являются *видеть, смотреть, глядеть*. Они образуют оппозицию с точки зрения активности / пассивности восприятия. Глагол *видеть* в значении «иметь зрение, обладать способностью зрения» и «воспринимать зрением» обозначает пассивное ненаправленное восприятие. К нему примыкают лексемы *видать, видно, виднеться*. Глагол *смотреть* – «устремлять, направлять взгляд куда-л.», «иметь глаза направленными на кого-л., что-л., глядеть» (МАС-2) обозначает направленное активное восприятие субъекта (Демешкина, 2000). Глаголы *смотреть / глядеть* имеют одинаковое значение и в большинстве случаев взаимозаменяемы. Базовые глаголы ЗВ встречаются в текстах всех авторов и являются наиболее употребительными: *С порога смотрит человек, / Не узнавая дома (Б. Пастернак); Так в ночь глядит последними глазами – / Наложница последнего царя (М. Цветаева); Вижу вас, злчные нивы (С. Есенин); Смотрел я тусклыми глазами, / как надо мной она грустит (А. Блок).*

В табл. 1 представлена систематизация глаголов ЗВ, в зависимости от их употребления разными авторами.

Глаголы ЗВ не единственное лексическое средство выражения предикативного компонента в высказываниях зрительной деятельности. Предикат может быть представлен глаголами иных лексико-семантических групп.

Таблица 1

Глаголы	Ахматова	Пастернак	Блок	Гумилев	Есенин	Цветаева
<i>видеть</i>	+	+	+	+	+	+
<i>смотреть</i>	+	+	+	+	+	+
<i>глядеть</i>	+	+	+	+	+	+
<i>заметить</i>	+	+	+	+	–	–
<i>наблюдать</i>	+	+	–	–	–	+
<i>узнавать</i>	+	+	–	–	–	–
<i>любоваться</i>	+	–	–	–	+	–
<i>следить</i>	–	+	+	–	–	–
<i>коситься</i>	+	–	–	–	–	–
<i>зреть</i>	–	–	–	–	+	+
<i>озираться</i>	–	–	–	–	+	–
<i>встречать</i>	–	–	+	–	–	–
<i>глазеть</i>	–	+	–	–	–	–

Высказывания ЗВ, построенные в соответствии с принципом метафорического осмысления, делятся на несколько групп в зависимости от лексического выражения предикативного компонента. Предикат в высказываниях ЗВ может быть представлен:

1) глаголами **движения, перемещения** в сочетании со словами *взор, взгляд, глаза*: *И разом взглядом начал преследовать вас* / *И потерял в толпе за турником* (Б. Пастернак);

2) глаголами **физического действия** в сочетании со словами *взор, глаза*: *Надежды знак. Но, милый друг, / Я взора на него не кину* (Н. Гумилев). *Взор* подобен материальной сущности, конкретному предмету, его можно *бросить*;

3) глаголами **взаимодействия** в сочетании с лексемами *взгляд, взор*: *Не колесо громовое – / Взглядами перекинулись двое* (М. Цветаева). Обмен *взглядами* приводит к изменению состояния;

4) глаголами **воздействия** в сочетании со словами *взор и глаза*: *И осень, ясная как знаменье, / К себе приковывает взоры* (Б. Пастернак). *Взор* воспринимается как твердый предмет. Глагол *приковать* используется в переносном значении «привлечь чье-то пристальное внимание»;

5) глаголами **мыслительной деятельности**: *Встретив на горном тебя перевале, Мой прояснившийся взор / Понял тосканские дымные дали / И очертания гор* (А. Блок). *Взор* представлен как одушевленный субъект, способный к мыслительным операциям.

В качестве предикатов, формирующих пропозицию **слухового восприятия**, выступают лексемы со значением активного и пассивного восприятия. Ядро образуют глаголы, обслуживающие непосредственно ситуацию СВ, к ним примыкает многочисленный пласт глаголов, содержащих сему звучания.

Базовыми глаголами СВ являются лексемы *слышать* / *слушать*. Они характеризуют процесс СВ с двух взаимодействующих сторон. Глаголы *слышать* / *слушать* способны отражать одну и ту же ситуацию, дополняя друг друга отображением особенностей деятельности и недейтельности восприятия со стороны субъекта. Для глагола *слушать* характерна направленность на объект восприятия, а для *слышать* – на результат восприятия (Кузнецова, 1983).

В поэтических текстах глаголы *слышать* / *слушать* функционируют в прямом значении: *Не от того ль хозяин пьет вино / И слышит, как за тонкою стеною / Пришедший гость беседует со мною* (А. Ахматова) и в переносном: *Слушает ласково песни глубокие / С запада розовой лентой заря* (С. Есенин). Поэтический текст, в отличие от прозаического, предоставляет более широкие возможности для метафорических и метонимических репрезентаций ситуации СВ.

В высказываниях СВ, где отсутствует субъект восприятия (безличных структурах), используются лексемы *слышно*, *слышаться*. Такие конструкции ориентированы на объект восприятия: *И слышно: гам ученья там, / Глухой, лиловый, отдаленный* (Б. Пастернак).

Предикативный компонент в высказываниях СВ может быть выражен глаголом *внимать*, который является синонимом к глаголу *слушать* и вносит в высказывание новые оттенки значения («слушать внимательно»), и стилистически маркирован (*высок*): *Внимаю, словно за обедней, / Молебну птичьих голосов* (С. Есенин).

В качестве предикативного компонента в высказываниях СВ используются глаголы иных лексико-семантических групп:

1) глаголы, отражающие процесс **поглощения жидкости**: *Ухо пьет – неслыханную молвь...* (М. Цветаева);

2) глаголы **физического действия**: *И ухо ловит каждый звук* (Н. Гумилев);

3) глаголы **физического состояния**: *И снится Разину – звон: Ровно капельки серебряные каплют* (М. Цветаева).

В поэтических текстах представлен широкий спектр высказываний, репрезентирующих первичную денотативную ситуацию – ситуацию звучания (звучание человека, звукоподражания, звучание и живых существ, и неживых предметов и т.д.).

В высказываниях звучания в поэтическом тексте предикативный компонент может быть выражен глаголами других лексико-семантических групп (табл. 2).

Предикативная лексика, обслуживающая ситуацию **восприятия запаха**, представлена глаголами, глагольно-именными сочетаниями, абстрактными существительными.

Таблица 2

Разряды глаголов по значению	Звук – субъект действия	Звук – объект действия
<i>Физическое действие: – проникновение вовнутрь</i>	<i>вгрызаться, влетать, ворваться, вонзаться, прорезывать</i>	<i>вдуть, вливать</i>
<i>Деструктивное действие</i>	<i>ломать, изрыть, расколоться</i>	
<i>Физическое воздействие</i>	<i>набегать, надвигаться</i>	<i>забрасывать, ловить, прибить, завести</i>
<i>Взаимодействие</i>	<i>сливаться</i>	
<i>Движение, перемещение</i>	<i>перекатиться, сойти, красться, нестись, литься, плавать, течь, под- няться</i>	<i>нести, мчать, слать, приносить, снести</i>
<i>Изменение состояния</i>	<i>просypаться, таять, замирать, уми- рать</i>	
<i>Увеличение размера</i>	<i>вырасти</i>	

Глаголы ВЗ делятся на группы по значению. В каждую группу входят лексемы, представляющие процесс ВЗ и прямо, и метафорически. При восприятии запаха развитие переносных способов представления ситуации более характерно, чем при СВ и ЗВ. «Отсутствие в лексической системе глаголов со значением активного восприятия запаха способствует развитию переносных способов представления данной ситуации» (Демешкина, 2000).

1. Глаголы со значением **процесса восприятия запаха** (*нюхать, чуть, вдыхать, впивать, чудиться*): *Так внюхиваются в цветок: / Вглубь до потери чувства!* (М. Цветаева). Процесс или результат восприятия запаха может быть представлен глаголом СВ *слышать / услышать* в переносном значении: *Дай услышать страшный запах, / Темный, пьяный, как любовь* (Н. Гумилев).

2. Глаголы со значением **«издавать запах»** (*пахнуть, разить, благоухать, исходить*): *И пахнет звездами и морем / Твой плац широкий, Женева...* (Н. Гумилев). При глаголе *дышать*, реализующем одно из своих значений, обязательно назван источник и квалификатор запаха: *И болотами дышит фиалка* (А. Блок).

3. Глаголы со значением **движения и положения запаха** в пространстве (*дохнуть, веять*): *Нынче за долгую степь / Веет впервые здоровьем* (Б. Пастернак). Исследуемая ситуация может быть структурирована предикатами, выраженными глаголами движения (*струиться, клубиться, разбрасывать*): *Слышен скрип галерей, / И клубится дыханье помой* (Б. Пастернак).

4. Глаголы, передающие **воздействие** запаха на субъект (*ударять, обжечь, очищать, душить*): *Крепкий запах морского каната / Задрожавшие ноздри обжег* (А. Ахматова).

5. Глаголы **взаимодействия** (*смешаться, сливаться*): *Вот луг, где сладкий запах меда / Смешался с запахом болот* (Н. Гумилев).

6. Глаголы **физического действия** со значением передачи: *С земли гелиотроп передает свой запах* (Б. Пастернак).

Таким образом, исследование лексических средств выражения предиката в поэтических текстах периода Серебряного века дает возможность расширить представление о метафорических способах репрезентации ситуации восприятия в русской языковой картине мира.

Лексические средства выражения субъекта восприятия

Субъект восприятия является значимым компонентом исследуемой пропозиции и в случае его представленности на поверхностном уровне высказывания репрезентируется в поэтическом тексте различными лексическими средствами.

Среди лексических средств выражения субъекта восприятия ведущее место принадлежит личным местоимениям. Личное местоимение первого лица единственного числа наиболее употребительно. Местоимения других лексико-семантических групп представлены единично (неопределенное – *кто-то*, вопросительно-относительное – *кто*, обобщенное – *все*).

Субъект восприятия выражен одушевленными именами существительными: а) личными именами; б) существительными, называющими людей: по признаку, способу существования, по профессии, роду занятий; в) существительными, называющими мифологических существ; г) названиями животных и птиц.

Выступая в роли субъекта восприятия, неодушевленные существительные реализуют переносные значения, они уподобляются одушевленному. В результате согласования субъекта восприятия с не свойственным ему предикатом возникает метафорический перенос. Способностью к восприятию наделяются и конкретные реалии действительности: *растения, планеты, артефакты*, и абстрактные сущности: *любовь, вечность, удача*... Прием олицетворения является неотъемлемой составляющей поэтического текста: *Солнце смотрит в бинокль*... (Б. Пастернак), *А любовь глядит и торжествует* (Н. Гумилев).

Субъект обонятельного восприятия представлен в высказываниях редко, его отсутствие является нормой.

Лексические средства выражения объекта восприятия

Объект восприятия в поэтическом тексте может быть представлен как предмет и как событие. Высказывания восприятия, в которых объ-

ект отражает событие, делятся на несколько групп, в зависимости от степени свернутости пропозитивного содержания:

1. Элементарные высказывания, в которых объект восприятия выражен абстрактными существительными: *Тишина, ты – лучшее / Из всего, что слышал* (Б. Пастернак).

2. Высказывания, в которых объект восприятия выражен отглагольным существительным: *Слышен лепет соли каплющей* (Б. Пастернак).

3. Высказывания, в которых объект восприятия представляет собой развернутую пропозицию, являются полипредикативными: *Стало слышно, / Как колет мороз колокольни* (Б. Пастернак).

Среди разнообразия предметов и явлений, являющихся объектом СВ, особое место принадлежит звучанию, которое на лексическом уровне выражено словом *голос*. В поэтическом тексте *голос* представлен и как орган, характеризующийся свойствами издаваемых звуков, и как актуально издаваемый звук. Разделить эти два значения не представляется возможным. Высказывания, содержащие лексему *голос*, классифицируются в соответствии с источником звучания.

При описании объекта **зрительного восприятия** используются различные определители, выраженные прилагательными или существительными в косвенном падеже. Важную роль играют световые и цветовые характеристики: *Вижу сон. Дорога черная* (С. Есенин).

В поэтическом тексте есть множество окказиональных образований, относящихся к различным вариантам синестезии. Это сочетания, в которых для характеристики объекта СВ используются зрительные определения: *Иль голосом серебряным волынка / вдали поет о вечере разлук* (А. Ахматова), *Черным храпом карет перекушен, / в белом облаке скачет лихач* (Б. Пастернак). В высказывания СВ вторгается зрительный образ, который не является доминирующим. Сопутствуя основной ситуации, он отражает индивидуально-авторское видение мира.

В высказываниях **восприятия запаха** объект рассматривается двояко: с одной стороны, как источник запаха, а с другой – сам запах. Спирок лексических средств, содержащих центральную сему «запах», в поэтических текстах ограничен из-за малочисленности высказываний ВЗ (*запах, пах, угар, перегар, затхлость, благоуханье, дух, дурман*).

Номинации источников запаха могут быть прямыми и косвенными. К прямым относятся наименования органических субстанций: растений (*дыханье гвоздики, запах полыни*), естественных веществ (*запах кожи*), продуктов естественного и искусственного происхождения (*запах готовящихся блюд*), для которых свойство пахучести – природная черта. Косвенные номинации включают названия природных явлений (*запах*

прели и земли), временных отрезков (*пахнет зимой*), событий (*пахнет дуэлью, пахнуло выпиской*), пространств (*пахнет окопом*).

Способ представления объекта зависит от типа восприятия. В высказываниях СВ и ЗВ объект восприятия представлен одиночным существительным, словосочетанием, полупредикативной конструкцией или простым предложением. В высказываниях ВЗ объект восприятия не может быть грамматически оформлен простым предложением.

После рассмотрения лексических средств выражения основных структурных компонентов следует перейти к рассмотрению роли высказываний с семантикой восприятия в конкретном художественном произведении, учитывая особенности авторского мировосприятия, выбранную модель и место в композиционной структуре текста.

Таким образом, лингвистическое моделирование как метод анализа поэтического текста предполагает следующие этапы:

1. Выявление высказываний с определенной семантикой (в частности, с семантикой восприятия) в структурной организации поэтического текста.

2. Определение основной модели, в соответствии с которой ситуация представлена на синтаксическом уровне художественного произведения.

3. Характеристика семантической структуры исследуемых высказываний с опорой на понятие пропозиции (предикат, субъект, объект и др.).

4. Особенности лексических средств выражения основных структурных компонентов.

5. Определение роли высказывания с определенной семантикой в смысловой организации поэтического текста.

6. Анализ метафорических репрезентаций исследуемой ситуации, явлений транспозиции и т.д.

3.3. АВТОРСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. АХМАТОВОЙ

Поэзия Серебряного века как феномен русской культуры – явление сложное и неоднозначное, включающее в свой состав произведения поэтов различных литературных течений и направлений. Рассматривая пропозицию как модель ситуации восприятия, постараемся определить специфику ее вербального выражения в стихотворениях наиболее ярких поэтов Серебряного века – А. Ахматовой, Н. Гумилева, А. Блока, В. Брюсова, С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, В. Ходасевича.

Использование метода моделирования при анализе поэтического текста ориентировано как на выявление индивидуально-авторских осо-

бенностей репрезентации ситуации восприятия (авторских моделей), так и на определение функций высказываний с семантикой восприятия в смысловой организации текста.

В поэзии А. Ахматовой большое количество произведений включает в свой состав пропозицию восприятия, которая вербально представлена различными типами высказываний с соответствующей семантикой. В аспекте миромоделирования важно проследить изменение способов воплощения рассматриваемой ситуации в произведениях разных периодов творческого развития автора. Изменяется и роль высказываний со значением восприятия в семантической организации поэтического текста.

Рассмотрим несколько стихотворений из сборника «Вечер» (ранний период творчества) и программное стихотворение «Творчество» из цикла «Тайны ремесла» («Седьмая книга»).

В стихотворении «Первое возвращение» в рамках отдельных высказываний и блоков актуализируются разные смысловые признаки, но в рамках целого текста усиливается один смысловой признак – «смерть». Тема смерти является семантической доминантой произведения:

*На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец;
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.*

В приведенном стихотворении высказывания звучания служат одним из средств усиления смыслового признака описываемой ситуации оцепенения, безжизненности. Первое высказывание звучания имеет традиционную семантическую структуру: включает субъект звучания (объект восприятия) и процесс звучания (формальная структура Q(Adv) + + P(Vf) + Ob(N1)). Процесс звучания выражен «идеальным глаголом звука» *гудеть* и определен при помощи наречия *торжественно*, которое задает тон всему произведению. Субъект звучания представлен существительным *колокол*. Отметим, что использование этого слова в качестве субъекта звучания или объекта слухового восприятия проходит через все творчество А. Ахматовой (17 употреблений в 146 проанализированных высказываниях). Рассматриваемое высказывание предвосхищает описание эмоционального состояния лирической героини (*дух смятен и потревожен*), представленного в следующих двух строчках.

Отметим, что констатация автором отсутствия какого-либо звучания является принципиально важным аспектом для отражения состояния

окружающего мира. Наречия *мертво* и *немо*, представленные во втором высказывании звучания, усиливают идею, заданную в первом. Они репрезентируют не только отсутствие звучания, но и процесс зрительного восприятия окружающего мира. Высказывание: *Здесь все мертво и немо* – содержит локатив (L(Adv) + N1(Ob) + Q(Adv)). Пропозиция восприятия актуализирована относительно места и времени. Субъект и процесс восприятия не выражены.

Стихотворение «Дверь полуоткрыта...» построено по принципу контраста. В первой части репрезентируется «отсутствие, уход», противопоставленный «эффекту присутствия». Во второй части представлена «горечь недоумения, непонимание». Завершается стихотворение оптимистическим взглядом в будущее:

*Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка...
Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...
Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро...*

Такой разноплановый контраст активизирует читательское восприятие и подчеркивает неожиданность, странность и драматизм происшедшего для лирической героини на фоне светлого и радостного течения жизни.

Высказывания восприятия находятся в первой части и входят в блок с обобщенным смыслом «эффект присутствия».

Первое высказывание содержит информацию о восприятии запаха, но процесс восприятия не выражен и предикатом высказывания является процесс звучания (P(Vf) + Ob/N1 + Q(Adv)). Процесс «издания запаха» репрезентирован глаголом *веять*, субъект восприятия, как и в большинстве высказываний ВЗ, отсутствует, источник запаха представлен существительным *липы*. Наречие *сладко* используется для характеристики процесса «издания запаха», являясь его адвербиальным определителем (в своем основном значении это наречие вкуса). Данное высказывание является фоном для дальнейшего смыслового развертывания стихотворения. Со второго высказывания восприятия начинается репрезентация недоумения и горечи лирической героини, которые свя-

заны с отсутствием того, кто совсем недавно был рядом. Предложение имеет структуру, достаточно распространенную в лирических произведениях (Ob(N3) + P(Vf)). Субъект восприятия не выражен эксплицитно, но его присутствие очевидно из грамматической формы глагола *внимаю* (1-е лицо, ед. число). Предикат *внимать* не просто отражает ситуацию слухового восприятия, а подчеркивает важность данного восприятия для лирической героини (*внимать* – «услышать, отнестись к чему-то со вниманием») (MAC-2)). Объект слухового восприятия выражен существительным *шорох*. Назван только звук, но нет указания на его источник. За этой неопределенностью стоит стремление лирической героини услышать то, что ей хочется, она не в силах принять и понять происшедшее.

Стихотворение «Вечерняя комната» содержит два блока высказываний. Каждый из блоков строится однотипно: от субъективного самовыражения-обобщения – к описанию, отражающему линейно-последовательную детализацию окружающих предметов, воплощенных в цвете, звуках, запахах. Само деление на блоки обусловлено сменой повествовательных планов и объектов изображения:

*Я говорю сейчас словами теми,
 Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме.
Так душно пахнет старое саше.
 И комната, где окна слишком узки,
 Хранит любовь и помнит старину,
 А над кроватью надпись по-французски
 Гласит: «*Seigneur, ayez pitie de nous*» .
 Ты сказки древних горестных заметок,
 Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих северских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.
 Последний луч, и желтый и тяжелый,
 Застыл в букете ярких георгинов,
И, как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.*

В анализируемом тексте высказывания восприятия занимают более значительное место, чем в предыдущих. С их помощью описываются предметы окружающей действительности, мир предстает в отдельных деталях, которые воспринимаются лирической героиней.

В данном стихотворении присутствуют все типы высказываний восприятия (СВ, ЗВ, ВЗ). Это свидетельствует о целостности гармоничности восприятия окружающего мира лирической героиней во всей его полноте.

Предложение, отражающее ситуацию звучания: *Жужжит пчела на белой хризантеме*, – является одним из составляющих в описании «мира», окружающего лирическую героиню ($P(Vf) + Ob(N1) + L(N6)$). Субъект восприятия не выражен. Высказывание состоит из субъекта звучания (объекта восприятия), представленного одушевленным существительным *пчела*, предиката *жужжать*, отражающего процесс звучания и его характеристики, и локатива, указывающего на место, с которого доносится звук.

Высказывание: *Так душно пахнет старое саше* – несет информацию о субъекте восприятия, но он по-прежнему не выражен эксплицитно ($Q(Adv) + P(Vf) + Ob(N4)$). Предикат репрезентирован глаголом *пахнуть*. Назван источник запаха и его характеристики. С помощью местоимения *так* автор акцентирует внимание на квалификаторе запаха.

Первое и второе высказывания восприятия описывают окружающую действительность в конкретных деталях, ничего не обобщая.

Возможно, что вторая строфа также отражает ситуацию восприятия, но на языковом уровне нет прямых указаний (кроме слова *надпись*).

Третья строфа включает в себя высказывание ЗВ ($P(Vf) + Ob(\text{слож})$). Субъект восприятия выражен имплицитно через личную форму глагола. Высказывание носит ярко выраженный полипропозитивный характер: с одной стороны, процесс зрительного восприятия лирической героиней окружающего мира, с другой – изменение признака описываемых предметов обстановки. То есть лирическая героиня не просто наблюдает, она сравнивает нынешнее состояние окружающей ее обстановки с тем, что было раньше. Предикат, представленный глаголом *померкли*, свидетельствует об изменениях в худшую сторону. Просматривается тема воспоминаний, которые посещают душу лирической героини. Она пытается заглушить их, но это невозможно.

В приведенном стихотворении содержатся зрительные определения, выраженные световыми прилагательными (*блестящий, гляцевитый*), что делает высказывания ЗВ более наглядными и информативными в контексте целого произведения.

Стихотворение завершается высказыванием слухового восприятия, имеющим классическую структуру – субъект, объект, предикат ($Q(\text{срав. оборот}) + Sub(N1) + Ob(N4)$). Субъект представлен личным местоимением первого лица, предикат – базовым глаголом СВ *слушать*, объект – существительным *звук* в сопровождении квалификатора. Данное высказывание осложнено сравнительным оборотом *как во сне*. До конца не ясно, реален ли процесс звучания, или это всего лишь грезы лирической героини.

Высказывания восприятия завершают каждую из четырех строф стихотворения, то есть они участвуют в композиционном оформлении произведения, резюмируя каждую смысловую часть. Любое из высказываний может быть самостоятельным и в то же время только в контексте создается целостный образ мира, который воспринимается лирической героиней.

В стихотворении «Я пришла сюда, бездельница...» высказывания восприятия играют важную роль в смысловой организации текста. Три блока высказываний в рамках данного текста построены однотипно, по одному логическому принципу – от детализации свойств, состояний субъекта (лирической героини) и явлений окружающей природы – к обобщению-сентенции. Второй блок высказываний детализирует окружающую природу. Он основан на принципе пространственно-перспективного воспроизведения действительности: от представления объектов крупным планом к расширению перспективы изображения и вновь к описанию реалий крупным планом:

*Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.
Над засохшей повилкою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.
Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.
Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.*

Избранный автором принцип обрисовки одного из фрагментов художественного мира позволяет наглядно и полно отразить не только индивидуально-авторскую картину мира (она воплощается в движениях, звуках, красках, запахах), но и объединить разнородность изображаемых явлений единой точкой зрения – индивидуально-авторским видением и восприятием.

Несмотря на то, что все стихотворение отражает ситуацию восприятия окружающей действительности, только два высказывания представляют ее эксплицитно. То есть мы можем сделать вывод, что при

описании ситуации восприятия далеко не все высказывания должны быть построены в соответствии с заданной моделью. Это еще один пример миромоделирования в поэтическом тексте. Высказывание зрительного восприятия с предикатом *замечаю* (P(Vf) + Ob(N4) + Q) и высказывание восприятия запаха с предикатом *пахнут* (Q(Adv) + P(Vf) + Ob(N4)) находятся в последней строфе и предшествуют обобщению – основной идее всего стихотворения.

Особо обращает на себя внимание предложение, отражающее ситуацию ЗВ. Глагол *замечать* свидетельствует о преднамеренном, целенаправленном восприятии, но в то же время его значение в контексте несколько изменяется за счет конструкции *как новое*, то есть подчеркивается мысль, что раньше было по-иному. Объект восприятия выражен обобщенным местоимением *все*.

Высказывание *Замечаю все как новое* имеет максимальную степень зависимости от контекста, подводя итог описанию, данному в предыдущих высказываниях.

Следующее предложение возвращает нас к окружающему природному миру. Представлен отдельный аспект: *Влажно пахнут тополя*. Ситуация восприятия запаха репрезентируется на языковом уровне соответствующим высказыванием. Наречие *влажно* в своем узуальном значении характеризует осязательные ощущения, а в данном контексте – обонятельные, то есть возникает синестетическое сочетание.

Стихотворение А. Ахматовой «Творчество» из цикла «Тайны ремесла» является одним из важнейших в ее творчестве. В отличие от всех проанализированных ранее стихотворений, это произведение практически полностью состоит из высказываний восприятия (а точнее, высказываний Зв и СВ).

*Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов,
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чуждятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него неповторимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже посылались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.*

В приведенном стихотворении семантической доминантой, то есть семей, актуальной в значении многочисленных групп слов, проявляющейся на всех уровнях, во всех классах слов и выступающей как организующий принцип, является тема «творчества». Тема вынесена в заглавие. В самом произведении она передается описательным путем через высказывания слухового восприятия. Возникает эффект обратной структуры, сначала заявляется доминанта, и лишь затем представлена ее реализация (Зайнетдинова, 2000).

Доминантная сема в стихотворении «Творчество» реализуется косвенными периферийными средствами, нет номинаций, прямо указывающих на творческий процесс. Однотипность языковых средств проявляется в использовании лексики одного лексико-семантического поля, в использовании подобных синтаксических структур и художественных тропов. Согласно классификации Н.С. Болотновой, смысловое развертывание данного текста происходит через усиление семы «звучание». «Творчество» представлено как звучание голосов в сознании поэта, диктовка «свыше» или из подсознания.

Использование глаголов и отглагольных сочетаний со значением слухового восприятия свидетельствует о том, что автор стихотворения воспринимает процесс творчества внутренним слухом. В одном и том же стихотворении переплетаются прямое и переносное использование глаголов восприятия: с одной стороны, лирическая героиня слышит *бой часов и раскат грома* (прямая номинация), с другой – *легких рифм сигнальные звоночки* (метафорическая номинация).

Лирическая героиня живет в мире звуков. Стихотворение заполнено лексикой слухового восприятия. В основном это существительные, указывающие на какой-либо звук: *бой, гром, голос, шепот, звон, стон, звук, звоночек*. Звуки, которые воспринимает героиня, различны по своим акустическим параметрам (например, *бой* – это громкий звук, а *шепот* – тихий).

Основу стихотворения составляют высказывания слухового восприятия и высказывания звучания. Предложения, характеризующие ситуацию звучания, имеют традиционную структуру – субъект звучания (подлежащее), процесс звучания (сказуемое) и локатив (обстоятельство) (L(Adv) + P(Vf) + Ob(N1) + Q). Локатив указывает на то, что местонахождение процесса Зв и субъекта СВ не совпадает, благодаря чему последний и обнаруживает свое присутствие: его локализация выступает своеобразной «точкой отсчета», относительно которой фиксируется пространственная сфера, где протекает процесс Зв. Например:

В ушах не умолкает бой часов, / Вдали раскат стихающего грома.

Предложения, характеризующие сам процесс слухового восприятия, разнообразны:

1. *Мне чудятся и жалобы и стоны, / Сужается какой-то тайный круг, / Но в этой бездне шепотов и звонов / Встает один, все победивший звук.*

О.Ю. Логачева характеризует подобные высказывания как отражающие «макроситуацию звучания и слухового восприятия». Такие высказывания имеют ярко выраженный полипредикативный характер (Sub(N3) + P(Vf) + Ob (слож.)). Исследователь отмечает, что данные высказывания ориентированы на первичную денотативную ситуацию (ситуацию звучания) и организуются событийно-ориентированными предикатами.

В приведенном высказывании актуализируется ирреальность происходящего. Предикат СВ представлен глаголом *чудится*. Субъект назван и выражен личным местоимением в дательном падеже. Центральное доминирующее положение сохраняется за «воспринимаемым», то есть объектом восприятия. *Звук* является не только объектом СВ, но и субъектом звучания, он гиперболизируется (*один, все победивший звук*). Высказывание полипредикативно. Предикат, отражающий процесс звучания, представлен глаголом *вставать*, который в прямом значении является глаголом физического действия. С его помощью автор репрезентирует «возникновение, появление» звука, ранее отсутствовавшего или недоступного слуху лирической героини.

2. *Так вокруг него непоравимо тихо, / Что слышно, как в лесу растет трава, / Как по земле идет с котомкой лихо...*

Предложение характеризует «макроситуацию СВ и Зв», ориентированную на первичную денотативную ситуацию, в нем опущен субъект восприятия, а предикат выражен отглагольной формой *слышно*. Наличие звучания приписывается процессу, который в реальной действительности его не имеет (глагол *расти* в основном значении отражает увеличение размера). Автор вновь акцентирует внимание на одном звуке, названном в предыдущем предложении, так как все остальное «беззвучно».

3. *Но вот уже слышались слова / И легких рифм сигнальные звочки...*

Высказывание СВ полипредикативно, так как глагол *слышатся* характеризует, с одной стороны, процесс звучания, с другой – процесс слухового восприятия. Субъект звучания представлен лексемой *слова*, но данное слово одновременно репрезентирует и объект слухового восприятия. Субъект СВ не представлен эксплицитно, но его синтаксическая позиция сохраняется и может быть заполнена при смысловой необходимости. Согласно классификации И.В. Башковой, это высказывание

дальнего бессубъектного плана. В центре – состояние-самообнаружение объекта восприятия (*послышались слова*).

Высказывания СВ отражают звучание мира реального и ирреально-го, мира внешнего и внутреннего. В восприятии лирической героини эти два мира сливаются. Процесс творчества окружен ореолом таинственности и репрезентируется соответствующими лексемами: *Бывает так: какая-то истома... / Неузнанных и пленных голосов / Мне чудятся и жалобы и стоны, / Сужается какой-то тайный круг. Словосочетания *тайный круг* и *бездна шепотов и звонов* подчеркивают непознаваемость процесса творчества, его божественную природу. В тексте наблюдается совмещение реальных конкретных и отвлеченных абстрактных понятий.*

В стихотворении «Творчество» элементы семантического поля восприятия акцентируют тему «эмоционально-психического состояния», так как процесс творчества требует определенного состояния души.

В заключительном высказывании: *И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь* – нет прямого указания на процессы СВ и Зв, но причастие *продиктованные* косвенно информирует о том, что *строчки* были «услышаны».

В стихотворении А. Ахматовой «Творчество» высказывания СВ выполняют смыслообразующую функцию. При помощи названных высказываний реализуется семантическая доминанта стихотворения. Достаточно сложно представить формальные модели высказываний восприятия в данном стихотворении, т.к. высказывания полипропозитивны. Все смыслы направлены на реализацию одной общей идеи стихотворения.

Подводя итог, отметим, что в представленных стихотворениях А. Ахматовой высказывания восприятия выполняют различные функции: описание окружающего мира, выражение внутреннего эмоционального состояния лирической героини, обобщение и др. Все они в какой-то мере направлены на формирование основной идеи произведения. В текстах раннего периода восприятие представлено как целостное, окружающий мир воспринимается во всей его полноте и гармоничности. В стихотворении «Творчество» процесс СВ не является самодостаточным, он ведет лирическую героиню к пониманию смысла услышанного, от чувственного восприятия к мыслительной деятельности. Высказывания СВ являются семантическим центром произведения.

Прямые и косвенные способы представления ситуации восприятия позволяют выявить ассоциативную систему мышления автора. Взаимодействие в стихотворении различных семантических типов высказываний позволяет говорить об особенностях авторского мировосприятия о своеобразном авторском моделировании мира, которое воплощается

вербально в сложных полипропозитивных конструкциях, структурирующих поэтический текст.

3.4. ЦЕЛОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА В СБОРНИКЕ Н. ГУМИЛЕВА «К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ»

Поэтический мир Н.С. Гумилева является многоплановым, отражающим динамику развития внутреннего, духовного мира и эволюцию творческого метода автора.

Одним из средств, характеризующих поэтическую картину мира, являются цветообозначения. Исследователями выдвигается положение о ведущей роли цвета в актуализации смысла поэтического текста. Цветообозначения рассматриваются как актуализаторы поэтической картины мира (Власова, 1990:83).

Цветовой фон играет большую роль в поэзии Н. Гумилева в разные периоды его творчества. Часто встречаются прилагательные: *белый, голубой, розовый, красный, лазурный, алый*. Широкий диапазон текстовых ассоциатов прилагательных, обозначающих цвет, выявляет различные смысловые оттенки их содержания. Наряду с общеязыковым значением цвета... прилагательные могут актуализировать дополнительные смыслы, приобретая в тексте символическое значение (Карпенко, 2000:47–48).

Прилагательные цветового обозначения, как правило, являются определителями объекта восприятия (чаще всего зрительного).

Среди произведений Н. Гумилева наиболее ярко ситуация восприятия представлена в стихотворении из сборника «К синей звезде»:

*Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой.
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.
И умер я... и видел пламя,
Невиданное никогда,
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.
Преобразая дух и тело,
Напев вставал и падал вновь.
То говорила и звенела
Твоя поющей лютней кровь.
И запах огненной и слаще
Всего, что в жизни я найду.*

*И даже лилии, стоящей
 В высоком ангельском саду.
 И вдруг из глубы осиянной
 Возник обратно мир земной,
 Ты птицей раненой неожиданно
 Затрепетала предо мной.
 Ты повторяла: «Я страдаю»,
 Но что же делать мне, когда
 Я наконец так сладко знаю,
 Что ты лишь синяя звезда.*

Все высказывания зрительного и слухового восприятия, входящие в состав стихотворения, находятся в центральной части и отражают процесс восприятия, относящийся к ирреальной сфере (*и умер я...*). Нельзя не отметить последовательность представленных типов восприятия: вторая строфа передает процесс ЗВ, третья – СВ, а четвертая – восприятия запаха. Это связано с иерархией рассматриваемых сенсорных модальностей *зрение – слух – обоняние*. Анализируемое стихотворение еще раз подтверждает идею о том, что ЗВ первично по отношению к другим типам восприятия.

По своей синтаксической структуре исследуемые предложения имеют практически все составляющие, каждое слово несет смысловую нагрузку.

Во второй строфе объект восприятия представлен словом *пламя*, которое осложнено определением *невиданное никогда*. Автор акцентирует внимание на ЗВ (P(Vf) + Ob (слож.)). Словосочетание *ослепленными глазами* предвещает предикат, выраженный глаголом *светилась*. Высказывание полипредикативно, поэтому существительное *звезда*, с одной стороны, играет роль объекта восприятия, с другой – субъекта действия (состояния).

Третья строфа отражает процесс слухового восприятия опосредованно, через высказывания звучания. В первом высказывании предикат представлен глаголами *вставал и падал*, которые являются глаголами физического действия, связанными с изменением состояния объекта. В данном контексте они отражают процесс звучания. Субъект звучания репрезентирован существительным *напев*. В высказывании констатируется не просто наличие звучания, а его появление и исчезновение. Во втором высказывании субъект звучания представлен метафорически: *То говорила и звенела / Твоя поющей лютней кровь*. Звучание приписывается субстанции, которая его не имеет. Оригинальное определение к слову *кровь* также несет идею звучания.

Четвертая строфа отражает восприятие запаха, но акцент переносится с самого процесса восприятия на сравнение: *И запах огненной и слаще / Всего, что в жизни я найду...*

Идет противопоставление воспринимаемого запаха всем подобным явлениям, а затем – детализация: *И даже лилии, стоящей / В высоком ангельском саду.*

При помощи высказываний восприятия автор переносит читателя в ирреальный мир, дает характеристику его явлениям. Высказывания восприятия занимают центральное положение в анализируемом стихотворении, имеющем кольцевую композицию. Лирический герой описывает открывшийся ему мир посредством зрения, слуха и обоняния – трех основных органов чувств, характерных для человека. Только в пятой и шестой строфе происходит возвращение к реальности и появляются высказывания, отражающие ситуацию мыслительной деятельности: *Я наконец так сладко знаю, / Что ты лишь синяя звезда.*

Таким образом, в стихотворении Н. Гумилева «Я вырван был из жизни тесной» лирический герой из мира реального переносится в иную сферу для того, чтобы постичь *невиданное никогда*. Значимо, что высказывания восприятия используются в центральной части стихотворения именно для описания ирреальных явлений. Перед нами комплексное восприятие воображаемой действительности, представленное высказываниями ЗВ, СВ и ВЗ. В финале стихотворения от чувственного восприятия лирический герой переходит к осознанию, осмыслению действительности. Процесс зрительного и слухового восприятия стимулирует процессы интеллектуальной сферы, что свидетельствует об особенностях авторского моделирования мира.

3.5. ЯВЛЕНИЯ ТРАНСПОЗИЦИИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. БЛОКА, В. БРЮСОВА, В. ХОДАСЕВИЧА (СИТУАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ – СИТУАЦИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Как уже отмечалось, поэзия Серебряного века очень разнообразна. Мы можем это наблюдать и на примере речевого воплощения ситуации восприятия. При анализе стихотворения А. Блока из цикла «Перекрестки» наблюдается совершенно иное моделирование ситуации восприятия, чем в стихотворениях А. Ахматовой.

*Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.*

Дорога под луной бела,
 Казалось, наполнилась шагами.
 Там только чья-то тень брела
 И опустилась за холмами.
 И слушал я – и услышал:
 Среди дрожащих лунных пятен
 Далеко, звонко конь скакал,
 И легкий посвист был понятен.
 Не здесь, а дальше – ровный звук.
 И сердце медленно боролось,
 О, как понять, откуда стук,
 Откуда будет слышен голос?
 И вот, слышнее звон копыт,
 И белый конь ко мне несется.
 И стало ясно, кто молчит
 И на пустом седле смеется.
 Я вышел в ночь – узнать, понять
 Далекий шорох, близкий ропот,
 Несуществующих принять,
 Поверить в мнимый конский топот.

Стихотворение имеет кольцевую композицию – первая и последняя строфы полностью совпадают.

Центральное место в синтаксической организации стихотворения занимают высказывания СВ и Зв. Если рассматривать высказывания восприятия с точки зрения их семантической структуры, то обращает на себя внимание слияние процесса восприятия с процессом мыслительной деятельности. Первое четверостишие задает тон всего произведения: *Я вышел в ночь – узнать, понять / Далекий шорох, близкий ропот...*

Формализовать приведенное высказывание практически невозможно. Абстрактные существительные, характеризующие ситуацию звучания, сочетаются с глаголами мыслительной деятельности. Задается семантическая доминанта стихотворения, которая проявляется на всех уровнях, во всех классах слов и выступает как организующий принцип. Смысловым центром является не «тема», а процесс познания. Высказывание полипропозитивно, так как объект, на который направлена мыслительная деятельность лирического героя, представлен существительным с пропозитивной семантикой (*шорох, ропот*), то есть отражает свернутую пропозицию звучания.

Второе четверостишие включает в себя высказывание, репрезентирующее процесс СВ и ЗВ. Автор не эксплицирует зрительную деятельность, но словосочетание *дорога бела* свидетельствует о процессе ЗВ,

так как включает цветовое определение. О СВ говорит сочетание *полнилась шагами*. Лексическое значение каждого слова не содержит сем, связанных с процессом звучания, но в названной синтаксической конструкции они не могут быть истолкованы иначе. При этом речь идет об ирреальных событиях, нагнетается атмосфера таинственности и непознанности.

Наиболее ярко ситуация СВ представлена в третьем четверостишии. Процесс слухового восприятия представлен базовым глаголом СВ, который в одной строке повторяется дважды. Глагол *слушал* обозначает длительный целенаправленный процесс, а глагол *услыхал* свидетельствует о результативности восприятия. То есть лирический герой поставил цель и достиг ее. Высказывание имеет полипредикативный характер. Представлена «макроситуация СВ и Зв». Высказывание ориентировано на вторичную денотативную ситуацию – ситуацию слухового восприятия: *И слушал я – и услышал: / Среди дрожащих лунных пятен / Далеко, звонко конь скакал, / И легкий посвист был понятен.*

В анализируемом высказывании субъект СВ эксплицирован. Он следует за предикатом (обратный порядок слов) и акцентирует внимание автора и читателя на процессе восприятия. Объект СВ представлен отдельной пропозицией, отражающей ситуацию звучания. Глагол *скакать* характеризуется наречием *звонко* и репрезентирует процесс Зв. Существительное *посвист* представляет пропозицию звучания в свернутом виде. Аналитический предикат *был понятен* в данном контексте свидетельствует о слиянии процесса СВ с процессом мыслительной деятельности, так как *посвист* должен быть сначала *услышан* и только затем *понятен*.

Далее следуют высказывания, отражающие ситуации звучания и мыслительной деятельности. Процессы СВ и мыслительной деятельности представлены в стихотворении А. Блока как взаимообусловленные: движение мысли подталкивает автора к процессу восприятия, а затем восприятие определенных звуков стимулирует мыслительную деятельность: *О, как понять, откуда стук, / Откуда будет слышен голос?*

Лирический герой находится в смятении. Два раза использовано воспрителное местоимение *откуда*. Это свидетельствует о неясности, нечеткости восприятия. Субъект восприятия не выражен в поверхностной структуре высказывания. Есть лишь косвенные указания на его присутствие – наличие локатива (*не здесь, а дальше*). Процесс звучания удален от воспринимающего, и отсюда возникает неясность, нечеткость восприятия.

Наконец, все проясняется: *И вот, слышнее звон копыт, / И белый конь ко мне несется. / И стало ясно, кто молчит / И на пустом седле смеется.*

Приведенное высказывание свидетельствует о результативности процессов восприятия и мыслительной деятельности, которые в тексте стихотворения представлены как взаимообусловленные (*слышнее звон – стало ясно*). Наблюдается некоторая последовательность происходящих процессов: слуховое восприятие – зрительное восприятие – мыслительные операции.

В стихотворении А. Блока высказывания восприятия, выполняя смыслообразующую функцию, тесно переплетены с высказываниями мыслительной деятельности (можно говорить об их взаимопроникновении) и являются неотъемлемой частью художественного произведения. Перед нами еще один пример моделирования ситуации восприятия. Именно взаимопроникновение процесса чувственного восприятия и процесса познания, представленное в интересующих нас высказываниях, является характерной особенностью стихотворения «Я вышел в ночь узнать, понять...».

Прежде чем перейти к рассмотрению стихотворения В. Брюсова «Голос часов», отметим, что П.Н. Кочетков, исследуя лексику восприятия в поэзии Серебряного века, в качестве материала использовал тексты именно этого поэта. Исследователь отмечает: «Важнейшей особенностью сочинительных конструкций, включающих элементы разных ЛСП, в поэзии Брюсова является то, что они отражают ориентацию поэта на конкретное (в противоположность абстрактному) слово. Это проявляется в характере определяемого понятия, которое в большинстве случаев является предметным именем. Поэтому в словесных рядах важную роль играет лексика восприятия, поскольку ее семантическая структура позволяет одновременно реализовать две функции: дескриптивную, основой которой является первичное значение, и функцию расширения ассоциативного комплекса за счет эмотивных значений, образующих соответствия с другими членами ряда... Ядро основных значений слов, относящихся к лексике восприятия, активно индуцируется в других членах ряда, дифференциальные семы при этом чаще всего нейтрализуются» (Кочетков, 1992: 15–17).

Рассмотрим стихотворение В.Л. Брюсова «Голос часов», почти полностью состоящее из высказываний звучания и слухового восприятия и позволяющее рассмотреть авторские модели реализации ситуации восприятия.

*С высокой башни колокольной,
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.
Но днем в бреду многоголосном*

*Не слышен звонкий их напев,
 Над гулким грохотом колесным,
 Над криком рынка, смехом дев.
 Когда ж устанет день, и ляжет
 Ночная тень на всех углах,
 И шуму замолчать прикажет,
 И переменит жизнь в огнях,
 Мы все, покорствуя невольно,
 В просторном царстве вечных снов,
 С высокой башни колокольной
 Внимаем голосу часов.
 Густеют и редуют тени.
 И торжествующая медь
 Зовет и нас в чреде мгновений
 Мелькнуть, побыть и умереть.*

В представленном стихотворении высказывания звучания и слухового восприятия выполняют смыслообразующую функцию. В название стихотворения вынесено слово *голос*, употребленное в переносном значении (*голос часов*), оно настраивает читателя на слуховое восприятие. Семантической доминантой данного стихотворения является представление о мгновенности, скоротечности жизни. «Голос часов» отмеряет положенное человеку время. Важно противопоставление дня и ночи. Днем человек слышит лишь суету окружающего его мира (*грохот, крик, смех...*) и только ночью *внимает голосу часов*. Опираясь на классификацию Н.С. Болотновой, можно сказать, что смысловое развертывание стихотворения происходит по принципу контраста и имеет кольцевую композицию.

Первое четверостишие представляет собой высказывание звучания, осложненное двумя полупредикативными конструкциями (деепричастными оборотами). Предикат выражен глаголом звучания – *петь*, субъект звучания – неодушевленным существительным *часы*, то есть перед нами яркий пример метафорического переноса (олицетворение). Первый деепричастный оборот отражает слияние процесса звучания с мыслительной деятельностью (*заменяя*), второй – слияние процесса ЗВ с мыслительной деятельностью (*следя*).

Во второй строфе конструкция *не слышен* не свидетельствует об отсутствии звучания. Звон часов заглушается звуками иного порядка. В высказывании отсутствует субъект восприятия. Этим автор стремится показать обобщенность субъекта, подразумевается, что «никто не слышит». Дневная суета (*гул колесный, крик дев*) заглушает звучание (*звонкий напев*).

В четвертой строфе содержится ключевое высказывание СВ: *С высокой башни колокольной / Внимаем голосу часов* (L + P(Vf) + Ob(N3) + Q).

Выделенная синтаксическая конструкция характерна для поэзии Серебряного века (А. Ахматова, А. Блок и др.). Предикат представлен глаголом *внимать*, который отражает слияние процесса СВ с мыслительной деятельностью (то есть *слушать* и *понимать*). Объект восприятия репрезентирован лексемой *голос*, функционирующей в переносном значении (Падучева, 2000). В анализируемом высказывании назван источник звучания (квалификатор) и локатив. Через высказывание восприятия поэт подводит читателя к основной идее стихотворения, заключенной в последней строфе.

Последняя строфа также представляет собой высказывание звучания. В семантический фокус помещен не процесс звучания, а объект, репрезентированный не существительным (как в большинстве рассмотренных случаев), а глагольными формами. Если рассматривать синтаксическую структуру данного предложения, то подлежащее представлено существительным *медь*, сказуемое – глаголом *зовет*, а дополнение – инфинитивами *мелькнуть*, *побыть*, *умереть*. Нетрадиционность синтаксической структуры позволяет актуализировать те смыслы, которые для автора являются принципиально важными и отражают идею целого произведения.

В стихотворении В. Брюсова «Голос часов», как и в произведениях А. Блока, процесс восприятия окружающей действительности стимулирует и направляет мыслительную деятельность лирического героя. А. Блок использует в качестве предикатов глаголы восприятия и глаголы мыслительной деятельности (*узнать*, *понять*). У В. Брюсова преобладают глаголы звучания и СВ (*нет*, *не слышать*, *замолчать*, *внимать*, *звать*). Актуализируя различные оттенки значения названных глаголов, поэт моделирует одну ситуацию по образу и подобию другой. Серьезное значение для моделирования ситуации восприятия имеют существительные с глагольной семантикой (*грохот*, *крик*, *смех*, *шум*) причастия (*призывный*) и прилагательные (*колокольный*, *многоголосный*, *звонкий*, *гулкий*).

Стихотворение В. Брюсова «Голос часов» – наглядный пример моделирования одной ситуации по образу и подобию другой. На ситуацию восприятия накладывается ситуация мыслительной деятельности. При помощи лексем с семантикой восприятия и звучания одновременно моделируются две ситуации.

Проведем анализ возможных репрезентаций ситуации восприятия в стихотворении В. Ходасевича «Стансы».

*Бывало, думал: ради мига
И год, и два, и жизнь отдам...
Цены не знает прощельга
Своим прибудным пятакам.*

***И каждый вам неслышимый шепот,
И каждый вам незримый свет
Обогащает смутный опыт
Психеи, падающей в бред.***

*Теперь иные дни настали,
Лежат морщины возле губ,
Мои минуты вздоржали,
Я стал умен, суров и скуп.*

*Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, – но коплю
Все, что так нежно ненавижу
И так язвительно люблю.*

***Я много вижу, много знаю,
Моя седеет голова,
И звездный ход я примечаю,
И слышу, как растет трава.***

Высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия полностью организуют третью строфу стихотворения. Структура высказываний традиционна для поэтического текста и русского языка в целом – *Я много вижу, много знаю...* Первая часть высказывания репрезентирует ситуацию зрительной деятельности, вторая – мыслительной. Они неразрывно связаны. (S(N1) + P(Vf) + Ob(Adv)) – субъект представлен на синтаксическом уровне личным местоимением 1-го лица, единственного числа, предикат – личной формой глагола, объект – наречием. С точки зрения лексических средств выражения основных компонентов, следует обратить внимание на объект восприятия – он не конкретизирован (это работает на основную идею произведения, о которой речь пойдет далее). Структура высказывания *И звездный ход я примечаю, / И слышу, как растет трава...* подобна проанализированной выше, но имеет некоторые особенности. Это связано, прежде всего, с конкретизацией объекта восприятия. Объекты мыслительной деятельности и слухового восприятия имеют пропозитивную семантику – в первой части высказывания объект представлен непредикативной конструкцией, а во второй – самостоятельной предикативной конструкцией. При этом объект восприятия традиционен для поэзии Серебряного века. Ср.: *Так вокруг него неповторимо тихо, / Что слышно, как в лесу растет трава...* (А. Ахматова).

Третья строфа является не только композиционным, но и смысловым центром стихотворения. Для поэтов Серебряного века характерно слияние процесса восприятия с процессом мыслительной деятельности. На языковом уровне это может быть репрезентировано в различных формах. Ср.: *Не здесь, а дальше – ровный звук. / И сердце медленно боролось, / О, как понять, откуда стук, / Откуда будет слышен голос?* (А. Блок), *Мы*

все, покорствуя невольню, / В просторном царстве вечных снов, / С высокой башни колокольной / Внимаем голосу часов (В. Брюсов).

Моделирование ситуации восприятия проходит не только на синтаксическом, но и на лексическом уровне. Используется лексика восприятия (*вижу, слышу, шепот, свет*) и лексика мыслительной деятельности (*думал, не знает, стал умен, знаю, примечаю*). Наблюдается постоянное взаимодействие: *Я много вижу, много знаю....*

В четвертой строфе идет конкретизация, внимание акцентируется на мелких деталях: *И каждый вам неслышимый шепот, / И каждый вам незримый свет...* Возможность воспринимать окружающий мир посредством зрения и слуха позволяет накапливать жизненный опыт, осмыслять окружающий мир и делать соответствующие выводы: *Старею, горблюсь, – но коплю...*

В последней строфе нет прямых указаний на зрительное и слуховое восприятие, идет обобщение того, что было сказано выше (*коплю*). В последних строках автор в оригинальной форме подводит итог: *Все, что так нежно ненавижу / И так язвительно люблю*. Перед нами оксюморон, отражающий неоднозначность как окружающего мира, так и отношения лирического героя к этому миру.

Анализ стихотворения «Стансы», с точки зрения моделирования ситуации восприятия, еще раз подтвердил мысль о неразрывности процесса восприятия и процесса мыслительной деятельности, репрезентированного на синтаксическом уровне. В. Ходасевич, так же как и другие поэты периода Серебряного века, при помощи высказываний восприятия моделирует сразу две ситуации – восприятия и мыслительной деятельности.

3.6. РОЛЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ С. ЕСЕНИНА, Б. ПАСТЕРНАКА, М. ЦВЕТАЕВОЙ (ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ МОДЕЛЕЙ)

Поэзия Серебряного века разнообразна. В этот период создают поэтические произведения художники, абсолютно непохожие по своему мировосприятию. Стихотворения С. Есенина предоставляют богатый материал для исследования в аспекте репрезентации ситуации восприятия, так как они насыщены высказываниями, отражающими процесс чувственного восприятия окружающего мира.

В поэзии С. Есенина тема Родины является одной из ведущих. Мы находим большое количество стихотворений, в которых поэт передает свое видение окружающего мира, малой родины. В ранних стихотворениях частотны синтаксические конструкции типа: *Я вижу..., Слышу я...* и т.д.

Стихотворения С. Есенина насыщены цветовыми прилагательными и существительными (*алый свет зари, белый перезвон, рыжие стога, зелень, синь*), глагольными формами с семантикой цвета (*голубеет, зеленеет*).

В поэтических текстах С. Есенина отражается целостное восприятие действительности. Лирический герой *видит, слышит, воспринимает запахи* окружающего мира.

Для того чтобы проанализировать, как ситуация восприятия представлена в поэзии С. Есенина, рассмотрим стихотворение «Гой ты, Русь, моя родная...»:

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На дугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

Семантической доминантой стихотворения является тема Руси (родины). Тема родины – лейтмотивная, доминантная сема всего творчества С. Есенина. В стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...» семантическая доминанта может быть определена как сквозная, то есть проходящая через все стихотворение. Происходит последовательное раскрытие доминантно-семантического стержня.

В стихотворении доминантная сема реализована прямыми номинациями: *низенькие околицы, девичий смех, веселый пляс...* Встречаются синтаксические конструкции с переносным значением: *синь сосет глаза, звонно чахнут тополя*. Цветовая гамма (*синь, зелень*) сопутствует доминантной линии.

Целостность семантической структуры анализируемого текста достигается через реализацию центральной темы во всех отрезках стихотворения. Высказывания восприятия занимают центральное место в произведении поэта.

Лирический герой воспринимает уникальность и в то же время простоту окружающего мира и стремится донести это до читателя. Высказывания восприятия создают иллюзию достоверности, служат для достижения авторской цели. С. Есенин противопоставляет Русь (родину) и рай, то есть воспринимает окружающий мир как реальный, неиллюзорный. Стихотворение насыщено конкретными природными и бытовыми реалиями.

В анализируемом художественном тексте семантическая доминанта реализуется через высказывания слухового и зрительного восприятия, а также восприятия запаха.

Первое высказывание не называет процесс зрительной деятельности, но подразумевается, что автор наблюдает конкретные реалии жизни людей (*в ризах образа*). Второе высказывание ЗВ имеет особую структуру. В первой части используются инфинитив и отрицание. Отрицание несет положительный эффект; конструкция *не видать конца и края* говорит о необъятности Руси, ее пространственной неограниченности.

Вторая часть высказывания реализует ту же идею, но используется конструкция с переносным значением – *синь сосет глаза*. Субъект восприятия не выражен, но подразумевается. Незнаванность субъекта может свидетельствовать о его обобщенности. Воспринимать способен не только лирический герой, но и любой другой, кто окажется рядом с ним.

Глаза представлены как субстанция, которую *синь* способна поглощать, вобрать в себя, но не сразу, а постепенно. Синтаксический и семантический субъекты не совпадают. Семантическим субъектом является лирический герой, остающийся за кадром. Он занимает пассивную позицию и подвергается воздействию, направленному на его *глаза*. Синтаксический субъект представлен абстрактным существительным *синь*. На семантическом, глубинном уровне высказывания указанное слово репрезентирует объект зрительного восприятия.

Второе четверостишие является конкретизацией первого. Появляется субъект восприятия, используется личная форма глагола ЗВ (S(N1) + + P(Vf) + Ob(N4)). Глагол *смотреть* указывает на целенаправленное восприятие окружающего мира. Следует говорить о длительности процесса ЗВ. Предложение: *А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя* – может быть включено в ряд высказываний ЗВ, как и предыдущие, но оно осложнено семантикой звучания, хотя ее наличие кажется достаточно спорным. Лексема *звонно* необычна, но значение явно мотивиро-

вано словом *звон*, которое является одним из ярких показателей ситуации звучания. Перед нами гармоничное целостное восприятие окружающей действительности. Пропозиция звучания накладывается на пропозицию ЗВ, которая доминирует в данном высказывании. Перед нами синестетическое сочетание. Ситуация ЗВ моделируется при помощи лексем с семантикой звучания.

Следующее четверостишие состоит из высказывания, передающего восприятие запаха, и высказывания звучания. В пропозиции, репрезентирующей ситуацию восприятия запаха, отсутствует субъект восприятия, используется предикат с нейтральным значением восприятия запаха (*пахнуть*), который обязательно требует указания на источник запаха или объект восприятия (P(V1) + Q + Ob(N4)). Дан квалификатор запаха (*пахнет яблоком и медом*). В конструкции *пахнет Спас* предикат сочетается с не свойственным ему объектом восприятия, выраженным абстрактным существительным, называющим крестьянский праздник, в результате чего создается метафорический перенос.

В предложении звучания – *И гудит за корогодом / На лугах веселый пляс* – названы субъект звучания (в высказываниях звучания субъект совпадает с объектом слухового восприятия), процесс звучания, есть указание на место действия (отдаленное от субъекта восприятия) (P(Vf) + L + Ob(N4) + Q). Используя терминологию О.Ю. Логачевой, данное высказывание может быть охарактеризовано как отражающее первичную денотативную ситуацию, то есть ситуацию звучания. Изображение макроситуации Зв и СВ дано с точки зрения «воспринимаемого».

Предикативный центр организован лексическим предикатом Зв. «Макроситуация» Зв и СВ получает эксплицитное выражение благодаря тому, что сема «слуховое восприятие», входящая в семантическую структуру лексического предиката Зв, находит синтагматическое проявление в синтагматических связях предикатов Зв со словами, репрезентирующими компоненты СВ. В результате в предложении обозначены обе стороны «макроситуации», но центральное доминирующее положение сохраняется за «воспринимаемым» – пропозицией Зв.

В анализируемом предложении сема СВ синтагматически реализуется в сочетании слова-предиката с именем – локальным распространителем, который указывает на субъект СВ. Компонент *за корогодом* маркирует местонахождение одушевленного предмета, как субъекта СВ, относительно места реализации процесса Зв. Местонахождения процесса Зв и субъекта СВ не совпадают, благодаря чему последний и обнаруживает свое присутствие, его локализация является своеобразной «точкой отсчета», относительно которой фиксируется пространственная сфера, где протекает процесс Зв.

В четвертом четверостишии процесс восприятия не является семантическим центром. Высказывание полипредикативно: первый предикативный компонент отражает действие субъекта (*побегу*), второй – звучание объекта восприятия (*прозвенит*): *Побегу по мятой стежке / На приволь зеленых лех, / Мне навстречу, как сережки, / Прозвенит девичий смех.*

Сравнение девичьего смеха со звоном сережек не вызывает недоумения и может быть охарактеризовано как компонент высказывания Зв, но обстоятельство *навстречу* ведет нас к мысли о зрительном восприятии. Идея ЗВ заложена в самом значении лексемы. Это высказывание подтверждает мысль о том, что лирический герой воспринимает окружающую действительность целостно, посредством всех органов чувств. Перед нами модель комплексного восприятия окружающей действительности – синтез ситуации зрительного и слухового восприятия.

Последнее высказывание в стихотворении вводится союзом *если*, что свидетельствует об ирреальности происходящего. Глагол *крикнет* характеризует ситуацию звучания, а следовательно, и слухового восприятия, но союз *если* свидетельствует лишь о возможности такой ситуации. Предложение служит квинтэссенцией основной мысли, выраженной в стихотворении, его семантической доминанты – *Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою».*

Таким образом, в поэзии С. Есенина восприятие окружающего мира лирическим героем представлено во всей его полноте и целостности. Ситуация восприятия моделируется различными языковыми средствами. Высказывания, репрезентирующие названную ситуацию, выполняют смыслообразующую функцию и служат одним из средств выражения основной идеи произведения. Особенностью стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...» является нерасчлененность ситуации восприятия (слуховое, зрительное и восприятие запаха), что ярко представлено на языковом уровне.

В творчестве Б. Пастернака описание ситуации восприятия занимает значительное место. Именно у Б. Пастернака высказывания восприятия насыщены препозитивными смыслами (фазисности, интенсивности, количественности), которые в высказываниях других поэтов встречаются редко (Крюкова, 2003). Наиболее часто перед нами репрезентирована ситуация восприятия запаха. Высказывания СВ, ЗВ и ВЗ обычно не занимают центрального места в произведениях, но наряду с другими конструкциями способствуют формированию семантической и синтаксической структуры произведения. Например: *Так пахла пыль. Так пах бурьян. / И, если разобраться, / Так пахли прописи дворян / О равенстве и*

братстве («Лето»); Тогда ночной фиалкой пахнет все: / Лета и лица. Мысли. Каждый случай... («Любка»).

В небольшом цикле стихотворений «Из летних записок» (*Друзьям в Тифлис*) высказывания восприятия занимают одно из центральных мест. Наиболее наглядно это выражено в шестом стихотворении:

*Я видел, чем Тифлис
Удержан по откосам.
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом.
Он был во весь отвес,
Как книга с фронтисписом,
На языке чудес
Кистями слив исписан.
По склонам цвел анис,
И, высясь пирамидой,
Смотрели сверху вниз
Сады горы Давида.
Я видел блеск светца
Меж кадок с олеандром
И видел ночь: чтеца
За старым фолиантом.*

Поэт рисует картину, описывает окружающий мир, воспринимаемый визуально. Образы зримы и конкретны. Общая тональность всех частей свидетельствует о том, что процесс восприятия происходил раньше, чем автор решил поведать о нем. Используются глаголы в форме прошедшего времени.

В данном стихотворении есть высказывания ЗВ, которые входят в более крупную структуру, ее содержание также отражает ситуацию зрительной деятельности. Стихотворение начинается со слов *я видел*, то есть задается актуализационный ключ к целому тексту. Названная конструкция может быть рассмотрена и как модус видения, и как пропозиция ЗВ.

В небольшом стихотворении (16 строк) указание на процесс ЗВ содержится четыре раза. Это свидетельствует о том, что лирическому герою важно передать именно свое восприятие увиденного, внести в стихотворение субъективные смыслы. Просматривается идея сопричастности происходящему. Субъектом восприятия является лирический герой, за которым стоит автор. На синтаксическом уровне субъект восприятия выражен местоимением 1-го лица, единственного числа, что также свидетельствует о центральном месте процесса восприятия в данном произведении.

В третьей строфе есть высказывание, отражающее ситуацию восприятия (в переносном значении), но субъектом восприятия является не

лирический герой, а *Сады горы Давида*, которые по отношению к основной ситуации являются объектом восприятия. Мы сталкиваемся с приемом олицетворения. Исследователи творчества Б. Пастернака относят данному приему в идиостиле поэта особое место, отмечая функциональную направленность названного тропеического средства. Ведущий принцип, формирующий олицетворение в системе, обусловлен представлением явлений внешнего мира через «буквализм» восприятия его лирическим героем.

Объект восприятия в большинстве высказываний представлен отдельной пропозицией (*по склонам цвел анис*) или существительным с пропозитивной семантикой (*блеск светца*).

В других стихотворениях цикла также используются высказывания, отражающие процесс восприятия, но субъект восприятия и сам процесс выражены на глубинном уровне. Во втором стихотворении цикла высказывания восприятия выполняют совершенно иную роль, чем в шестом:

*Как кочегар, на бак
Поднявшись, отдыхает, –
Так по ночам табак
В грядках благоухает.
С земли гелиотроп
Передает свой запах
Рассолу флотских роб,
Развешанных на трапах.
В совхозе садовод
Ворочается чаще,
Глаза на небосвод
Из шалаша тараща.
Ночь в звездах, стих норд-ост,
И жерди палисадин
Моргают сквозь нарост
Зрачками виноградин.
С левком Млечный Путь
Одною лейкой полит.
И близостью чуть-чуть
Цветам глаза мозолит.*

В анализируемом стихотворении мы выделили два высказывания восприятия запаха (Ob(N1) + L + P(V1)) и два высказывания зрительно-го восприятия. Процесс восприятия входит в состав диктумного содержания высказывания. Авторская позиция словесно не представлена. Важен не процесс, а объект восприятия (например, автор констатирует наличие *запаха гелиотропа*).

В первом высказывании предикат выражен глаголом восприятия, в значении которого содержится положительная оценка распространяемого запаха (*благоухает*). Назван источник запаха (*табак*), который является синтаксическим субъектом высказывания. Процесс восприятия актуализирован во времени (*по ночам*). В предложении содержится развернутый сравнительный оборот, отражающий особенность, индивидуальность авторского восприятия. Особенностью представленной модели является оценочность.

В третьей строфе субъектом ЗВ является не лирический герой, а другое лицо. Процесс восприятия не входит в семантический центр высказывания, а репрезентируется деепричастным оборотом (*глаза тараща*). Предикат представлен глаголом физического действия (*ворочаться*).

В последней строфе мы вновь сталкиваемся с приемом олицетворения, когда семантическим субъектом ЗВ становятся *цветы*, а синтаксический субъект представлен словосочетанием *Млечный Путь*.

На наш взгляд, важным является то, что ситуация ЗВ моделируется и в конструкциях, которые по сути не являются высказываниями ЗВ, – *И жерди палисадин / Моргают сквозь нарост / Зрачками виноградин*. Лексические единицы *моргать* и *зрачки* актуализируют исследуемые смыслы и являются метафорическими номинациями. Неодушевленным предметам приписывается определенная зрительная деятельность и даже наличие органа зрения (*моргать* – глагол физического действия, а не глагол восприятия, но названное действие непосредственно связано с органом зрения – *глазами, зрачки* как элемент органа зрения).

Сравнивая два стихотворения одного цикла, следует отметить, что в первом интересующие нас высказывания служат для передачи субъективных смыслов, а во втором – объективных (конечно, если это возможно в поэтическом произведении). В одном случае автору важно передать восприятие окружающего мира лирическим героем (*я видел*), в другом субъект восприятия не играет принципиального значения, внимание акцентируется на том или ином факте действительности (*с земли гелиотроп передает свой запах*). Для стихотворений Б. Пастернака более характерны высказывания второго типа.

В стихотворениях М.И. Цветаевой ситуация восприятия не является смысловым центром произведений. Высказывания восприятия не выполняют смыслообразующей функции. Они не занимают особо важного места в структуре произведения, но органично вплетаются в его ткань. Рассмотрим седьмое стихотворение из цикла «Ахматовой»:

*Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей,
Разъярительница ветров,*

Насылательница метелей,
 Лихорадок, стихов и войн,
 – Чернокнижница! – Крепостница! –
Я слышала грозный вой
 Львов, венчающих колесницу.
Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.
 Океаном ли правишь путь
 Или воздухом, – всю грудь
 Жду, как солнцу подставив грудь
 Смертоносному правосудью.

В данном стихотворении высказывания восприятия содержатся во второй и третьей строфе. Во второй строфе репрезентировано СВ лирической героини. Скорее всего, это восприятие ирреально. Модель высказывания традиционна (S(N1) + P(Vf) + Ob(N4) + Q): субъект восприятия, выраженный личным местоимением 1-го лица, объект восприятия (*вой львов*), предикат, представленный базовым глаголом СВ (*слышать*) и отражающий процесс СВ. Используется прямой порядок слов. Объект восприятия осложнен: есть указание на субъект (квалификатор) звучания (*львы*) и сам звук (*вой*).

В третьей строфе при помощи высказываний восприятия выражается (моделируется) идея противопоставления. Высказывания построены по принципу контраста: *Слышу страстные голоса – / И один, что молчит упорно* (P(Vf) + Ob(N4) + Q).

В первой строке высказывания слуховое восприятие лирической героини синтаксически представлено классической структурой: субъект восприятия не выражен на поверхностном уровне, но ясен из личной формы глагола. Объект восприятия лексически репрезентирован словом *голос*. Вторая строка высказывания конкретизирует объект СВ. Выше шла речь о том, что отсутствие звучания часто наиболее значимо, чем само звучание, – данная смысловая структура подтверждает это. Идет противопоставление голоса и молчания, при этом лирическая героиня «слышит» и то, и другое.

Второе высказывание имеет подобную организацию, но репрезентирует процесс ЗВ: *Вижу красные паруса – / И один – между ними – черный* (P(Vf) + Ob(N4) + Q).

Противопоставление выражено на лексическом уровне через цветочные прилагательные *красный / черный*. В узусе названные определения не противопоставлены, но в данном контексте представлены как контраст-

ные. Это подтверждает синтаксическая организация предложения (противопоставление с союзом *и* в значении *но*).

В стихотворении М. Цветаевой ситуация восприятия является одной из составляющих в смысловой организации стихотворения. Высказывания восприятия организуют часть произведения в составе целого. При помощи синтаксических структур, репрезентирующих ситуацию восприятия, моделируется совершенно иная ситуация (идея) – ситуация противопоставления. Высказывания СВ, ЗВ и ВЗ в поэзии М. Цветаевой выполняют вспомогательную функцию и не являются смысловым центром произведения.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974. – 367 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.

Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть» (К проблеме смешанных пропозитивных установок) // Логический анализ языка: Проблема интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 7–30.

Архипова Ю.Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантических групп глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 208 с.

Бабайцева В.В. Соотношение структурных и семантических признаков синтаксических единиц... // Предложение и его структура. – М., 1986. – С. 3–13.

Баикова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 180 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Томск, 2000. – Ч. 1. – 129 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Томск, 2004. – Ч. 2. – 170 с.

Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. – Томск, 2001. – 331 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – 174 с.

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – 411 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – 654 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 225 с.

Винокур Г.О. Филологические исследования. – М., 1990. – 451 с.

Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка. – М., 1992. – С. 77–84.

Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. Филология. – 1997. – №3. – С. 87–93.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 139 с.

Гейко Е.В. Смысловый тип пропозиции и его манифестация в современной русской речи (на материале высказываний, содержащих информацию о запахах): Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 1999. – 199 с.

Григорьев В.П. Опыт описания идиостилей // Очерки истории языка русской поэзии 20 века. – М., 1990. – С. 58–166.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск, 2000. – 190 с.

Демешкина Т.А. Диалектное высказывание в аспекте миромоделирования // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2003. – Ч. 1. – С. 112–116.

Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации. // Матер. V Регион. науч.-практ. семинара. – Томск, 2002. – 144 с.

Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одарической лексики в произведениях И.А. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 205 с.

Зайнетдинова К.М. Принципы семантико-стилистической организации художественного текста (на материале художественной речи): Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – 215 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – 368 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 528 с.

Зубова Л.В. Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л., 1989. – 262 с.

Караева С.Е. Лексика восприятия в русской поэзии начала 20 века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 16 с.

Карпенко С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и в поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2000. – 26 с.

Ковтунова И.М. Поэтический синтаксис. – М., 1986. – 208 с.

Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала 20 века. – М., 1986. – 251 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1993. – 224 с.

Колианский Г.В. Текст как единица коммуникации // Коммуникативная функция и структура языка. – М., 1984. – С. 89–120.

Кочетков П.Н. Лексика восприятия в русской поэзии конца 19 – начала 20 века (на материале поэзии В.Я. Брюсова): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – 159 с.

Кретов А.А. Семантические процессы в лексико-семантической группе зрительного восприятия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1980. – 23 с.

Кривоzubова Г.А. Основные семантические структуры высказываний с предикатами зрительного восприятия // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. – Омск, 1988. – С. 23–26.

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – М., 1983. – 160 с.

Купина Н.А. Принципы и этапы лингвосмыслового анализа художественного текста: Дис. ... д-ра филол. наук. – Свердловск, 1984.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1979. – 367 с.

Ландсман И.М. Цветовые прилагательные в роли зрительных определений в поэзии А. Ахматовой // Вопросы теории и истории языка. – Ташкент, 1984. – Деп. в ИНИОН АН СССР 10.11.84 № 18633. – С. 138–143.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 682 с.

Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – 752 с.

Логачева О.Ю. Семантико-синтаксические особенности предложений, обозначающих ситуацию звучания: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988.

Ломтев Т.В. Предложение и его грамматические категории. – М., 1972. – 197 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970. – 384 с.

- Лукиянова Н.Н. Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования языковой картины мира (на материале произведений Д. Хармса «Месь» и «Искушение»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 17 с.
- Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста. – Минск, 1999. – 206 с.
- Моисеева Н.В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестник МГУ. Филология. – 1998. – №6. – С. 82–91.
- Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1984. – 183 с.
- Мухин А.М. Структура предложений и их модели. – Л., 1968. – 230 с.
- Николина Н.А. Одоративная лексика и система обозначения запахов в современном русском языке // Актуальные вопросы лексикологии. – М., 1989. – С. 4–18.
- Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М., 2003.
- Одинцова М.П. Предложения серии «Сирень пахнет» и их синхронные синтаксические дериваты // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1984. – Вып. 5.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – 797 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985. – 272 с.
- Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 23–44.
- Поэтический строй русской лирики. – Л., 1973. – 254 с.
- Примова М.Б. Предложения, обозначающие ситуацию слухового и зрительного восприятия в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 118 с.
- Проблемы поэтического языка. Общее и русское стиховедение. – М., 1989. – Т. 1. – 70 с.
- Психология восприятия. – М., 1989. – 195 с.
- Пятчина С.В. Семантика глаголов чувственного восприятия в разных синтаксических конструкциях. – Иркутск, 1987. – Деп. в ИНИОН 14.10.87. № 31463. – 27 с.
- Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.
- Семантические модели русских глагольных предложений (экспериментальный синтаксический словарь). – Екатеринбург, 1998. – 170 с.
- Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. – М., 1988. – 380 с.
- Степанян Т.Р. Синестетические метафоры русского языка (прилагательные чувственного восприятия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 17 с.
- Студнева А.И. Лингвистический анализ художественного текста. – Волгоград, 1983. – 88 с.
- Теля В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26–52.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – 653 с.
- Томашевский Б.И. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996. – 336 с.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М., 1986. – 126 с.
- Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.
- Федосюк М.Ю. Глаголы восприятия: лексическое значение и употребление в художественных текстах // История слова в текстах и словарях. – Ставрополь, 1988. – С. 99–105. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 839 с.
- Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. – Воронеж, 1987. – 157 с.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис (текст лекций). – Красноярск, 1988. – 52 с.
- Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – 187 с.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – 343 с.

Источники

- Ахматова Анна. Стихотворения. Поэмы. Проза. – Томск, 1989. – 544 с.
Блок Александр. Лирика. Театр. – М., 1982. – 544 с.
Блок Александр. И невозможное возможно. Стихотворения. Поэмы, театр, проза. – М., 1980. – 430 с.
Брюсов Валерий. Избранное. – М., 1989. – 268 с.
Гумилев Николай. Избранное. – Красноярск, 1989. – 709 с.
Есенин Сергей. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1983. – Т. 1. – 431 с.
Пастернак Борис. Избранное.: В 2 т. – М., 1985. – Т. 1. – 623 с.
Цветаева Марина. Стихотворения. Поэмы. – М., 1991. – 688 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии продемонстрированы возможности применения метода лингвистического моделирования в разных типах дискурсов. В качестве объекта моделирования избран феномен восприятия. Перцептивное восприятие лежит в основе познания мира, его осмысления и категоризации. Языковые единицы с семантикой восприятия достаточно регулярно и частотно представлены на разных участках языковой системы. Моделирование осуществлено с опорой на понятие пропозиции, понимаемой авторами как модель ситуации, отраженной в предложении. Результаты исследования показали, что подход к реконструкции процессов восприятия «от ситуации» является эффективным, поскольку позволяет сфокусировать внимание как на описании ситуации в целом, так и на отдельных ее сторонах, дать объемное, многоуровневое представление о восприятии, детерминированное совокупностью факторов.

Модель восприятия, являясь универсальной для национального языка, характеризуется спецификой в каждом из проанализированных дискурсов, что обусловлено коммуникативной направленностью. В работе разграничены понятия базовой модели и частных ее реализаций. Построенные модели могут быть интерпретированы как когнитивно-семантические, поскольку они дают информацию о способах познания мира через телесные конкретно-чувственные ощущения, отраженные в языковой семантике.

Моделирующие возможности пропозиции наиболее полно представлены на уровне высказывания, где пропозиция выражена предикативным способом: через предикат и его актанты. Обязательными актантами, репрезентирующими ситуацию восприятия, являются актанты объектного и субъектного типа. Моделирование осуществляется семантическими средствами языка. Безусловно, что ситуация восприятия (именно как ситуация) отражена, в первую очередь, средствами объективной (диктумной) семантики. Именно этим фактом объясняется интерес авторов монографии к высказыванию как основной единице коммуникации. Так, весьма детально рассмотрено диалектное высказывание, фиксирующее разные виды восприятия и отражающее черты крестьянского мировидения. Второй причиной обращения к высказыванию послужило то, что для диалектной формы коммуникации является характерной развернутая, нередуцированная форма представления той или

иной ситуации. На протяжении длительного устного повествования, как правило, пропозиция не редуцируется. Этим объясняется большое количество повторов в диалектной речи, а также наличие симметричных (соответствие глубинных и поверхностных) синтаксических структур. Например: *У нас колхоз тогда гарнизовали. Гарнизовали колхоз, народ стали вместе пахать и сеять*. Отсюда вытекает специфика теморематического членения диалектного высказывания: развернутое представление темы высказывания и рематического фокуса.

В высказывании органично представлены и взаимосвязаны синтаксис и лексика, участвующие в интерпретации феномена восприятия. Анализ лексического выражения элементов пропозиции позволил выявить значимые составляющие диалектной картины мира: архаичность, мифологизм, антропоцентричность. В диалекте функционирует лексика с семантикой восприятия, имеющая разную системную принадлежность, что свидетельствует об осознании значимости диалектоносителями категории восприятия. Субъект восприятия достаточно часто представлен мотивированными словами и метафорическими наименованиями, отражающими антропоморфизм диалектного сознания.

Принципиальное значение имеет вывод о том, что способ восприятия детерминирует различия в формальной и семантической организации высказывания. В работе представлены структуры визуального, аудиального, обонятельного восприятия, являющиеся основой для моделирования фрагментов эмоциональной, интеллектуальной, социальной, физической сферы.

Рассматривается специфика пространственных представлений в диалекте. Преобладающим способом восприятия пространства является непосредственное наблюдение. В осмыслении пространства преобладают архаичные представления человека об устройстве окружающего мира и своего места в этом мире. Пространство воспринимается органами чувств и моделируется с учетом понятий «горизонталь / вертикаль», «свое / чужое» и т.д. Пространство осваивается через объекты, так или иначе связанные с человеком. Они поименованы с учетом противопоставлений внутреннего и внешнего мира, идеального и материального, далекого и близкого. Все это позволяет говорить об особенностях структурирования мира носителями диалекта. Особенно ярко данное свойство сознания проявляется в коммуникативных ситуациях. Принципиально новым результатом в работе следует считать разработку понятия «коммуникативное пространство» применительно к диалекту как миромоделирующей системе. Коммуникативное пространство характеризуется целостностью, эгоцентричностью, свойством фокусировки намерений коммуникантов. Архаичность и антропоцентризм восприятия мира проявляются в том, что

человек осознает себя в центре этого мира и воспринимает освоенное, хорошо известное ему пространство. Моделирование пространства в диалектной коммуникации осуществляется посредством дейктических лексем «здесь», «тут», «там», функционирующих в рамках диалектного высказывания. Выбор данных лексем определяется принципиально устным характером общения, спонтанностью, непринужденностью, наличием общей информационной базы коммуникантов. В работе представлены многомерное, множественное пересечение коммуникативного, социального, культурного, географического пространства, возможности и принципы их моделирования.

В высказываниях с дейктическими элементами семантика чувственного восприятия представлена в модусной его части и составляет так называемый «модус перцепции», выраженный имплицитно и указывающий на способ получения информации. Преобладающим является визуальное восприятие. Высказывания относятся к информативно-образительному регистру речи: *Вот здесь у нас луга рядом, а до елани далеко*. В некоторых случаях семантика восприятия оказывается эксплицитной: *Я и молоденька даже приду в лес, я не на ягоду смотрю, а наверху... вон там растет*. Введение глагола, обозначающего процесс визуального восприятия, свидетельствует о получении информации путем непосредственного, активного наблюдения, об освоении дополнительного вертикального пространства, которое фиксируется лексемой «там».

Таким образом, высказывание является одним из ядерных средств, моделирующих ситуацию восприятия в диалектной коммуникации. Моделирование осуществляется на уровне диктумной и модусной семантики грамматическими и лексическими средствами языка.

Высказывание является минимальной единицей текста, который, в свою очередь, также может быть рассмотрен как миромоделирующая система. Поэтические тексты «насыщены» семантикой восприятия. В них отражается индивидуальная, авторская картина мира, которая может быть визуальной, аудиальной либо полимодальной, демонстрируя полноту и гармонию восприятия окружающей действительности. На основе конкретно-чувственного восприятия рождаются метафоричность, наглядность, зримость поэтических образов.

Высказывания с семантикой восприятия, включаясь в поэтический текст, участвуют в выражении основной идеи произведения, формируют эмоциональный, тематический, сюжетно-композиционный уровни текста. Мир внутренний (внутренний голос, внутренний слух) моделируется на основе внешних ощущений. Эмоциональная и интеллектуальная сферы интерпретируются через ситуацию чувственного восприятия.

Индивидуально-авторское восприятие действительности проявляется в большом количестве метафорических и метонимических моделей, основанных на переосмыслении субъектно-объектных отношений. Так, в высказываниях с семантикой звучания звук может быть представлен в структуре пропозиции и как субъект, и как объект. Как с объектом, с ним можно производить различные действия, связанные с таким его свойством, как способность к перемещению в пространстве. Звук подобен мячу, шару, который можно ловить, забрасывать, приносить. Звук обладает текучестью, и это отражается в том, что ситуация слухового восприятия описывается через глагол *вливать*. Звук воспринимается и как нечто твердое (*прибить*). Звук подобен письму, вести, которую можно слать адресату, передавать. Скорость передвижения звука отражается в глаголах (*мчат*). Невесомость, легкость звука приводят к тому, что его можно *вдуть* кому-либо в уши. Во всех приведенных примерах, несмотря на разные физические характеристики звука как предмета, отражены манипуляции со звуком, который передается адресату для того, чтобы воздействовать на него с какой-либо целью, независимо от его воли и желания.

В субъектных характеристиках звука отражена его способность к переходу из одного состояния в другое. Звук – живое существо, которое может *просыпаться, умирать, расти*. Сила звучания может уменьшаться, подобно снегу (*таять*). Звук имеет необычайную силу воздействия, которая способна преодолевать препятствия, проникать внутрь (*вгрызаться, вонзаться, ломать*). Звук самостоятельно передвигается. Характеристика движения звука осуществляется по разным параметрам. Наиболее часто отражаются текучесть звучания (*литься, течь*), скорость передвижения (*красться, нестись*).

Таким образом, ситуация слухового восприятия моделируется глаголами движения, состояния, физического действия. Моделирование осуществляется на уровне высказывания и на уровне текста. Тип текста задает особенности воплощения ситуации восприятия. Эффективной методикой при анализе ситуации восприятия в поэтическом тексте является анализ смены пропозитивных планов, основанный на том, что можно уменьшать, увеличивать изображение мира, фокусировать внимание на каких-либо деталях, отдалять, приближать их, совмещать «кадры». Все это способствует созданию объемного, динамичного, текучего, неоднородного внутреннего и внешнего мира, воплощенного в структуре поэтического текста. Анализ поэтического текста сквозь призму ситуации восприятия позволяет представить поэтический текст как дискурс.

Различные типы текстов образуют общенациональный дискурс, в котором проявляются инвариантные свойства модели восприятия. Русский язык как миромоделирующая система может быть рассмотрен не только в его вариантах, но и в противопоставлении другому языку. Национально-культурная специфика интерпретации процессов восприятия становится очевидной при обращении к фразеологическому фонду русского и английского языков, являющемуся хранилищем культурно-исторической информации. В монографии рассмотрен когнитивный потенциал фразеологизмов с компонентами, обозначающими органы восприятия («ухо», «глаз», «нос»). Наименования органов перцепции представляют собой компоненты пропозиции, в свернутом виде вербализованной во фразеологизмах. Выявлены базовые модели восприятия (аудиального, визуального, обонятельного) с учетом актантных и пространственных характеристик того или иного органа восприятия. Так, органы зрения и слуха могут быть представлены как инструмент, субъект, объект. Орган обоняния не имеет инструментального значения и репрезентирован в пропозициональной структуре фразеологических единиц в субъектной и объектной позиции.

Выявлены метафорические модели, отражающие принципы структурирования разных сфер человеческой деятельности. На основании представлений о расположении того или иного органа, его устройства и функционирования описываются физическая, социальная, психическая, интеллектуальная сферы. Выявленные модели наглядно показывают первичность и значимость чувственного восприятия в познавательной деятельности человека.

Ценность фразеологизмов как миромоделирующих средств языка заключается в том, что в них наиболее отчетливо проявлены результаты осмысления мира на разных этапах развития человечества. В частности, в моделях восприятия выражены мифологические представления человека об устройстве окружающей действительности, репрезентированные в пространственно-временных оппозициях *верх / низ*, *день / ночь* и др. Принципы организации языковой модели восприятия определяются и наличием «концептуальных матриц», воплощающих представление о стихиях огня, ветра, воды. Мифологическое представление пространства, зафиксированное в диалекте, в большей степени отражено во фразеологизмах, фиксирующих, что человек находится в центре мироздания, соприкасается одновременно со всеми мирами. Он слабо защищен от природных сил. Окружающее пространство делится на основе семиотических представлений: *верх / низ*, *свой / чужой*, *внутренний / внешний*. Именно органы чувств осуществляют связь человека с окружающей средой, отвечают за безопасность его существования.

Для выявления остаточных мифологических представлений в сознании современного человека был проведен лингвистический эксперимент, который показал, что при интерпретации фразеологизмов в сознании информантов актуализируются архетипические представления о первоэлементах мира и представления об амбивалентности стихий ветра, огня и воды. Таким образом, модель восприятия, реконструированная на основании анализа фразеологизмов, отражает мифологические представления современного человека об организации пространства.

Гипотеза о том, что модель восприятия является универсальной и национально-специфичной, находит подтверждение при сопоставлении фразеологических единиц русского и английского языков. Универсальность модели обусловлена общностью устройства системы восприятия человека, независимо от его национальной и социальной принадлежности, интеллектуальной и психической деятельности. Специфика отражает национально-культурные, индивидуально-авторские особенности восприятия. В русских фразеологизмах, по сравнению с английскими, в большей степени отражены пространственные представления, выражены полярность оценок, категоричность, изобразительность образов. Бесцельность, отсутствие направленности на результат зафиксированы в семантике русских ФЕ.

Таким образом, в монографии по данным русского языка реконструирована модель перцептивного восприятия. Моделирование ситуации восприятия осуществлено в разных формах национального языка. Выявлены языковые средства, с помощью которых моделируется ситуация восприятия (высказывание, фразеологизм, текст, дейктические указатели), показана зависимость вербализации восприятия от типа текста. Описаны инвариантные и индивидуальные свойства отдельных моделей. Продемонстрирована роль чувственного восприятия, телесных ощущений и эмпирического опыта человека в познании окружающего мира, его осмысления и категоризации.

Н а у ч н о е   и з д а н и е

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна
ВЕРХОТУРОВА Наталия Александровна
КРЮКОВА Лариса Борисовна
КУРИКОВА Наталья Владимировна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ
ВОСПРИЯТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ОБЩЕРОССИЙСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Ю.А. Сидоренко*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г. Подписано в печать 29.08.2006 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печ. л. 12,12; усл. печ. л. 11,27; уч.-изд. л. 10,97.
Тираж 200 экз. Заказ

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Фёдоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1